

АЗƏРБАЙҶАН ССР ЕЛМЛƏР АКАДЕМИЈАСЫНЫН

Х Э Б Ə Р Л Ə Р И

И З В Е С Т И Я

АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

ТАРИХ, ФƏЛСƏФƏ ВƏ НҮГҮГ СЕРИЈАСЫ

✱

СЕРИЯ ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

2

1987

«ЕЛМ» НƏШРИЈАТЫ— ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛМ»
БАҚЫ—БАКУ

А. А. ЗАРГАРОВ

ПЕРЕСТРОЙКА И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВОВЕДОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

Реализация курса партии на ускорение социально-экономического развития страны, перестройку общественного сознания в духе новых требований жизни немыслима без активизации идейно-теоретической деятельности.

Теория, сама теоретическая деятельность становится сегодня одной из важнейших движущих сил коммунистического строительства, важнейшим инструментом перестройки.

Активизацию теоретического фронта, научное осмысление новых явлений и процессов жизни наша партия рассматривает как неотъемлемую часть стратегии ускорения, и в этой связи с новой силой подчеркивает повышенную роль и ответственность общественных наук в решении многоплановых задач перестройки.

Место и роль обществоведческих исследований в перестройке, реализации стратегии ускорения прогресса советского общества определены XXVII съездом КПСС, постановлением ЦК КПСС о журнале «Коммунист», в речи М. С. Горбачева на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук и докладе на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. В них красной нитью проходит мысль о необходимости формирования в общественных и гуманитарных науках атмосферы новаторства и творческого поиска, свободного соревнования идей, создания обстановки высокой принципиальности и требовательности, партийной, взыскательности к результатам исследований, их идейно-теоретическому уровню и практической значимости.

Сегодня, в период претворения в жизнь революционных перемен во всех сферах жизни советского народа партия призывает обществоведов взглянуть на целый ряд кардинальных проблем внутреннего и международного общественного развития по-новому, реалистически, принципиально, видеть современный мир во всех его сложностях и противоречиях, глубоко научно осмысливать происходящие процессы, перестроить стиль и методы работы, а также мышление самих ученых. Здесь тон задает коллективный теоретический разум нашей партии, ярко воплотившийся за последние годы в его различных основополагающих программных документах.

Сознавая справедливость серьезных критических замечаний, высказанных в адрес общественных наук об известном отдалении их от жизни, осуждая проявления субъективизма и конъюнктурщины в проводимых исследованиях, нельзя сбрасывать со счетов и позитивные результаты, достигнутые обществоведами.

Связь общественных наук с жизнью не была прямолинейной и не всегда прослеживалась на поверхности явлений.

Было бы неправомерно утверждать, что наши общественные науки и теоретическая мысль находились в стороне от столбовой дороги

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: З. М. Буниятов (главный редактор), П. А. Азизбекова, И. Г. Алиев, А. М. Асламов, Дж. Б. Гулиев, Т. М. Кафаров, Ф. К. Кочарли, Н. М. Велиханова (ответственный секретарь), А. К. Рзаев (зам. гл. редактора), Р. А. Оруджев, М. М. Саттаров, А. С. Сумбатзаде.

© Издательство «Элм», 1987 г.

Адрес: г. Баку, проспект Нариманова, 31. Редакция «Известий Академии наук Азербайджанской ССР (серия истории, философии и права)».

социально-экономического, политического и культурного развития страны, в состоянии безучастных наблюдателей и равнодушных фиксаторов происходящих вокруг процессов.

Ученые-обществоведы внесли немалый вклад в разработку многих актуальных проблем марксистско-ленинской теории и практики коммунистического строительства. И, конечно, было бы неверно видеть причины отставания общественных наук от практики в теоретических перекосах. Следует согласиться с мнением, что тогда теоретическая мысль отражала и фиксировала сложившуюся практику, она отставала не столько от практики, сколько от требований жизни и потребностей развития нашего общества.

Вместе с тем со всей категоричностью следует подчеркнуть, что сделанное совершенно не соответствует уровню, потребностям и темпам коренных социально-экономических и духовно-нравственных преобразований, происходящих в настоящее время во всей стране, и в Азербайджанской ССР в частности.

Слишком продолжительным и по времени и по части переоценки приобретенного научного багажа оказался путь общественных наук к перестройке. И опять, в который уже раз, понадобилась инициатива Центрального Комитета КПСС для того, чтобы вывести из состояния застоя наши общественные науки, преодолеть в них субъективизм, схоластическое теоретизирование, догматизм мышления, схематизм.

Думая о причинах отставания общественных и гуманитарных наук и в особенности теоретических исследований от потребностей общества, память возвращает нас к тем недалеким временам, когда выдвижение оригинальных идей, нестандартных концепций вовсе не являлось признаком высокого научного интеллекта ученого-обществоведа, и нередко это обстоятельство оценивалось как отступление от его мировоззренческого кредо.

Конечно, в такой обстановке нельзя было ожидать сколько-нибудь заметного развития как теоретической мысли, так и серьезных практических разработок. Думается, что догматизм, субъективизм и начетничество, долгие годы процветавшие в гуманитарных и обществоведческих науках и сейчас окончательно не изжившие себя, были порождены именно теми сложившимися условиями, когда значение таких понятий, как гласность, демократия, объективная научная критика оценивались как ценности недостаточно высокой пробы.

Эти обстоятельства не могли не отразиться на сознании и образе мышления самих исследователей, некоторые из которых до сих пор не в состоянии избавиться от штампованного и стереотипного мышления, укладывания реальной действительности в прокрустово ложе старых догм.

Пишу об этом вовсе не для того, чтобы как-то обелить обществоведов, которые, безусловно, повинны и несут ответственность за нынешнее состояние общественных наук. Напоминая о былых временах, хочется сказать во весь голос, что проводимая партией демократизация нашего общества, перестройка и ускорение во всех сферах жизни страны создают небывалые прежде условия, возможности и атмосферу для научного творчества обществоведов, инициативы, смелости в выдвижении новых идей. И этими возможностями ученые-обществоведы обязаны воспользоваться в полной мере, активно включившись в

процесс перестройки для ускоренного преодоления отставания в развитии общественных наук.

В этом есть большая необходимость еще и потому, что сама перестройка нуждается в глубоком теоретическом осмысливании.

Обращаясь к советским ученым от имени яварского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, М. С. Горбачев заявил: «...чтобы стать активной участницей перестройки, наука сама должна во многом перестроиться. Жизнь торопит нас. Тот, кто не опережает в научных идеях, рискует отстать во всем. Так ставит вопрос наше время — время самых глубоких перемен в науке и технике, каких не знало человечество» [1].

Состоявшееся в декабре 1986 г. республиканское совещание преподавателей общественных наук вузов обсудило неотложные задачи обществоведов Азербайджана, наметило конкретные меры по устранению имеющихся существенных недостатков и упущений в преподавательской и научно-исследовательской деятельности.

Задачи перестройки деятельности академических учреждений обществоведческого и гуманитарного профиля были также обсуждены на состоявшемся в феврале 1987 г. активе обществоведов Академии наук республики.

В выступлениях участников совещания и актива прозвучал серьезный и обоснованный упрек в том, что темпы, масштабы и качество перестройки обществоведения в республике отстают от требований жизни, не достигнут коренной поворот в его развитии.

Была подвергнута острой критике деятельность ряда институтов Академии наук республики обществоведческого профиля и намечены конкретные пути выправления создавшегося в них положения.

Данную негативную оценку следует признать вполне справедливой, ибо до сих пор в наших исследованиях продолжают иметь место всяческие отступления от исторической правды, проявления национальной ограниченности и кичливости, отсутствуют полновесные научные мысли и творческое начало.

В коллективах институтов имеется немало сотрудников с низким научным и идейным уровнем, не обладающих способностью справляться со своими обязанностями и решать поставленные перед учреждением задачи.

В глубоком анализе нуждаются все аспекты задачи развития общественных и гуманитарных наук в республике. Не являются исключением и проблемы научной информации в области общественных и гуманитарных наук. Сегодня нельзя говорить о значительных качественных сдвигах в развитии общественных наук без широкого использования возможностей информации.

Основоположники научного коммунизма неоднократно подчеркивали роль научной информации как движущей силы науки. Так, Ф. Энгельс, открыв закон ускоренного развития науки, писал в 1844 г. в статье «Наброски к критике политической экономии» о том, что «наука растет, по меньшей мере, с такой же быстротой, как и население; население растет пропорционально численности последнего поколения, наука движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения, следовательно, при самых

обыкновенных условиях она также растет в геометрической прогрессии» [2, 568].

Значение научной информации в развитии общественных наук трудно переоценить особенно в нынешний период информационного «взрыва», который в последние десятилетия обрушился на человечество. За это время вышло больше книг, чем за весь период от изобретения книгопечатания до второй мировой войны. Ныне в мире ежегодно публикуется только по гуманитарной тематике свыше одного миллиона книг, брошюр, журнальных статей, не говоря о бесчисленной газетной продукции.

Быстро растет число научных учреждений. Подсчитано, что только в нашем столетии объем научной информации увеличился в мире в 10 раз, что в свою очередь потребовало в 20 раз увеличить число лиц, занятых в науке, и в 40 раз увеличить ассигнования на научно-исследовательскую деятельность.

Ежегодно публикуется около 700 тысяч отчетов о научно-исследовательских работах, 85 тысяч оригинальных статей, более 700 тысяч заявок и описаний изобретений. Издаётся около 100 тысяч научных журналов на 60 языках, регистрируется свыше 400 тысяч патентов, пишется 250 тысяч научных диссертаций и обзоров.

Поток информации обретает поистине необъятные размеры и обладает тенденцией к возрастанию. К концу века, как утверждают прогнозисты, объем знаний человечества возрастет вдвое, а объем информации увеличится более чем в 30 раз.

Потому сегодня мы вправе утверждать, что осознанные необходимости выделения самостоятельной отрасли знания, исследующей весь круг проблем, связанных с производством, передачей и потреблением информации в обществе является важнейшим достижением науки XX века.

Человеку становится трудно освоить даже те знания, которые ему необходимы, он теряется в обилии сведений, порой не может определить, что важно и необходимо, а что второстепенно.

Ныне значительную часть времени научные работники тратят на поиски информации, причем не всегда находят то, что необходимо. Информации зачастую вроде бы и много, но она не содержит новых, оригинальных идей. Вместе с тем незнание того, что уже открыто, опубликовано, приводит нередко к «открытию» и изданию уже известного, к работе вхолостую, пустой трате времени и сил как отдельных ученых, так и целых коллективов. Нельзя здесь сбрасывать со счетов и языковые барьеры.

Хорошо налаженная научная информация помогает ориентироваться в интересующей специалиста проблематике, представить картину современного состояния той или иной отрасли науки. Это дает возможность составить объективное представление о важнейших тенденциях и проблемах каждой из областей общественных наук, представить весь фронт работ в целом и определить свое место и свои собственные задачи на соответствующем участке этого фронта, улавливать новые тенденции зарубежной общественной мысли и идеологии. Строгий отбор всего, что на самом деле представляет научную ценность, из огромного потока обществоведческих трудов, издаваемых во всем

мире, — задача не простая, особенная если учесть, что на Западе публикуются ежегодно тысячи псевдонаучных книг и статей.

Суть научной информации заключается в том, чтобы облегчить предварительный поиск источников, осуществить квалифицированную научную оценку материала и выделить из него наиболее важные документы и источники, подлежащие изучению.

Существенная специфическая черта информации по общественным наукам состоит в выявлении классового характера социальных теорий, классовых позиций авторов. Ведь от классовой позиции автора в большой мере зависит степень научности его трудов, его концепций и выводов.

Здесь уместно отметить, что тезис о нейтральности общественно-политической информации, выдвигаемый буржуазной информатикой, в лучшем случае представляет собой иллюзию, а на практике маскирует изощренную систему манипулирования фактами для апологетики буржуазного строя и пропаганды антикоммунизма.

Важной частью информационного обеспечения обществоведов является подготовка специальных материалов, посвященных непосредственно разоблачению антикоммунизма и антисоветизма, критическому анализу новых тенденций в антикоммунистической пропаганде, новых идей и аргументов, используемых нашим классовым противником.

В настоящее время в нашей стране сложилась и успешно функционирует стройная система информации в области общественных наук. Главным звеном в этой системе является Институт научной информации по общественным наукам АН СССР — крупный международный центр информации и головное учреждение системы информации обществоведов стран социалистического содружества, получающий только периодические издания из 144 стран.

Имеются также отраслевые и республиканские академические центры научной информации по общественным наукам.

В Азербайджанской ССР эта задача возложена на Центр научной информации по общественным наукам Академии наук республики (ЦНИОН). Его организация была обусловлена необходимостью сбора и обработки информации по общественным наукам применительно к нуждам и запросам развития научных исследований и совершенствования идеологической работы в республике.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что в нашей республике такая качественно новая отрасль научного знания, как информация по общественным наукам, за довольно короткий промежуток времени завершила стадию становления и получила дальнейшее развитие. Сформировалась структура Центра, организованы и укомплектованы соответствующими специалистами основные подразделения, подготовлены и приобрели необходимые навыки молодые кадры, определены формы информационной деятельности, создана система изданий, рассчитанная на разных потребителей. Имеется довольно богатый справочно-информационный фонд, накоплен положительный опыт научно-информационной деятельности и ее успешного функционирования.

Однако, не умаляя значения достигнутого, следует особо отметить, что широкие возможности информационного потенциала обществоведов Азербайджана еще не полностью выявлены и недостаточно эффективно используются. Они не полностью отвечают требованиям перест-

ройки и задачам развития общественных наук в республике и потому нуждаются в глубоком творческом поиске, совершенствовании информационной деятельности.

С другой стороны, с сожалением приходится констатировать, что укоренившиеся в работе обществоведов столь необходимые традиционные методы индивидуального поиска научного материала все еще недостаточно полно сочетаются с широким использованием даже весьма оригинальных и ценных источников, предлагаемых сотрудниками научно-информационных подразделений. Непонятно удивительное равнодушие и отсутствие всякого интереса части исследователей к анализу новых первоисточников, взятых из зарубежных публикаций, написанных на многих иностранных языках. Это обстоятельство значительно обедняет и делает неполноценным научный аппарат исследований, отрицательно влияя на его научный уровень.

Пожалуй, ни одна обществоведческая научная организация республики не обладает такими огромными возможностями выявлять и включать в научный оборот столь обширное количество материалов зарубежных публикаций (на западных и восточных языках), как Центр научной информации по общественным наукам АН Азербайджанской ССР, который к тому же обладает богатым справочно-информационным фондом. Этими возможностями следовало бы разумно воспользоваться.

Важно вместе с тем и воспитание внутренней потребности в высокой информационной культуре молодых обществоведов республики, все больше укрепляющих свои позиции в научном поиске. От этого во многом зависит умение черпать из океана информации то, что необходимо для пополнения знаний, приобретения опыта и навыков для успешной творческой работы, развития своих способностей и дарований.

Здесь на первый план выдвигается задача тесного научного сотрудничества Центра научной информации по общественным наукам с институтами соответствующего профиля Академии наук и вузов республики. Стремление к нему должно быть взаимным, носить не формальный, а деловой характер.

Такое сотрудничество должно основываться на максимально возможном учете и удовлетворении информационных потребностей научно-исследовательских планов институтов.

Этого можно добиться при хорошо налаженной и четко функционирующей обратной связи ЦНИОН со своими потребителями информации, которая одновременно позволяет оценить эффективность его работы.

Формы научного сотрудничества могут быть весьма разнообразны: от совместной подготовки информационного материала до непосредственного участия в самом процессе исследования. С учетом профиля и опыта работы ЦНИОН мог бы предложить свое участие в разработке проблем, связанных с экономикой и политикой современного Ирана, Турции, арабских стран и ислама, критикой буржуазных концепций политического, социально-экономического и культурного развития Азербайджана, составлением различных библиографических указателей по обществоведческим наукам и т. д.

Каждому исследователю хорошо известно, что информационный материал может быть ценным лишь в том случае, если степень его по-

лезности находится в прямой зависимости от оперативности использования. Совершенно очевидно, что запоздавшая информация теряет свою актуальность, научную и практическую ценность, а порой становится просто ненужной. Следовательно, сводятся на нет огромные усилия исполнителей, бесцельно расходуются финансовые и материальные средства.

Интересы развития общественных наук в республике требуют значительного повышения оперативности информации, своевременного доведения до потребителя самых новейших фактологических материалов, скорейшего их включения в научный оборот.

Не менее важной задачей является точное определение адресата информации, повышение качества реферирования и переводов, научного анализа материалов, полиграфического исполнения продукции Центра.

В наше время резко возросло значение общественных наук как теоретической основы в идеологической борьбе с классовым противником, эффективного использования их результатов в практической деятельности. Обществоведы немало сделали для того, чтобы дать пропаганде добротную теоретическую основу в борьбе с антикоммунизмом и антисоветизмом. Тем не менее наука все еще остается в большом долгу перед практикой.

Большую помощь обществоведам в разоблачении буржуазной идеологии призвана оказать научная информация, которая должна не только аккумулировать, систематизировать и пропагандировать важнейшие достижения марксистско-ленинской мысли, но и постоянно следить за эволюцией буржуазной науки, учитывать сдвиги и тенденции в идеологической борьбе, степень научной и политической актуальности вопросов, рассматриваемых в конкретных изданиях. Оперативное выявление новых проблем, обобщений и концепций, определение их роли в общем потоке общественных процессов, в развитии общественной мысли имеют принципиальное научное и практическое значение. И в этом подходе также находит отражение неразрывная связь информации в области общественных наук с идеологической борьбой, которая должна стать еще более тесной и эффективной.

Существует еще одна проблема, успешное решение которой коренным образом изменит содержание информационной работы и значительно повысит ее эффективность. Она отражает веление времени, насущные требования дня, и от решения ее зависит будущее всей информации по общественным наукам. Это — переход на автоматизацию информационных процессов на основе широкого применения математических методов и вычислительной техники.

Автоматизация способствует повышению оперативности и качества информационного обслуживания. Она значительно сокращает время, затрачиваемое на выполнение заказов потребителей, помогает оперировать обработку и выдачу информации с другими центрами, расширяет круг абонентов систем и видов изданий, способствует механизации библиотечных процессов, обеспечению абонентов полными копиями документов и т. д.

Кроме того, автоматизация и механизация информационных процессов — сбора, передачи, кодирования и декодирования, приема,

хранения, переработки, поиска и выдачи нужной информации — резко повышают производительность труда самих работников информации.

ЦНИОН АН Азербайджанской ССР ведет целенаправленную работу по организации автоматизированной системы поиска и выдачи научной информации по общественным наукам. В настоящее время такая система организационно уже создана. Открыт новый отдел, который начинает вести соответствующие разработки по созданию собственного локального банка библиографических данных, обеспечению доступа к обширным банкам данных Института научной информации по общественным наукам Академии наук СССР и других республиканских и региональных информационно-научных центров страны.

Работа эта очень сложная, кропотливая и трудоемкая. Она требует участия различных специалистов высокой квалификации, наделенных богатым опытом и навыками.

Многое предстоит сделать коллективу ЦНИОН для ознакомления широкого круга ученых как в стране, так и за рубежом, с наиболее интересными исследованиями общественников республики, в особенности изданными на национальном языке. Думается, что наши институты общественного и гуманитарного профиля как заинтересованные организации проявят необходимый интерес к популяризации своих публикаций и будут тесно сотрудничать с Центром в этом вопросе, демонстрируя при этом оперативность и высокий уровень квалификации.

Следует обратить больше внимания на подготовку аналитических тематических изданий, в том числе и библиографических, отличающихся повышенной информативной емкостью и спросом потребителей.

Конечно, не только этими вопросами исчерпываются проблемы совершенствования информации в области общественных наук. Есть еще много других нерешенных проблем, связанных с человеческим фактором, в том числе с подготовкой, расстановкой и использованием кадров, организацией труда, ростом его эффективности и т. д.

Таким образом, перестройка информационной деятельности наряду с другими действенными факторами, создает большие возможности для существенного позитивного воздействия на творчество общественников республики в соответствии с новыми требованиями жизни.

Примечания

¹ Правда, 1987, 28 янв.

² Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1.

Э. Э. Зеркаров

ЈЕНИДЭНГУРМА ВЭ АЗЭРБАЈЧАН ИЧТИМАЈЈАТЧЫЛАРЫНЫН МӘ'ЛУМАТ ПОТЕНСИАЛЫ

Мәгаләдә гејд едилір ки, партијанын һәјата кечирдији Совет чәмијјәтинин демократикләшдирилмәси, өлкәнин сийәси, сәсиал-иттисади вә мәдәни һәјәтинын бүтүн сәһәләриндә јенидәнгурма вә сүр'әтләндирмә тәдбирләри республиканын ичтимајјатчы алим-ләринин елми јарадычылығы үчүн көзәл шәраит јарадыр, кениш имканлар ачыр. Ичти-мај вә гуманитар елмләрдәки керилијин арадан галдырылмасы мәнәфеји елми мә'лу-матын имканларында кениш истифадә олунмасыны тәләб едир. Бунунла әләғәдар ола-раг, мәгаләдә елми мә'лумат фәалијјәтинин сәмәрәлијини јенидәнгурманын тәләбләри вә республиканын мувафиг елми тәшкилатлары вә али мәктәпләри илә фәал әмәкдашлыг руһунда артырмаг мәсәләләри нәзәрдән кечирилир.

Н. А. АХУНДОВ

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА

Становление советской внешнеполитической пропаганды самым непосредственным образом связано с победой Великой Октябрьской социалистической революции и образованием первого в мире государства трудящихся, его выходом на международную арену. С первых же дней своего существования Советское государство стало проводить такую внутреннюю и внешнюю политику, которая соответствовала природе нового, социалистического строя, отвечала интересам социализма и мира, свободы и взаимопонимания народов. Октябрьская революция изменила не только политическое лицо мира, но и идеологический климат в международных отношениях. От свершившегося в России исторического события исходили сильнейшие импульсы революционной пропаганды. Каждый призыв новой власти, даже если он и не был специально обращен к внешнему миру, так же, как и каждая акция первого в истории социалистического правительства, несли в себе заряд революционной энергии, воздействовавшей на остальной мир. Это положило начало качественно новому этапу противоборства социалистической и буржуазной идеологии, выходу на международную арену советской внешнеполитической пропаганды, которая стала важнейшей функцией советской внешней политики.

В первом внешнеполитическом документе Советского государства — Декрете о мире — были определены основное направление и характер внешнеполитической пропаганды страны. Речь шла не только о пропаганде полного и всеобщего мира, о повсеместном прекращении войны, но и об обосновании необходимости установления прогрессивных и демократических норм взаимоотношений государств. В Декрете недвусмысленно указывалось, что Советское правительство выражает «твердое намерение вести переговоры совершенно открыто», перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных переговоров, подтвержденных и заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. [1, 13].

Обращенный не только к правительствам, но и к народам воевавших стран Декрет о мире стал первым в истории человечества государственным актом, направленным на практическое осуществление призыва Ленина «помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира [2, 16].

Советское правительство сочло необходимым широко распространить текст Декрета о мире через печать и радио. Уже на следующий день после публикации Декрета «Правда» начала вести его активную пропаганду, разъясняя основные положения и принципы качественно новой социалистической внешней политики.

Известно также, какое революционизирующее воздействие оказало на народы Востока обращение «Ко всем трудящимся—мусульманам России и Востока», какую роль сыграли содержащиеся в нем принципы и положения в развитии национально-освободительного движения угнетенных народов. «Не от России и ее революционного правительства, — говорилось в этом документе, — ждет вас порабощение, а от хищников европейского империализма, от тех, которые превратили нашу родину в расхищенную и обираемую свою «колонию» [3, 35]. Обращение Совета Народных Комиссаров приобрело широкую известность среди мусульманского населения Советской России и стран зарубежного Востока. На заседании Совнаркома было решено напечатать его в «миллионах экземпляров на всех мусульманских языках» [4, 71].

В Азербайджане это обращение было опубликовано 5 декабря 1917 г. в газете «Гуммет». Выступая на митинге рабочих-азербайджанцев в Баку, пламенный революционер М. Г. Везиров говорил: «Совет народных комиссаров, объявивший беспощадную войну этой грабительской, купеческой войне и мужественно борющейся за принцип самоопределения народов, этим самым борется за свободу и Марокко, и Алжира, и Туниса, и Триполи, и Египта, и Индостана, и Аравии, и Персии, и Турции, находящихся под гнетом европейских капиталистов и империалистов» [5, 72].

Весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции и обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» с большой радостью встретили народы Южного Азербайджана и всего Ирана. В ответ на это обращение Демократическая партия Южного Азербайджана опубликовала специальное письмо, в котором от имени народа выражала благодарность Советскому правительству за внимание и доброжелательное отношение к народам Ирана [6].

Большую роль в становлении внешнеполитической пропаганды сыграла публикация секретных дипломатических документов внешней политики царского и Временного правительства. «Тайная дипломатия, — подчеркивалось в заявлении Народного комиссариата иностранных дел от 22 ноября 1917 г., — есть необходимое орудие в руках имущего меньшинства, которое вынуждено обманывать большинство, чтобы подчинять его своим интересам... Упразднение тайной дипломатии есть первейшее условие честности народной, действительно демократической внешней политики. Проводить такую политику на деле ставит своей задачей Советская власть» [7, 21].

Благодаря открытой внешнеполитической пропаганде Советского правительства народы мира впервые узнали о грабительских сделках империализма, о предательстве правительствами капиталистических государств национальных интересов.

Первые внешнеполитические акты Советского правительства, а также публикация секретных дипломатических документов вызвали резкое противодействие мировой буржуазии, ее пропагандистского аппарата. В буржуазной печати появились многочисленные публикации, направленные на дискредитацию первых шагов Советской власти.

«Американский монополистический капитал, — отмечал предсе-

датель Коммунистической партии США Уильям Фостер, — сразу же понял, что Октябрьская революция представляет для него страшную опасность, угрозу капиталистическому господству не только в России, но и во все мире» [8, 7].

Советская внешнеполитическая пропаганда начала активное разоблачение попыток империализма оболгать, очернить, ослабить впечатление от первых декретов народной власти. В статье «Из-за чего борьба» «Правда» писала: «Помещики, буржуа и их прислужники борются против народной власти именно потому, что они против изданных ею постановлений о земле и о предложении мира» [9]. В том же номере было опубликовано «Воззвание Международной (Циммервальдской) социалистической комиссии и Заграничного Представительства ЦК большевиков», в котором говорилось: «Рабочие и солдаты Петрограда... требуют немедленного перемирия, немедленного открытия мирных переговоров, которые должны привести к честному миру без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов.. Правительства как центральных держав, так и Согласия — враги русской революции, ибо последняя прокладывает путь делу освобождения народных масс» [10].

Решимость первого в мире социалистического государства проводить внешнюю политику в духе справедливого демократического мира, была непоколебимой. «Мы опубликовали, — подчеркивал В. И. Ленин, — и впредь будем опубликовывать тайные договоры. Никакая злоба и никакая клевета не остановят нас на этом пути. Господа буржуа зlobствуют оттого, что народ видит, из-за чего его гнали на бойню. Они пугают страну перспективой новой войны, в которой Россия оказалась бы изолированной. Но нас не остановит та бешеная ненависть, которую буржуазия проявляет к нам, к нашему движению к миру» [11, 116—117].

Продолжая начатую политику открытой дипломатии и поддержки борющихся народов Востока, Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным широко использовал практику непосредственного обращения к трудящимся. Так 30 августа 1919 г. Советское правительство опубликовало обращение к рабочим и крестьянам Ирана, разоблачавшее кабальный характер англо-иранского договора и реакционную политику правящих иранских кругов. В обращении говорилось, что в тот момент, когда английский хищник пытается набросить на шею персидского народа аркан окончательного порабощения, Советское Рабоче-Крестьянское правительство Российской Республики торжественно заявляет, что не признает англо-персидского договора, осуществляющего это порабощение» [12, 203].

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, и в частности образование Азербайджанской ССР, способствовало успешному национально-освободительному движению в странах Востока.

Выступая на VIII Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин подчеркнул важное значение победы в упрочении Советской власти в Азербайджане и других республиках Востока. «Мы должны приветствовать, — говорил он, — образование и упрочение Советских республик — Бухарской, Азербайджанской и Армянской, восстановивших не только свою полную независимость, но и взявших власть в руки рабочих и крестьян.

Эти республики являются доказательством и подтверждением того, что идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство» [13, 132].

Особенно широкий размах национально-освободительное демократическое движение приняло в Южном Азербайджане, где 7 апреля 1920 г. началось вооруженное восстание против английских колонизаторов и шахской власти.

Советский Баку стал проводником влияния Коммунистического Интернационала на освободительное движение народов Востока. По постановлению исполкома Коммунистического Интернационала 1 сентября 1920 г. в Баку открылся 1 съезд народов Востока. На нем присутствовало более 2 тыс. делегатов, представлявших 38 народов. Среди делегатов были представители Азербайджана, Грузии, Армении, горцев Северного Кавказа, Крыма, Башкирии, Калмыцкой республики, Туркестана, Бухары, Хивы, Турции, Ирана, Афганистана, Китая, Индии. В работе съезда участвовали представители США, Венгрии, Франции, Голландии, Испании, Австрии, Японии, Болгарии, Греции, Румынии, Югославии [14, 261].

Выступления делегатов съезда, принятые ими документы явились мощным пропагандистским оружием, взятым на вооружение борющимися народами стран Ближнего и Среднего Востока. 1 съезд народов Востока избрал постоянно действующий орган — Совет пропаганды и действия народов Востока с местом пребывания в Баку. В задачу этого органа входила поддержка национально-освободительного антиимпериалистического движения на Востоке. В. И. Ленин в своем письме в Совет пропаганды указал, что от вовлечения в политическую жизнь трудящихся масс Востока зависит теперь в громадной степени судьба всей западной цивилизации [15].

«Социалистическая революция, — отмечал Г. А. Алиев, — осуществленная в стране, которая географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии ее великая освободительная миссия, характер проблем, которые она решала, — все это было близко и понятно народам Азии, Африки и Латинской Америки» [16, 16].

Совершенно новой и в то же время исключительно эффективной формой внешнеполитической пропаганды в годы борьбы за укрепление международного положения Советской республики явились письма вождя революции коммунистическим и рабочим партиям зарубежных стран. Среди них «Письмо к американским рабочим» (август 1918 г.) [17, 64], «Письмо к рабочим Европы и Америки» (январь 1919 г.) и др. [18, 454]. Всего за этот период В. И. Лениным было написано 15 обращений такого рода. В них с особой силой раскрывается приверженность Ленина принципу интернациональной солидарности трудящихся, его стремление в доступной и популярной форме изложить задачи Советской власти. «Пусть кричит на весь свет, — писал В. И. Ленин американским рабочим, — продажная буржуазная пресса о каждой ошибке, которую делает наша революция. Мы не боимся наших ошибок. От того, что началась революция, люди не стали святыми. Безошибочно сделать революцию не могут те трудящиеся

массы, которые веками угнетались... На каждую сотню наших ошибок, о которых кричит на весь свет буржуазия и ее лакеи... приходится 10 000 великих и геройских авторов» [19, 60—61].

В этом письме В. И. Ленин не только разоблачает клевету буржуазной прессы. Он с огромной убедительностью раскрывает сущность подлинной социалистической демократии, противопоставляя ее насквозь лживой буржуазной демократии. «Когда речь идет о свержении буржуазии, только предатели или идиоты могут добиваться формального равенства прав для буржуазии. Грош цена «свободы собраний» для рабочих и крестьян, если все лучшие здания захвачены буржуазией. Наши Советы *отняли* все хорошие здания, и в городах и в деревнях у богатей, *передав все* эти здания рабочим и крестьянам под их союзы и собрания. Вот, *наша* свобода собраний — для трудящихся! Вот смысл и содержание нашей Советской, нашей социалистической Конституции!» [20, 63].

Ленинское послание американским трудящимся является великодушным образцом внешнеполитической пропаганды, где огромная убежденность, публицистическая страстность и доходчивость слились воедино, вызывая ответные чувства доверия братьев по классу. «...Это не просто письмо русского человека американцам, — отмечал Генеральный секретарь Коммунистической партии США. Г. Холл. — Это письмо одного рабочего другим. Это вдохновляющее революционное послание, воодушевляющее письмо, послание, направленное победоносным классом. Оно отражает глубокое чувство революционной убежденности» [21].

Богатейшее ленинское наследие в области пропаганды внутренней и внешней политики представляет собой яркий пример эффективной внешнеполитической пропаганды коммунизма. В нем прослеживается тесная взаимосвязь конкретной, живой практики социалистического строительства с задачей обеспечения максимально благоприятных внешних условий для защиты достижений революции, связь внешней политики и пропаганды.

Советская внешнеполитическая пропаганда, руководствуясь марксистско-ленинской идеологией, прошла многолетний и сложный путь в своем развитии. За свою 70-летнюю историю она обрела огромный опыт воздействия на умы и сердца людей, превратилась в действенный инструмент политики КПСС и Советского государства. Ленинский подход к внешнеполитической пропаганде как важнейшему средству проведения международного курса партии служит основой взаимодействия советской внешней политики и пропаганды в современных условиях.

Исключительная важность задач, решаемых внешнеполитической пропагандой, вызывает необходимость постоянного обновления, обогащения, актуализации содержания, совершенствования форм и методов внешнеполитической пропаганды, усиления ее наступательности.

Речь идет о качественно новой внешнеполитической пропаганде, учитывающей время и обстановку, наступательной, смелой и решительной, рассчитанной на упреждение буржуазной пропаганды и контрпропаганды, на поддержку и доверие зарубежной общественности.

На это направлены повседневная организаторская работа пар-

тии, решения партийных съездов и Пленумов ЦК КПСС, постановления Центрального комитета по обобщению опыта пропагандистской работы партийных организаций, совершенствования системы и аппарата пропаганды.

Практически во всех решениях партии по идеологическим вопросам большое внимание уделяется внешнеполитической пропаганде, делу распространения международной информации о Советском Союзе, его внутренней и внешней политике, борьбе с буржуазной идеологией.

Внешнеполитическая пропаганда в современных условиях приобретает характер одной из внешних функций социалистического государства, в осуществлении которой участвуют широкие массы трудящихся, их представительные органы и общественные организации. Ведущей и направляющей силой этой деятельности является внутренняя и внешняя политика КПСС.

На фоне опасной, губительной для мира внешней политики империализма миролюбивая политика Советского Союза выглядит в глазах мирового общественного мнения как динамичная, конструктивная, последовательная политика борьбы за мир и безопасность народов.

Народы мира все больше и больше убеждаются, что Советский Союз отвергает курс на военные приготовления, на нагнетание враждебности к другим государствам. Нет такого государства, которое за последние годы выступало бы перед человечеством с таким широким спектром конкретных и реалистических инициатив по важнейшим проблемам международных отношений, как это сделал Советский Союз.

Особый авторитет и признательность советскому миролюбивому внешнеполитическому курсу придает его интернациональный характер, последовательная и принципиальная позиция Советского Союза, отражающая гармоническое сочетание национальных интересов с интернациональными обязанностями рабочего класса, пришедшего к власти, советская внешняя политика органически сочетает патриотизм и служение интересам Родины с интернационализмом» [22, 7].

Для разъяснения значения интернационализма советской внешней политики неисчерпаемый материал дает ленинское творческое наследие, указания В. И. Ленина о том, что «интернационализм на деле — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в своей стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) такой же борьбы, во всех без исключения странах» [23, 170].

Принцип пролетарского интернационализма положен в основу всей международной деятельности Коммунистической партии и Советского государства на всех ее этапах.

Решительно отвергая вмешательство во внутренние дела других государств, молодая Советская республика с первых лет своего существования оказывала помощь и поддержку тем государствам и правительствам, которые стояли на антиимпериалистических позициях, организовывали борьбу своих народов за национальное и социальное освобождение. В качестве примера можно привести помощь кемалистской Турции в отражении империалистической интервенции, поддержку монгольской революции 1921 года, содействие героической борьбе

китайского народа против японских и иных поработителей, всестороннюю интернациональную помощь молодой Испанской Республике, героически отбивавшей натиск германо-итальянских фашистов и др.

Как подчеркивал на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев «солидарность с силами прогресса и демократии, с теми странами и народами, которые отстаивают перед натиском реакции свою свободу и независимость, является для нас принципиальным вопросом. Здесь наша линия остается такой же ясной, какой она была всегда» [24, 24].

Особое значение принцип пролетарского интернационализма в международных отношениях получил с образованием системы стран социалистического содружества. Пролетарский интернационализм в отношениях между братскими странами приобрел форму социалистического интернационализма. Это нашло свое отражение в двухсторонних договорах о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между социалистическими государствами, в Варшавском Договоре, Уставе Совета Экономической Взаимопомощи, Основных принципах международного социалистического разделения труда, Комплексной программе социалистической экономической интеграции и в других многосторонних документах.

Во внешнеполитической пропаганде идей интернационализма важное место занимает анализ характера развития мирового революционного процесса, специфики его современного этапа. Одной из важных особенностей его развития является распространение интернационалистской идеологии на все новые слои населения за пределами мировой системы социализма.

Как отмечал апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, «сегодня человечество располагает огромным потенциалом мира, многосторонним опытом, достаточным историческим и социальным кругозором для того, чтобы понимать, куда способна привести политика агрессии. Это понимание теснее сплачивает миролюбивые силы, активизирует антивоенные, антиядерные движения, поднимает все новые прогрессивные, демократические отряды на борьбу против угрозы войны» [25, 23].

Важной задачей советской внешнеполитической пропаганды является оказание всемерной поддержки этим движениям, ставшим долговременным и влиятельным фактором общественной жизни, еще активнее разоблачать перед всей мировой общественностью эгонистический милитаристский курс Вашингтона, вызывающий все большую критику и сопротивление во многих странах.

Советская внешнеполитическая пропаганда дает отпор попыткам дезориентировать антивоенное движение, аргументированно разъясняет участвующим в нем силам внешнеполитический курс социалистических государств.

Пропаганда внешней политики СССР и других стран социалистического содружества, ее интернационалистских принципов дает ощутимые результаты в раскрытии перед освободившимися народами перспективы перехода к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, популяризация исторического опыта ряда союзных респуб-

лик и социалистических стран, осуществивших такой переход.

Решающее значение во внешней политике КПСС приобретает борьба за отказ от применения и угрозы применения ядерного и другого оружия массового уничтожения, за воздержание от шагов, ведущих к обострению международной обстановки. В этой борьбе мощным оружием служит разоблачение фактического отказа американской администрации от признания и соблюдения принципа военного паритета, стремления США обеспечить себе военное превосходство, напечатать новый крайне опасный виток гонки вооружений, связанный прежде всего с милитаризацией космоса, созданием систем противоракетной «обороны» и противоспутникового оружия. Следуя замечательным ленинским традициям внешней политики, Коммунистическая партия и Советское государство обратились со своими мирными инициативами не только по традиционным дипломатическим каналам, но и непосредственно к мировому, общественному мнению, к народам... Наше обращение еще раз подчеркивает открытый, честный, ленинский характер внешнеполитической стратегии КПСС [26, 63].

Замечательным примером подлинного ленинского подхода к внешнеполитической пропаганде в современных условиях является яркое, убедительное и доходчивое разъяснение сути внешней политики СССР и других социалистических стран, разоблачение антинародного милитаристского курса США и НАТО, содержащиеся в докладах и выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленумах ЦК КПСС, на встречах с зарубежными политическими и общественными деятелями, в интервью иностранным журналам, газетам, на пресс-конференциях и др.

Огромный энтузиазм среди народов мира вызвало Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 16 января 1986 г. по вопросам разоружения. Наша страна выдвинула ряд крупномасштабных инициатив, осуществление которых призвано помочь человечеству вступить в XXI век в условиях мира, доверия и сотрудничества, без ядерного и химического оружия.

Крупнейшим политическим событием международной жизни стали женевская и рейкьявикская встречи М. С. Горбачева с президентом США Рейганом. На этих встречах была вновь продемонстрирована глубоко продуманная, взвешенная и научно-аргументированная позиция советского руководства, отвечающая интересам мира и безопасности народов.

Прогрессивная зарубежная общественность высказывает убеждения, что Советский Союз не на словах, а на деле продемонстрировал пример высокой ответственности за судьбы всего человечества. Это справедливая оценка.

Буржуазные идеологи и политики обвиняют Советский Союз в том, что он слишком активно и широко занимается пропагандой своей внешней политики. «В последнее время, — отмечал министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, — нас все чаще попрекают гласностью наших внешнеполитических акций, утверждая, что мы занимаемся пропагандой. Да, мы придаем большое значение открытой дипломатии. Наиболее эффективно ее применил Михаил Сергеевич Горбачев в своих выступлениях в Париже и Женеве. Но и здесь встает вопрос — кто как понимает пропаганду. Для нас пропаганда — это един-

ство слова и дела, способ прямого обращения к мировому общественному мнению. Она несет в себе уроки правды. Кто может — пусть учится» [27].

Создавшаяся обстановка в международных отношениях требует, как это отмечал М. С. Горбачев, нового политического мышления. И это относится не только к ответственным руководителям стран, но и ко всем от кого зависит ликвидация угрозы человеческой цивилизации. В наше время это относится к каждому человеку на Земле.

Идея необходимости нового политического мышления, развитая в материалах XXVII съезда, явилась важным стимулирующим средством для выработки новых концепций советской внешнеполитической пропаганды. В ней главенствующее место занимает вывод съезда о том, что противоборство между социализмом и капитализмом должно протекать в формах мирного соревнования и мирного соперничества. В этом проявляется диалектика разделения мира на две противоположные части при сохраняющемся и даже возрастающем его единстве.

Советская внешнеполитическая пропаганда с огромной убедительной силой раскрывает истоки, которые питают советскую внешнюю политику. Это, как подчеркивал М. С. Горбачев на встрече с представителями международного рабочего класса — «сущность социалистического общества, понимание реальности ядерной угрозы человечеству, убеждение в том, что при всей своей противоречивости и многообразии современный мир представляет собой взаимосвязанную целостность, у которой есть обширные проблемы, диктующие необходимость взаимоприемлемых решений. А какая система лучше — рассудит история; ход мирного соревнования» [28].

Примечания

- ¹ Документы внешней политики СССР. — М., 1957, т. 1.
- ² Ленин В. И. Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. — Полн. собр. соч., т. 35.
- ³ Документы внешней политики СССР, т. 1.
- ⁴ История Азербайджана. — Баку, 1986, т. 3, ч. 1.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Документы внешней политики СССР, т. 1.
- ⁸ Уильям З. Фостер. Октябрьская революция и Соединенные Штаты Америки. — М., 1958.
- ⁹ Правда, 1917, 10 нояб.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Ленин В. И. Речь на Первом Всероссийском съезде Военного флота. — Полн. собр. соч., т. 35.
- ¹² История Азербайджана, т. 3, ч. 1.
- ¹³ Ленин В. И. VIII Всероссийский съезд Советов. — Полн. собр. соч., т. 42.
- ¹⁴ История Азербайджана, т. 3, ч. 1.
- ¹⁵ Правда, 1957, 22 апр.
- ¹⁶ Алиев Г. А. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки: Доклад на международной конференции, 26 мая 1977 г. — Баку, 1977.
- ¹⁷ Ленин В. И. Письмо к американским рабочим. — Полн. собр. соч., т. 37.
- ¹⁸ Ленин В. И. Письмо к рабочим Европы и Америки. — Полн. собр. соч., т. 37.

- ¹⁹ Ленин В. И. Письмо к американским рабочим. — Полн. собр. соч., т. 37.
²⁰ Там же.
²¹ Правда, 1970, 20 марта.
²² История внешней политики СССР. Т. I. 1917—1945 гг. — М., 1976.
²³ Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции. — Полн. собр. соч., т. 3.
²⁴ Материалы Пленума ЦК КПСС, 23 апреля 1985 г. — М., 1985.
²⁵ Там же.
²⁶ Материалы XXVII съезда КПСС. — М., 1986.
²⁷ Шеварднадзе Э. А. — Правда, 1986, 2 марта.
²⁸ Правда, 1986, 2 нояб.

И. Б. МАГЕРРАМОВ

ШЕФСКАЯ ПОМОЩЬ РАБОЧЕГО КЛАССА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМУ РАЗВИТИЮ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕРЕВНИ (1971—1980 гг.)

Современная аграрная политика КПСС представляет собой комплекс научно обоснованных, рассчитанных на долговременный период, мероприятий производственного, экономического и социального развития всего аграрно-промышленного комплекса страны. Большое место отводится осуществлению Продовольственной программы СССР.

В новой редакции Программы КПСС говорится: «В ходе последовательного осуществления аграрной политики партии происходит превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, стирание существенных социальных, культурно-бытовых различий между городом и деревней; образ жизни и характер труда крестьянства становятся все более сходными с образом жизни и характером труда рабочего класса» [1, 155].

В условиях совершенствования социализма выравнивание условий труда и жизни в городе и деревне стало одной из актуальных задач партии и народа. Стирание граней между городом и деревней предполагает не только ускорение развития производительных сил сельского хозяйства, совершенствование общественных отношений на селе, но и преодоление различий в области быта и культуры.

Решение этой задачи коммунистического строительства идет по линии как сближения бытовых условий жизни сельского и городского населения, так и повышения культурно-технического уровня и коммунистической сознательности тружеников села. В. И. Ленин еще в 1922 г. указывал, что «...вопрос об устройстве быта громадного большинства населения — крестьянского населения — для нас вопрос коренной» [2, 248].

За годы Советской власти жизнь, быт, социальный и духовный облик крестьянства неузнаваемо изменились. Ныне многие села не отличаются от поселков городского типа. На всех этапах социалистического строительства ко всем переменам, происходящим в социально-культурной жизни сельских тружеников, был причастен рабочий класс.

В И. Ленин неоднократно обращал внимание на многосторонний характер союза рабочих и крестьян в социалистическом обществе, придавая большое значение оказанию культурной помощи крестьянству. Одним из действенных средств в оказании систематической помощи в культурном развитии крестьянства выступало рабочее шефство.

Всемерно укрепляя и развивая шефскую помощь селу со стороны города и рабочего класса, коммунистическая партия руководствовала

лась и руководствуется указанием В. И. Ленина о том, что «мы можем и должны употребить нашу власть на то, чтобы действительно сделать из городского рабочего проводника коммунистических идей в среду сельского пролетариата» [3, 366].

Вопрос о шефстве рабочего класса над деревней Азербайджана в ее социально-культурном развитии в 70-х годах до сих пор не стал предметом специального исследования. Он затрагивается лишь в некоторых научных статьях [4], хронологические рамки которых ограничиваются 1975 годом.

Шефскую помощь рабочего класса отличает многоплановость и многогранность. В настоящей статье мы рассматриваем лишь некоторые аспекты такой ее формы, как социально-культурная. Эта форма шефской деятельности заключалась в распространении в деревне передовой культуры социалистического города, подъеме культурного уровня сельских тружеников, создании в деревне сети культурно-просветительских учреждений, в благоустройстве самих сел.

Анализ фактического материала и изучение договоров и обязательств ряда промышленных предприятий республики позволили выделить несколько направлений социально-культурного аспекта в шефском движении в 70-е годы.

Постановления ЦК КПСС и Совета Министров ССР «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы» (июль 1972 г.) и «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы» (июль 1973 г.) в значительной мере определили и характер обязательств промышленных предприятий Азербайджана при оказании шефской помощи деревне.

При составлении комплексного плана шефской работы Шаумяновского района г. Баку в колхозах и совхозах Белоканского, Закаतालского, Казахского и Шекинского районов в него был включен специальный раздел «Совершенствование массово-политической и культурно-просветительной работы» [5, 17].

Коллектив треста «Азморнефестрой» в небольшом горном селе Ашагы Бузгов Нахичеванской АССР построил новую школу по типовому проекту. Комплекс школы включает в себя двухэтажный корпус с классами, кабинетами, лабораториями, библиотекой, спортивным залом, клубом, мастерскими и центральным отоплением. В порядке шефской помощи трест осуществлял строительство новых школ также и в других отдаленных горных селах автономной республики — Кахаб и Еникенд [6]. Коллектив алюминиевого завода г. Кировабада, шефствуя над Касум-Исмаиловским районом, оказывал помощь средней школе колхоза «Баки» в оснащении ее политехнической базы [7]. Работниками предприятий Миннефтехимпрома Азербайджанской ССР в Имишлинском районе в десятой пятилетке была построена школа на 640 мест [8].

Одной из основных задач общеобразовательных школ в 70-е годы являлась подготовка учащихся к общественно-полезному труду. В 1983 г. 99,95% дневных общеобразовательных школ республики [9, 172] осуществляли углубленное трудовое обучение на предприятиях, в организациях, колхозах, совхозах и др. Шефская помощь промышленных предприятий республики играла важную роль в профориентации

учащихся сельских школ, где старшеклассники изучали агротехнику возделывания сельскохозяйственных культур, обучались профессиям трактористов и шоферов. Хорошо поставленная профориентация учащихся в сочетании с практическим обучением, в значительной степени способствовала закреплению молодежи в хозяйстве.

Шефы оказывали также существенную помощь в строительстве других социально-культурных объектов. Только за годы девятой пятилетки при их непосредственном участии в сельских местностях Азербайджана было введено в строй 30 клубов, домов культуры и библиотек, 45 спортивных сооружений [10, 15].

Одним из важных показателей подъема культуры народа является медицинское обслуживание населения. В улучшении с каждым годом медицинского обслуживания сельского населения весомый вклад в порядке шефства вносили городские медицинские учреждения. Для контроля, координации и лучшей организации шефской работы в 1975 г. при Министерстве здравоохранения Азербайджанской ССР был создан специальный штаб. Для обслуживания земледельцев и животноводов на поля и фермы регулярно выезжали врачебные бригады ведущих городских больниц и научно-исследовательских институтов. Так, бригада врачей, составленная из специалистов Азербайджанского научно-исследовательского института охраны материнства и детства им. Н. К. Крупской, провела широкий осмотр сотен женщин и детей в Нахичеванской АССР. Врачи выступили с лекциями и докладами по актуальным вопросам здравоохранения, оказывали консультативную и профилактическую помощь [11, 34].

Из Сумгаитского городского отдела здравоохранения в Дивичинский район в 1978 г. была направлена бригада врачей-специалистов, по профилю которых район испытывал большую нужду, с целью оказания помощи в обслуживании населения [12].

Отдел здравоохранения Шаумяновского района г. Баку, шефствуя над медицинскими учреждениями Закаतालского и Кахского районов, безвозмездно передал им медицинский инвентарь и медикаменты, проводил консультации, оказывал помощь в составлении отчетов. Высококвалифицированные специалисты выступали перед медицинским персоналом с лекциями, делились опытом, знаниями, знакомили их с достижениями отечественной и зарубежной науки [13].

К этой форме шефства относится и помощь промышленных предприятий в строительстве и ремонте больниц, детских дошкольных учреждений в сельских районах республики. Так, за годы десятой пятилетки коллективы предприятий Миннефтехимпрома построили в Шекинском районе 2 детских сада [14].

В благоустроенных, раскинувшихся на берегах Каспия пионерских лагерях и здравницах промышленных предприятий Баку шефы представляли места ребятам из подшефных сельских районов. Так, нефтяники НГДУ им. 26 бакинских комиссаров выделили 105 путевок [15, 34], а коллектив автоколонны № 2705 г. Кировабада передал Касум-Исмаиловскому району 35 бесплатных путевок в пионерлагерь «Маяк» [16]. При активном участии трудовых коллективов Шаумяновского района г. Баку в совхозе № 1 Закаतालского района был открыт лагерь труда и отдыха для старшеклассников [7, 22].

Шефы помогали развитию спортивного движения среди сельской молодежи. Например, судоремонтники завода им. Парижской коммуны, используя опыт и силы специалистов и спортсменов подведомственного им спортивного общества «Водник», помогли колхозам и совхозам Хачмасского района в строительстве спортивных площадок и приобретении инвентаря [18, 4].

Рабочие коллективы вносили свой вклад в решение поставленной партией задачи дальнейшего постепенного преобразования сельских населенных пунктов в благоустроенные поселки. Так, коллективы предприятий Миннефтехимпрома в течение 1976—1980 гг. проложили в Шекинском районе водопроводные линии протяженностью 7,5 км [19]. Работники НГДУ «Азизбековнефть» и «Артемнефть» выделили Степанакертскому району 3 тыс. погонных метров, а Ханларскому — 600 погонных метров труб [20, 11]. Рабочие завода им. Б. Сардарова согласно заключенному договору с колхозом им. Жданова Кельбаджарского района за 1979—1980 гг. произвели работы по укладке водопровода протяженностью 44,5 км [21], изготовили емкости и т. д., всего на сумму 27 339 руб. [22].

Степень обеспеченности водой населенных пунктов — один из показателей культуры быта населения — была неудовлетворительна. Поэтому почти все шефы выполняли в сельских районах различные виды работ, предусматривающие лучшее обеспечение сел и деревень водой: прокладывали водопроводные линии, рыли артезианские колодцы, строили емкости, устанавливали насосы, обеспечивали трубами и т. д.

Шефствующие над Джебраильским районом труженики Орджоникидзевского района г. Баку помогли построить мост над рекой в районном центре. Работники, специализированной конторы разработали проект, а бригада рабочих соорудила металлический мост, протяженностью 60 метров [23]. Трудящиеся Азизбековского района г. Баку построили мост через реку Хокерличай в Зангеланском районе длиной в 90 метров. За 5 лет в подшефных районах совхозам и колхозам было построено 18 металлических мостов для пешеходов [24, 11].

В развитии транспортных связей между деревнями и райцентрами все большее значение приобретает наличие благоустроенных автомобильных дорог. Поэтому не случайно, что вопросы дорожного строительства нашли свое отражение и в шефской помощи промышленных предприятий республики. Так, в Сабирабадском и Кюрдамирском районах силами коллективов промышленных предприятий г. Али-Байрамлы в 1978 г. была проложена восьмикилометровая дорога, а в 1980 г. отремонтирована автодорога протяженностью 15 километров [25]. Коллектив объединения «Азнефть» только в Агджабедином районе в 1972 г. произвел 1.900 куб. м земляных работ, включивших 20 км дорог между кошарами и 16 км дорог между коровниками [26, 33].

Одним из важнейших показателей решения производственных и социально-экономических проблем села, выравнивания уровня развития города и деревни является электрификация, в которой В. И. Ленин видел необходимое условие построения коммунизма, «...когда произойдет электрификация всей страны, — писал он, — всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только

тогда вы для себя сможете построить ...коммунистическое общество...» [27, 307].

Мероприятия по электрификации занимали значительное место в обязательствах, принимаемых промышленными предприятиями при оказании шефской помощи сельским районам республики. За 4 года десятой пятилетки работники электропромышленности г. Али-Байрамлы для улучшения энергоснабжения сел подшефных Сабирабадского и Кюрдамирского районов провели более 25 км линий электропередач, установили 9 мощных трансформаторов [28]. Нефтяники объединения «Азнефть» в Джебраильский район направили 40 металлических опор для полной электрификации двух сел [29, 33]. В 1980 г. в колхозах «Ширван» и «Коммунизм» шефы установили 2 трансформаторные подстанции с линией электропередачи на 5,4 км [30].

На новый уровень поднялась духовная, культурная жизнь деревни в результате осуществления постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1977 г. «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения [31, 149—155]. В нем была намечена целая система мер по совершенствованию многогранной культурно-просветительной работы на селе.

Мощный подъем сельского хозяйства Азербайджана в годы девятой и десятой пятилеток определили огромные перемены и в социально-культурном развитии аграрного сектора экономики республики. Как отмечалось в отчете ЦК КП Азербайджана XXX съезду Коммунистической партии Азербайджана, «намного возрос социально-культурный уровень азербайджанского села» [32, 83].

Общекультурная атмосфера в селах все заметнее формируется под воздействием города, шефская помощь которого приобретает все новые и новые многообразные формы. В 70-е годы творческие работники, деятели искусства, драматические и музыкальные коллективы городов республики установили прочные, традиционные связи с тружениками сельских районов.

Изучение договоров, обязательств и отчетов о шефской помощи промышленных предприятий и городских организаций сельским районам республики свидетельствует о широко осуществляемой культурно-массовой работе. Концерты с участием коллектива художественной самодеятельности Дома культуры каспийских моряков в хозяйствах Хачмасского района [33, 4], выступления самодеятельных коллективов Карадагского района в Казахском районе [34, 35], и Домов культуры им. Владимира Ильича и им. Шаумяна НБНЗ в Закатальском и Кяхском районах [35, 23], Дворца культуры строителей Наримановского района перед тружениками Джалилабадского и Пушкинского районов [36], Дворцов культуры им. С. Орджоникидзе и им. Серебровского в подшефных Джебраильском, Кубатлинском и Закатальском районах [37] оказывали большое влияние на воспитание идейных и эстетических идеалов тружеников села, содействовали повышению культурного уровня крестьянства.

Направляя и организуя шефскую помощь деревне силами коллективов предприятий,строек, научных и культурных учреждений республики, ЦК КП Азербайджана отметил необходимость «улучшить шефскую помощь», и в первую очередь в плане дальнейшего подъема культуры и быта на селе [38, 48].

Партийные организации, стремясь к тому, чтобы методы руководства рабочего класса крестьянством становились более разнообразными, руководствовались указаниями В. И. Ленина, который подчеркивал: «Пусть каждая партийная организация... свяжется специально с несколькими избранными ею волостями для укрепления союза с крестьянами, для помощи им, для просвещения их...» [39, 99].

Партийные организации промышленных предприятий Азербайджана выступали организаторами, направляя шефскую работу так, чтобы максимально выполнить условия договоров и обязательств. Вопросы усиления шефской работы в сельских районах широко обсуждались на партийных собраниях и активах. Партийные организации промышленных предприятий проводили обмен мнениями с колхозами и совхозами в области организационно-партийной и идеологической работы, оказывали им помощь в проведении массово-политических мероприятий на селе.

Развитие шефского движения укрепляло связи первичных партийных организаций и райкомов партии городов и сельских районов, создавало благоприятные условия для обмена опытом по проведению идеологической работы, лекционной пропаганды, социалистического соревнования. Так, например, Шаумяновский районный комитет партии г. Баку совместно с подшефными районами организовал ряд конференций. Сельские партийные активисты были участниками конференций на тему «О путях и методах улучшения деятельности школ коммунистического труда», по итогам работы пропагандистов сети партийного и комсомольского просвещения, экономического образования [40, 22].

Отдел агитации и пропаганды Карадагского райкома партии организовал в подшефных Таузском, Казахском и Шаумяновском (сельском) районах цикл лекций, методические и научно-практические конференции по различным актуальным вопросам идейно-политической работы, по нравственному воспитанию трудящихся [41].

Коллективы предприятий и учреждений Наримановского района, шефствуя над Пушкинским и Джалилабадскими районами, оборудовали на полевых станах, в клубах стенды с наглядной агитацией. Комплексная их бригада проводила беседы, пропагандисты, входящие в состав бригады, выступали перед сельскими тружениками с лекциями [42].

Важная роль в просвещении масс, в усилении пропаганды достижений науки и техники принадлежала Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний (общество «Знание»). Созданные практически на всех крупных предприятиях первичные организации общества «Знание» активно участвовали в политико-просветительской работе шефского движения. Как правило, члены общества «Знание» включались в комплексные агитбригады промышленных предприятий, выезжающие в районы республики. Только силами Шаумяновской районной организации общества «Знание» в колхозах и совхозах Белоканского, Закатальского, Кахского и Шекинского районов было прочитано свыше 100 лекций [43, 22].

В ходе шефского движения партийные организации промышленных предприятий обогащали формы и методы работы с сельскими

тружениками. Так, Карадагский район в трех подшефных районах организовал «Дни трудовых традиций тружеников города и села» [44], принимал участие в праздниках урожая, трудовых торжествах. Судоремонтники завода им. Парижской коммуны провели встречи передовиков завода с передовиками подшефных колхозов и совхозов [45, 4].

Всемерное развитие шефских связей города и села, сотрудничество рабочего класса, крестьянства и интеллигенции обеспечивало повышение сельскохозяйственного производства, способствовало дальнейшему социально-культурному расцвету деревни, укрепляло ведущую роль рабочего класса.

Примечания

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986.

² Ленин В. И. Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва. — Полн. собр. соч., т. 45.

³ Ленин В. И. Странички из дневника. — Полн. собр. соч., т. 45.

⁴ Керимов Ш. Г. Шефская помощь города селу. — Агитатор, 1976, № 24; Гаффаров Т. Б. Дальнейшее развитие культурного шефства города над деревней в десятой пятилетке. — Изв. АН АзССР. Сер. ист., филос. и права, 1981, № 2 и др.

⁵ Гусейнов Н. Шаумяновцы помогают селу. — Агитатор, 1979, № 17.

⁶ Вышка, 1976, 6 сент.

⁷ Текущий архив отдела промышленности Кировабадского ГК КП Азербайджана. Справка о шефской работе, 1975, л. 5.

⁸ Текущий архив отдела главного механика Миннефтехимпрома АзССР. Справка об оказании шефской помощи колхозам и совхозам АзССР, 1980, л. 1.

⁹ Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1983 году: Стат. ежег. — Баку, 1984.

¹⁰ Гаффаров Т. Б. Дальнейшее развитие культурного шефства города над деревней в девятой пятилетке. — Изв. АН АзССР. Сер. ист., филос. и права, 1981, № 2.

¹¹ Керимов Ш. Шефская помощь города селу. — Агитатор, 1976, № 24.

¹² Бакинский рабочий, 1978, 5 сент.

¹³ Там же.

¹⁴ Текущий архив отдела главного механика Миннефтехимпрома АзССР. Справка об оказании шефской помощи колхозам и совхозам АзССР, 1980, л. 1.

¹⁵ Сельская жизнь, 1972, № 1.

¹⁶ Текущий архив отдела промышленности Кировабадского ГК КП Азербайджана. Справка о шефской работе, 1975, л. 4.

¹⁷ Гусейнов Н. Указ ст.

¹⁸ Алиев Э. Шефская помощь. — Агитатор, 1982, № 22.

¹⁹ Текущий архив отдела главного механика Миннефтехимпрома АзССР. Справка об оказании шефской помощи, 1980, л. 1.

²⁰ Сельская жизнь, 1976, № 9.

²¹ Подсчитано автором на основании данных текущего архива завода им. Б. Сардарова, счет № 1422 от 4. 01. 80 и счет № 1129 от 24. 11. 80 г.

²² Там же. Справка об оказании шефской помощи колхозу им. Жданова Кельбаджарского района за 1979 и 1980 гг., 1980, лл. 1—2.

²³ Вышка, 1977, 22 июля.

²⁴ Сельская жизнь, 1976, № 9.

²⁵ Текущий архив отдела промышленности Али-Байрамлинского ГК КП Азербайджана. Справка об оказании шефской помощи промышленными предприятиями г. Али-Байрамлы хозяйствам Сабирабадского и Кюрдамирского районов за 1980 г., л. 2.

²⁶ Сельская жизнь, 1972, № 1.

²⁷ Ленин В. И. Задачи Союзов молодежи. — Полн. собр. соч., т. 41.

²⁸ Бакинский рабочий, 1978, 9 июня; Текущий архив отдела промышленности Али-Байрамлинского ГК КП Азербайджана. Справка о шефской работе за 4 года X пятилетки, 1979, л. 1.

²⁹ Сельская жизнь, 1972, № 1.

³⁰ Текущий архив отдела промышленности Али-Байрамлинского ГК КП Азербайджана, Справка об оказании шефской помощи за 1980 г., л. 1.
³¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. — М., 1979, т. 12.
³² Материалы XXX съезда Коммунистической партии Азербайджана. — Баку, 1981.

³³ Алиев Э. Указ. ст.
³⁴ Керимов Ш. Указ. ст.
³⁵ Гусейнов Н. Указ. ст.
³⁶ Бакинский рабочий, 1980, 3 окт.
³⁷ Бакинский рабочий, 1976, 14 авг.
³⁸ Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Азербайджана. — Баку: Азернешр, 1976.
³⁹ Ленин В. И. Письмо объединенному заседанию ВЦИК 3 октября 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 37.

⁴⁰ Гусейнов Н. Указ. ст.
⁴¹ Вышка, 1978, 2 авг.
⁴² Бакинский рабочий, 1980, 3 окт.
⁴³ Гусейнов Н. Указ. ст.
⁴⁴ Вышка, 1978, 2 авг.
⁴⁵ Алиев Э. Указ. ст.

И. Б. Мәһәррәмов

АЗƏРБАЙҶАН КƏНДИНИН СОСИАЛ-МƏДƏНИ ИНКИШАФЫНА ФƏҖЛƏ СИНФИНИН ҺАМИЛИК КӨМƏЖИ (1971—1980-чи илләр)

АзәрбајҶан кәндинин сәсиал-мәдәни инкишафына фәҗлә синфинин һамилик көмәжи сәсиалист шәһәринин җабаҗыл мәдәнијәтинин кәнддә җамағда, кәнд әмәкчиләринин мәдәни сәвијјәсинин жүксәлтмәкдә, мәктәпләрин вә мәдәни-маариф мүәسسәләрин шәбәкәсинин кенишләндирилмәсиндә, кәнд әһалисинә тибб хидмәти көстәрилмәсиндә, кәндли кәнчләр арасында бәдән тәрбијәсин һәрәкәтинин инкишаф етдирилмәсиндә, колхозларын електрикләндирилмәсиндә, кәндләрин абадлашдырылмасында вә диҗәр тәдбирләрдә өз әксини тапырды. Бу көмәк кәндә һами мүәسسәләр вә тәшкилатларла колхозлар арасында бағланан мүгавиләләр әсасында көстәрилир вә җахшы нәтиҗәләр верирди. Мәҗаләдә бунлар һамысы конкрет факт вә рәғәмләрдә нүмајиш етдирилир.

АЗƏРБАЙҶАН ССР ЕЛМЛƏР АКАДЕМИЈАСЫНЫН ХƏБƏРЛƏРИ
Тарих, фәлсәфә вә һүгүг сәријасы, 1987, № 2
ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Серия истории, философии и права, 1987, № 2

А. А. ГАСЫМОВ

АЗƏРБАЙҶАН ССР КОЛХОЗЛАРЫНЫН МАДДИ-ТЕХНИКИ БАЗАСЫНЫН МӨҢКƏМЛƏНДИРИЛМƏСИНИН КОЛХОЗЧУЛАРЫН МƏДƏНИ-ТЕХНИКИ СƏВИЈЈƏСИНИН ЈҮКСƏЛМƏСИНДƏ РОЛУ (1971—1980-чи илләр)

Колхоз истәһсалынын сүр'әтлә инкишаф етдирилмәси онун мадди-техники базасынын мөһкәмләндирилмәсиндән асылыдыр. Мадди-техники базанын мөһкәмләnmәси бир тәрәфдән әмәји техники чәһәтдән даһа җахшы сәләһләндирмәҗа, онун мөһсулдарлығыны артырмаҗа имкан верир, диҗәр тәрәфдән иә кәнддә ичтимаи мүнәсибәтләрин тәкмилләшдирилмәсинә әлверишли шәраит җарадыр, колхозчуларын мәдәни-техники сәвијјәсинин жүксәлмәсиндә мүнһүм рол ојнајыр.

В. И. Ленин кәнд тәсәррүфатынын мадди-техники базасынын мөһкәмләндирилмәсиндә технику вәситәләрин инкишафына хүсуси диғгәт јетирирди. О јырды: «...техниканын тәрәғгиси... мәһз онда ифадә олу-нур ки, инсан әмәји машын әмәји җаршысында кетдикчә даһа чох арха сыраја кечир» [1, 82].

Сов.ИКП вә Совет дөвләти В. И. Ленинин вәсијјәтләринә дөнмәдән әмәл едәрәк өлкәмиздә кәнд тәсәррүфатынын јенидән гүрүлмәси планынын һәјата кечирилмәсинин бүтүн мәрһәләләриндә истәһсалын мадди-техники базасынын мөһкәмләндирилмәси вә технику тәрәғгинин инкишафы мәсәләләринә олдугча бөјүк әһәмијјәт вермишләр.

Сов.ИКП МК-нын Баш катиби М. С. Горбачов јолдаш партијанын XXVII гурултајында демишди: «Партија вә дөвләт аграр-сәнајә комплексинин мадди-техники базасыны бундан сонра да ардычыл инкишаф етдирәчәкләр. Лакин бу да ејни дәрәчәдә ајдындыр ки, тәрәғгинин башлыча тәканверичиси, онун чаны инсан олмашдыр, инсандыр вә инсан олачагдыр. Бу күн кәнд тәсәррүфатына фәал, жүксәк пешә усталыгы, јениликчи руһу илә ишләмәјә марағ көстәрән адамлар һәмшәкәндән даһа чох лазымдыр» [3, 42].

АзәрбајҶан ССР-дә сәсиализм чәмијјәтинин мүасир мәрһәләсиндә кәнд тәсәррүфатынын, хүсусилә колхозларын мадди-техники базасы хәјли мөһкәмләнмиш, техника илә тәҗһизаты җахшылашмыш вә бунлар колхозчу кәндлиләрин мәдәни-техники сәвијјәләринин жүксәлмәсинә әһәмијјәтли тәсир көстәрмишди. Республикамызда бу сәһәдә җазанылмыш тәҗрүбәнин өјрәнилмәси, елми чәһәтдән үмумиләшдирилмәси һәм нәзәр, һәм дә әмәли әһәмијјәтә маликди.

70-чи илләрдә республикамызда кәнд тәсәрүфатынын инкишафы, колхозчу кәндлиләрин сифахили структурундакы дәјишкликләр, онларын һәјат сәвијјәсинин жүксәлмәси, мадди рифаһынын җахшылашмасы вә әмәк фәаллығларынын артмасы бир чох әсәрләрдә өз әксини тапмышдыр [5]. Лакин бу әсәрләрдә колхозларын мадди-техники базасынын мөһкәмләндирилмәсинин колхозчу кәндлиләрин мәдәни-техники сәвијјә-

синин жүксәлмәсиндә ролу мәсәләси мүстәгил бир мөвзу кими тәдгиг едилмишдир. Бу мәгаләдә мүәллиф һәммин мәсәләни өйрәнмәји гаршысына мәгсәд гојмушдур.

XXIV—XXV гурултајларын вә МК пленумларынын, Азәрбајчан Коммунист Партијасынын XXVIII—XXIX гурултајлары вә МК пленумларынын һәјата кечирилмәси колхозчуларын мәдәни-техники сәвијјәсинин жүксәлмәсиндә мүһүм әһәмијјәт кәсб етмишдир.

Азәрбајчан ССР-дә колхозларын мадди-техники базасынын мөһкәмләнмәсиндә, машин-трактор паркларынын тәркибинин кејфијјәтчә јениләшмәсиндә вә колхозчу кәндлиләрин мәдәни-техники сәвијјәсинин жүксәлмәсиндә Сов.ИКП МК вә ССРИ Назирләр Советинин «Азәрбајчан ССР-дә кәнд тәсәррүфатыны инкишаф етдирмәк тәдбирләри һаггында» 1970-чи ил 23 ијул, «Азәрбајчан ССР-дә кәнд тәсәррүфаты истехсалыны даһа да интенсивләшдирмәк тәдбирләри һаггында» [6, 7] 1975-чи ил 9 ијул, «Азәрбајчан ССР-дә кәнд тәсәррүфаты истехсалыны даһа да ихтисаслашдырмаг, үзүмчүлүјү вә шәрабчылығы инкишаф етдирмәк тәдбирләри һаггында» [6, 9] 1979-чу ил 22 феврал тарихли гәрарларынын вә бу сәнәдләрә ујгун олараг Азәрбајчан КП МК-нын август (1970-чи ил), октябр (1975-чи ил) вә ноябр (1979-чу ил) пленумлары гәрарларынын чох бөјүк әһәмијјәти олмушдур [7].

Республикада колхозларын сајы онларын тәмәркүзләшдирилмәси, идарә едилмәсинин тәкмилләшдирилмәси илә әлағәдар олараг 1970-чи илдә 985-дән 1980-чи илдә 616-ја енмишдир.

Мадди-техники базанын мөһкәмләндирилмәси истехсалын электрикләшдирилмәси, механикләшдирилмәси, автоматлашдырылмасы вә кимјалашдырылмасында, суварма вә мелиорасија шәбәкәсинин кенишләндирилмәси вә колхозчуларын мәдәни-техники сәвијјәләринин жүксәлмәсиндә мүһүм рол ојнамыш, кадрлар һазырланмасына олан тәләбаты даһа да артырмышды.

70-чи илләрдә колхозлар үчүн жүксәкихтисаслы кадрлар, әсасән, С. Ағамалыоглу адына Азәрбајчан Кәнд Тәсәррүфаты Институтунда вә 18 кәнд тәсәррүфаты техникумунда һазырланмышдыр. Башга институт вә техникумларын да колхозлар үчүн мүһәндис-технолог, мелиоратор вә иштисадчы һазырланмасында мүһүм ролу олмушдур.

1970-чи илдә колхозларда 8,5 мин нәфәр али вә орта ихтисас тәһсилли мүхтәхәссис ишләјирдисә, 1980-чи илдә онларын сајы 10,3 мин нәфәрә чатмыш вә ја 1,2 дәфә артмышды. 1970-чи илдә һәр колхоза орта һесабла 9, 1980-чи илдә 17 нәфәр али вә орта ихтисас тәһсилли мүхтәхәссис дүшүрдү [8].

Колхоз кадрларынын һазырланмасы илә јанашы, онларын ихтисасларынын артырылмасы да даим диггәт мәркәзиндә олмушдур. Бу мүһүм мәсәлә илә Кәнд Тәсәррүфаты Институтунун хусуси факултәси вә беш мәктәб мәшғул иди. Кадрлар һазырланмасы вә ихтисасларынын артырылмасы, колхозларда рәһбәр ишчи мүхтәхәссисләрин тәһсил сәвијјәсинин жүксәлмәсинә тәсир кәстәрмишдир. 1970-чи илдә республикада колхоз сәдрләринин 52 фаизинин, баш мүхтәхәссисләрин исә 40 фаизинин али тәһсили вар идисә [16, 138], 1980-чи илдә һәммин кәстәричиләри мувафиг олараг 73 вә 52 фаизә чатмышды [9, 113].

70-чи илләрдә республика колхозларынын кадрлар илә тәмин олунмасында техник-пешә мәктәбләри мүһүм рол ојнамышлар. 1980-чи илдә фәалијјәт кәстәрән 59 техник-пешә мәктәбинин 44-ү бу илләрдә тәш-

кил олунмушдур. 1970—1980-чи илләрдә бурада 32 пешә вә ихтисас үзрә 120 мин механизатор һазырланмышдыр [10, 23].

Лакин республикамызын кәнд тәсәррүфатында хусусән колхозларда механизатор кадрларын сајы мөвчуд тәләбләри өдәмир. Кәнд тәсәррүфатындан дикәр сәһәләрә ахын, механизатор кадрларын һазырланмасы ишинин дүзкүн планлашдырылмамасы бунун әсас сәбәбләриндән иди.

Колхозларын мадди-техники базасынын мөһкәмләнмәси, ихтисаслы кадрларла даһа јахшы тәмин олунмасы, бу тәсәррүфатларда мәдәни-маариф мүәссисәләринин сајынын артмасы колхозчу кәндлиләрин һәм үмуморта, һәм дә али вә орта ихтисас тәһсилли сәвијјәләринин жүксәлмәсиндә мүһүм рол ојнамышдыр. 1970—1979-чу илләрдә әһалини сијаһыја алынманын јекунларына кәрә Азәрбајчан ССР-дә колхозларын үмуморта тәһсил сәвијјәси 2,7, али вә орта ихтисас тәһсил сәвијјәси исә 1,4 дәфә артмышдыр [11, 164].

Колхозларда әсаслы вәсант гојулушларынын артмасы, техник тәһизатын вә машин-трактор паркындан истифадә едилмәсинин јахшылашдырылмасы, электрикләшдирилмә, комплекс механикләшдирмә, автоматлашдырма вә кимјалашдырма тәдбирләринин һәјата кечирилмәси, суварма вә мелиорасија шәбәкәсинин кенишләндирилмәси колхозчу кәндлиләрин мәдәни-техники сәвијјәсинин жүксәлмәсинә тәсир едән мүһүм амилләрдән биридир.

1977-чи илн октябрында Сов.ИКП МК вә ССРИ Назирләр Совети Кәнд тәсәррүфаты техникасында истифадә едилмәсинин сәмәрәлилијини артырмаг, онун муһафизәсини јахшылашдырмаг, колхоз вә совхозларын механизатор кадрлары илә тәмин етмәк вә онлары кәнд тәсәррүфатында сабитләшдирмәк тәдбирләри һаггында» гәрар гәбул етмишдир. Һәммин гәрарын Азәрбајчан ССР-дә һәјата кечирилмәси илә әлағәдар олараг колхозларын һәм техника, һәм дә механизатор кадрлары илә тәмин олунмасы сәвијјәси даһа да жүксәлмиш, машин-трактор паркларындан истифадә олунмасы иши јахшылашдырылмышдыр. Мәһз бунун нәтијәсидир ки, онунчу бешилликдә доггузунчу бешиллијә нисбәтән республика колхозларында 306 трактор, 1176 трактор котаны, 2634 тохумсәнән трактор, 2863 памбыгыған машин, 106 памбыг чөпү жыған машин, 649 сағым гургулары вә агрегаты чох олмушдур [12]. 1970-чи илдә һәр колхоза орта һесабла 13, 1980-чи илдә исә 24 трактор дүшүрдү [9, 97].

Бу дөврдә колхозларын техник базасы әсаслы шәкилдә мөһкәмләнмиш, электрикләшдирмәјә хусуси диггәт јетирилмиш вә әмәјин енержи тәһизаты кејли артмышдыр. В. И. Ленин электрикләшдирмәнин әһәмијјәтиндән данышаркән гејд етмишдир ки, вәзифә «...өлкәнин тәсәррүфатыны, о чүмләдән әкинчилији дә, јени техник база үзәринә, мүасир ири истехсалдан ибарәт техник база үзәринә кечирмәкдир. Белә бир база—јалныз электрикдир» [2, 553].

Колхозлар 1970-чи илә нисбәтән 1980-чи илдә 4,3 дәфә чох электрик енерjisиндән истехсал мәгсәдләри үчүн истифадә етмишләр. 1970-чи илдә республиканын колхозларында ишләдилән электрик енерjisинин 32, 1980-чи илдә исә 96,1 фаизи истехсал мәгсәдләри үчүн истифадә олунмушдур [15].

1970-чи илдә республика колхозларында 3,8 мин әдәд электрик муһәррики ишләмини вә колхозлар 156,7, о чүмләдән истехсал мәгсәдләри үчүн 49,7 млн. квт.-саат енержи истехлак етмиш вә муһәррикләрин күчү

41,7 млн киловат идисә, 1980-чи илдә һәммин көстәричиләр мұвафиг оларга артмыш, 15,2, 223,9, 215,1 вә 103,4 олмушдур [9; 29]. 1970-чи илдә колхоз һәјәтләринин 99,7, 1977-чи илдә исә 100 фанзи электрикләшдирилмишдир [13, 32].

70-чи илләрдә республика колхозларында электрик мұһәррикләри 10,8 млн әдәд, истәһлак едилән электрик енержиси 40,9, о чүмләдән истәһсал мәгсәдләри үчүн 146,8 млн. квт-саат вә мұһәррикләрин күчү 52,6 млн киловат артмышдыр [14]. Электрикләшдирмә колхозларда әмәк мәһсулдарлығынын жүкәлдилмәсинә, кәнд тәсәррүфаты әмәјинин сәнајә әмәјинин бир нөвүнә чеврилмәсинә шәраит јаратмыш, колхозчу кәндиләрин мәдәни-техники сәвијјәсинә кетдикчә даһа артыг дәрәчәдә јажынлашмышдыр.

Доггузунчу вә онунчу бешилликләрдә Азәрбајчан ССР-ин колхозларында кәнд тәсәррүфатында истәһсалын механикләшдирилмәси вә автоматлашдырылмасы иши хејли јажынлашмышдыр. Азәрбајчан Коммунист Партијасынын XXX гурултајы материалларында дејилир: «Зәһмәтли просесләрин механикләшдирилмәси сәвијјәсини жүкәлтмәдән, сәһәләри сәнајә тәмәли үзәринә кечирмәдән кәнд тәсәррүфаты истәһсалынын даһа да интенсивләндирилмәси мүмкүн дејилдир» [4, 56].

Биткичилик сәһәсиндә механикләшдирмәдә мұһүм напјијәтләр гәзанылмышдыр. Республика колхозларында 1971-чи илдә от чалымынын 69, гуру отун тајаланмасынын 14, тајаја вурулмасынын 19, күләшин тајаланмасынын 13, памбыг жығымынын 19, силосун чыхарылмасы вә жүкләnmәсинин 17, торпағын суварылмасынын 15, күбрәнин жүкләnmәсинин 24 фанзи механикләшдирилмишсә [16, 117], 1980-чи илдә һәммин көстәричиләр мұвафиг оларга 85, 31, 35, 34, 27, 60, 20 вә 73 фанзә чатдырылмышды [9, 29].

Колхозларын һејвандарлыг фермалары вә комплексләриндә дә механикләшдирмә вә автоматлашдырма ишләринин сәвијјәси жүкәлмиш. һејвандарлыг мәһсуллары истәһсалы артмышдыр. 1971-чи илдә инәкләрин сағылмасынын 1, гојунларын гырхылмасынын 97, комплексләр вә фермаларда гарамала јем верилмәсинин 5, донузлара су верилмәсинин 6, гарамала 10, донузлара 9 фанзи, гарамал сәһәсиндә бииналарын нејиндән тәмизләnmәсинин 11, довузчулугда 7 фанзи механикләшдирилмиш вә автоматлашдырылмышсә [16, 117], һәммин көстәричиләр 1980-чи илдә мұвафиг оларга 15, 99, 25, 10, 34, 12, 41 вә 15 фанз олмушдур [9; 28].

Колхозларын мадди-техники базасынын мөһкәмләндирилмәсиндә ирригасија вә мелиорасија сәһәсиндә һәјата кечирилмиш тәдбирләрин дә мұһүм ролу олмушдур. 1971—1980-чи илләрдә республикада ирригасија вә мелиорасија тикинтисинә 1,6 милјард манатдан артыг вә ја Совет һакимијјәтинин әввәлки 50 или әрзиндәкиндән 650 милјон манат чох дәвләт вәсаити хәрчләнмишдир [17].

Сов.ИКП МК вә ССРИ Назирләр Советинин «1976—1980-чи илләр үчүн торпагларын мелиорасија едилмәси планы вә мелиорасија олунмуш торпаглардан истифадә едилмәсини јажылашдырмаг тәдбирләри һаггында» 1976-чы ил 15 ијул тарихли гәрарына [18] мұвафиг оларга республикамызда онунчу бешилликдә бу сәһәдә мұһүм тәдбирләр һәјата кечирилмиш, Јухары Ханбуланчај вә Сәрсәнк су тәсәррүфаты объектләри Тәртәр су говшағы, Арпачај вә Көндәләнчај дәрјачалары тикилмишдир [17].

1970—1980-чи илләрдә республика колхозларында 220 млн һа суварылан торпаг сәһәси мелиорасија чәһәтдән јажылашдырылмыш, 90 млн

һа сәһәнин суварма системи јенидән гурулмуш вә су тәһизаты артырылмыш, 170 млн һа суварылан торпаг сәһәси һамарланмыш 5 млн һа јени суварылан торпаг сәһәси истифадәјә верилмишдир [19].

Бу дөврдә республикада кәнд тәсәррүфатынын кимјалашдырылмасы сәһәсиндә дә бөјүк ишләр көрүлмүшдур. Кәнд тәсәррүфатына агро-кимјәви хидмәт ишини јажылашдырмаг, торпагларын гита маддәләри илә тәмин олунмасыны өјрәнмәк, агрокимјәви картограмлар һазырламаг минерал вә үзви күбрәләрдән дүзкүн вә сәмәрәли истифадә етмәк мәгсәдилә республиканын Бақы, Кировабад, Губа, Нахчыван вә Степанакерт шәһәрләриндә агрокимја лабораторијалары јарадылмышдыр. Рајонлар вә ајры-ајры тәсәррүфатлар һәммин лабораторијалар арасында бөлүнмүш, онлара хидмәт иши зона агрокимја лабораторијаларына тапшырылмышдыр. Бу лабораторијалар колхоз вә совхозлара минерал вә үзви күбрәләрин верилмәсиндә, бу тәсәррүфатларда горујучу кимјәви вәситәләрин комплекс тәтбигиндә вә торпағын мүнбитлијинин артырылмасында мұһүм рол ојнамышлар.

Колхозларын мадди-техники базасынын мөһкәмләндирилмәси истәһсалын тәмәркүзләnmәсинә вә колхоз мүлкијјәтинин ичтиманләnmә сәвијјәсинин жүкәлмәсинә дә күчлү тәсир етмишдир. 1970-чи илдә республикада орта һесабла һәр бир колхоза 277 һәјәт, 2435 һа кәнд тәсәррүфатына јарарлы торпаг сәһәси, 905 һа әкин јери, 507 гарамал, 1706 гојун вә кечи, 442 млн ман. әсас вә дөвријјә вәсантиндән бөлүнмәз фонд дүшүрдүсә, 1980-чи илдә һәммин көстәричиләр мұвафиг оларга 355 в 2738, 1220, 630, 2432 вә 1993-ә чатмышдыр [9, 97].

Колхозларын мадди-техники базасынын әсаслы шәкилдә мөһкәмләндирилмәси вә колхозчу кәндиләрин мәдәни-техники сәвијјәсинин жүкәлмәси колхоз истәһсалынын артмасында мұһүм әһәмијјәтә маликдир. Азәрбајчан ССР-дә 1970-чи илә нисбәтән 1980-чи илдә колхозларын истәһсал етдији тахыл 1,5, памбыг 2,7, түтүн 2,3, әт 1,5, сүд 1,6, јумурта 2,4, јун исә 1,1 дәфә артмышдыр [20].

70-чи илләрдә республикада кәнд тәсәррүфаты мәһсулларынын истәһсалы вә тәдарүкүндә колхозларын хусуси чәкилләри артмышдыр. 1980-чи илдә дәвләтә сатылан тахылын 63, памбығын 94, түтүнүн 85, бараманын 86, бостан мәһсулунун 53 вә һејвандарлыг мәһсулларынын 46 фанзи колхозларын пајына дүшмүшдур [21, 195].

Беләликлә, 70-чи илләрдә Азәрбајчан ССР-дә колхозларын мадди-техники базасынын мөһкәмләнмәси, техники тәһизатынын јажылашдырылмасы, колхоз истәһсалынын электрикләшдирилмәси, механикләшдирилмәси, автоматлашдырылмасы, кимјалашдырылмасы, суварама вә мелиорасија шәбәкәсинин кенишләндирилмәси колхозчу кәндиләрин мәдәни-техники сәвијјәсинин жүкәлмәсиндә мұһүм рол ојнамышдыр.

Һазырда Сов.ИКП XXVII вә Азәрбајчан КП XXXI гурултајларынын гәрарларынын һәјата кечирилмәсилә әлағәдар оларга колхозчуларын мәдәни-техники сәвијјәсинин жүкәлмәси мәсәләләринә даһа чох диғгәт етирилир.

Әдәбијјат

¹ Ленин В. И. Әсәрләринин там күллијјаты. 1-чи чилд.—Бақы, 1973.

² Ленин В. И. Әсәрләринин там күллијјаты. 31-чи чилд.—Бақы, 1981.

³ Горбачов М. С. Сов.ИКП XXVII гурултајына Сов.ИКП МК-нын снјаси мәрузәси. 25 феврал 1986-чы ил.—Бақы: Азәрнәшр, 1986.

⁴ Азербайджан КП ХХХ гурултайнын материаллары.—Баку, 1981.
⁵ *Эмиров Н.* Кениш тэрэгги јолларында.—Баку, 1981; *Гаффаров Т. Б.* Повышение материального благосостояния и культурного уровня сельских тружеников Азербайджанской ССР (1971—1975 гг.). Автореферат канд. дис. ист. наук.—Баку, 1982; *Гаффаров Т. Б.* Инкишаф етмиш социализм дөвру Азербайджан кэндинде ичтимаи-иqtисади тәрәттинин мәдәнијјәтин инкишафына тәсири һаqqында.—Азербайджан ССР ЕА Тарих Институту вә С. М. Киров адына АДУ-нун тарих факултәсинин кәчә алимләринин УИЛККИ-нин јаранмасынын 65 иллијинә һәср олунмуш елми конфрансынын тезисләри.—Баку, 1984 с. 8; *Маниев Ф. С.* Социальные изменения в колхозной деревне Азербайджана (1965—1975 гг.). Автореферат канд. дис. М., 1978; *Халигов М. Ю.* Подготовка квалифицированных кадров для сельского хозяйства Азербайджанской ССР (1965—1975 гг.). Автореферат канд. дис. ист. наук.—Баку, 1981; *Ахундов Ш.* Кәнд тәсәрруфатынын мадди-техники тәминаты.—Баку, 1985.

⁶ Азербайджан коммунист, 1975, № 4; 1979, № 4.
⁷ Коммунист, 1970, 12 август, 1975, 2 ноябр, 1979, 20—21 ноябр.

⁸ Азербайджан ССР Дөвләт Агросәнајә Комитәсинин чари архиви, кадрлар һазырлығы идарәсинин һесабат материаллары, 1970—1980-чи илләр.

⁹ Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1980 году: Статистический сборник. — Баку, 1981.

¹⁰ *Эмиров Н.* Кениш тэрэгги јолларында.—Баку, 1981.

¹¹ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. — М., 1984.

¹² Азербайджан ССР Дөвләт Кәнд Тәсәрруфаты Истәһсалат Техника-Тәминат Комитәсинин чари архиви, 1971—1980-чи илләр.

¹³ Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1977 году: Статистический сборник. — Баку, 1978.

¹⁴ Азербайджан Баш Енеркетика вә Електрикләшдирмә Идарәсинин чари архиви, 1980-чи ил әнд һесабат материаллары.

¹⁵ Азербайджан ССР Дөвләт Агросәнајә Комитәсинин чари архиви, колхоз ишләри үзрә Баш идарәнин 1970—1980-чи илләрә әнд һесабат материаллары.

¹⁶ Народное хозяйство Азербайджанской ССР к 50-летию СССР: Юбилейный статистический ежегодник. — Баку, 1972.

¹⁷ Коммунист, 1981, 29 январ.

¹⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1975—1977 гг.). — М., 1979, т. II, с. 379—387.

¹⁹ Азербайджан ССР Мелиорасија вә Су Тәсәрруфаты Назирлијинин чари архиви, коллекцијанын 1980-чи ил материаллары.

²⁰ Азербайджан ССР Дөвләт Агросәнајә Комитәсинин чари архиви, муһасиһат учоту вә һесаблама идарәсинин һесабат материаллары, 1971—1980-чи илләр.

²¹ Азербайджан ССР Дөвләт Агросәнајә Комитәсинин чари архиви, Колхозлар Шурасынын ичләс протоколлары, 3 №-ли протокол 6 мај 1981-чи ил.

А. А. Гасымов

РОЛЬ УКРЕПЛЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ КОЛХОЗОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР В ПОВЫШЕНИИ КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО УРОВНЯ КОЛХОЗНИКОВ (1971—1980 гг.)

Укрепление материально-технической базы колхозов Азербайджанской ССР сыграло значительную роль в повышении общеобразовательного, квалифицированного уровня колхозного крестьянства.

В статье на основе конкретного фактического материала освещается влияние дальнейшего улучшения технического обеспечения, расширения электрификации, механизации, мелиорации и химизации в росте культурно-технического уровня тружеников полей и ферм в Азербайджанской ССР в 70-е годы.

АЗЕРБАЙДЖАН ССР ЕЛМЛӘР АКАДЕМИЈАСЫНЫН ХӘБӘРЛӘРИ

Тарих, фәлсәфә вә һүгүг сәријасы, 1987, № 2

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

Серия истории, философии и права, 1987, № 2

И. В. АЛИБЕКОВ

КЕМАЛИСТСКИЙ ПРИНЦИП ЭТАТИЗМА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

(статья первая)*

Провозглашенный еще на заре становления республиканского строя и ставший вскоре одним из шести основополагающих принципов кемализма этатизм прочно занимает исключительно важное место в политике и идеологии национальной буржуазии Турции. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что наряду с Народно-республиканской партией (НРП), которая первой из политических партий страны объявила этатизм своей программной установкой (1931 г.), этот принцип в той или иной редакции был включен в программы всех без исключения партий, образованных в Турции в послевоенные годы. Различное толкование принципа этатизма в программах партий отражало отношение различных классовых прослоек и фракций буржуазии к концепции развития, базирующейся на понимании особой роли и направляющей деятельности государства в национальной экономике.

Этатизм всегда был центральным моментом в многолетней борьбе буржуазных партий по вопросу о путях социально-экономического развития страны [1], являясь одновременно своеобразным фокусом всех основных проблем и противоречий турецкого общества.

За более чем полувековую историю существования этатизма в его теории и практике произошли заметные сдвиги, касающиеся как концептуальных основ этой доктрины, так и подхода к функциональным задачам государственной машины. В эволюции этатистских воззрений, рассматриваемый под этим углом зрения, прослеживаются два основных этапа: первый, охватывающий период вплоть до 1950 года, когда этатизм являлся официальной доктриной экономической политики турецкого правительства; второй, нынешний этап, который характеризуется возобладанием в буржуазной экономической науке Турции концепции «смешанной экономики». Этот этап наступил в начале 60-х годов.

Переходя к характеристике этатистских воззрений на первом этапе их эволюции необходимо прежде всего отметить, что первоначально этатизм кемалистов не являлся четко сформулированной и обоснованной теоретической концепцией. На первых порах смысл, вкладываемый кемалистами в это понятие, носил довольно общий характер. Так, в толковании М. Кемаля, впервые выдвинувшего принцип этатизма, под этатизмом понималось «огосударствление хозяйственных учреждений и предприятий, имеющих общегосударственное значение» [2, 220]. Ближайший соратник К. Ататюрка, один из виднейших лидеров НРП И. Иненю рассматривал этатизм как средство покровительства национальному капиталу в противовес иностранному, как

* Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на X Турецком историческом конгрессе (г. Анкара, сентябрь, 1986 г.).

«положительное и эффективное средство для политики прогресса и развития» [3, 14—16].

В теоретическом обосновании этатизма как доктрины социально-экономического развития значительна заслуга известных турецких ученых-публицистов, группировавшихся вокруг издававшегося в начале 30-х годов общественно-политического журнала «Кадр» (Ш. С. Айдемир, В. Н. Тёр, И. Х. Тёкин, Я. К. Караосманоглу, Бурхан Белге, Шевки Язман).

Этатистские воззрения НРП в общих чертах сводились главным образом к тому, чтобы путем так называемого «экономического этатизма», т. е. стимулирования активного участия государства в экономической жизни, создать национальную промышленность и защитить ее от разрушительного воздействия иностранного капитала, достигнуть самостоятельного, независимого экономического развития Турции, не допуская вместе с тем углубления классовых противоречий в стране.

Исходными пунктами буржуазной теории этатизма являются: преувеличение значения кемалистской революции и ее социальных последствий, отрицание существования в стране имущественных и классовых различий, эксплуатации, социальных контрастов и классового антагонизма, представление в идеальном свете роли и функций возникшего в Турции после революции государства, которое якобы является «надклассовым», и изображение этатистской экономики в виде «непривилегированной и бесклассовой национальной ассоциации» [4].

Из множества различных буржуазных толкований этатизма [5] наиболее распространенной и укоренившейся в буржуазной турецкой экономической науке является теория, согласно которой этатизм противопоставляется всем другим экономическим системам — не только коммунистической, но и капиталистической — и изображается как исключительно присущий Турции путь экономического развития. Впервые тезис об экономической системе, свойственной якобы исключительно Турции, был выдвинут бывшим министром экономики анкарского правительства Махмудом Эсат-беем (Бозкурт). «Турецким путем» экономического развития именовалась «система смешанной экономики, в которой в качестве предпринимателя выступают и государство, и частные лица», а также метод огосударствления [6, 262—263]. «Система этатизма, которую осуществляет Турция, не является системой, заимствованной у мыслителей-социалистов XIX в. Это — возникшая из потребностей Турции и свойственная исключительно ей система», — говорил несколько позже также К. Ататюрк [7].

Некоторые турецкие буржуазные ученые проводят различие между «этатизмом» вообще, под которым понимается любое вмешательство государства во все сферы жизни общества, и «экономическим этатизмом», означающим исключительно экономическую деятельность государства. Показательно, что если одни авторы явно преувеличивают роль и значение «экономического этатизма» в хозяйственной жизни страны, то другие — всячески стремятся выпячивать социальную суть этатизма, оставляя в тени экономическое содержание этого явления. Это наглядно иллюстрируется следующими примерами.

Как утверждает турецкий автор Ахмед Хамди (Башар), Турции

присущи две особенности, отличающие ее от передовых стран Запада. Во-первых, Турция не прошла «полностью» феодальную и капиталистическую формации. Во-вторых, Турция, в отличие от западных стран, не пережила «экономическую (промышленную. — И. А.) революцию». И лишь благодаря «экономическому этатизму» Турция может приблизиться к Западу [8, 20]. А вот Текин Алп, автор работы, специально посвященной идеологии кемализма, считает, что государство не должно ограничиться одними административными функциями. Цель этатизма — регулировать не только экономику, но и всю социальную и культурную жизнь страны [9, 262—264].

Ряд турецких ученых пытается изобразить этатизм в виде синтеза хозяйственных форм, свойственных капиталистической и коммунистической системам, а турецкий этатизм выдать за яркий образец такого синтеза. Вот как развивает этот тезис известный турецкий экономист проф. Осман Окъяр. «Ни тоталитарный коммунизм, ни капитализм, целиком опирающийся на частное предпринимательство, — пишет он, — не могут служить абсолютно универсальными средствами экономического развития... Между коллективной экономической системой (коммунизмом. — И. А.) и чрезмерно либеральной экономической системой (читай: капитализм свободного предпринимательства. — И. А.) существуют более приемлемые с точки зрения экономического развития средства. Этатизм представляет собой одну из наиболее ранних попыток, предпринятых в целях изыскания таких средств» [10, 6—7]. А турецкий автор Э. Озельмас категорично утверждает, что «девлетчилик есть не что иное, как синтез государственного капитализма и социализма» [11, 19].

Важнейшей особенностью «национальной этатистской экономики» объявляется ее плановость. Отсюда делается довольно абсурдный вывод о том, что якобы плановая, контролируемая государством этатистская экономика есть хозяйство, свободное от стихийного действия экономических законов и анархии капиталистического производства. Выходит, что Турция, развиваясь по капиталистическому пути, благодаря этатистской структуре своего хозяйства не будет подчиняться закономерностям развития капиталистического общества [12, 90].

Не менее абсурдным являются утверждения тех турецких авторов, которые всячески пытаются доказать, что «этатизм — это борьба против капитализма», «действительный государственный социализм». Авторы этого «открытия» видят суть «государственного социализма» в осуществлении государством функций капиталиста — промышленного предпринимателя и коммерсанта, а также в участии государства в капитале частных акционерных компаний [13].

Эти утверждения ничего общего с наукой не имеют. Вопреки утверждениям турецких ученых, участие государственного аппарата в хозяйственной жизни вовсе не является ни «открытием», ни имманентной чертой кемалистского государства. Государственно-капиталистические тенденции в различных проявлениях имели место еще в домнополистической стадии капитализма. Как отмечал в свое время К. Маркс, «некоторые отрасли производства уже при самом начале капиталистического производства требуют такого минимума капитала,

которого в это время нет в руках отдельных индивидуумов. Это вызывает, с одной стороны, государственные субсидии частным лицам как во Франции в эпоху Кольбера и в некоторых немецких государствах до нашего времени, с другой стороны, — образование государственных монополий на ведение известных современных акционерных обществ [14, 319]. О «вынужденном» взятии государством на себя руководства важнейшими средствами производства и сообщения на известной ступени общественного развития, когда эти средства действительно перерастают управление акционерных обществ, когда их огосударствление становится экономически неизбежным, говорил также Ф. Энгельс [15, 289].

Совершенно несостоятельны также воззрения отдельных турецких ученых, которые усматривают в предпринимательской деятельности буржуазного государства в Турции «государственный социализм». Критикуя в свое время «теоретиков» фальшивого социализма, объявляющих без оговорок социалистическим всякое, даже бисмарковское, огосударствление, Ф. Энгельс писал в «Анти-Дюринге»: «Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма» [16]. Такого ответа вполне заслуживают и те турецкие «теоретики», которые объявляют этатизм «государственным социализмом». Кстати, отдельные идеологи турецкой буржуазии также признают, что система экономического этатизма, проводимая республиканскими правительствами Турции, есть государственный капитализм [17].

Да и сам термин «этатизм» (от французского *«etat»* — государство) впервые введен в оборот швейцарским буржуазным либералом Нума Дроцем еще в конце XIX в. Это термин, употребляемый главным образом в буржуазной литературе первоначально для обозначения принципа государственной централизации, а затем для характеристики роли экономической политики государства в развитии экономики капиталистических стран, в связи с усилением экономических функций буржуазного государства в эпоху империализма, когда государственный капитализм как одна из форм развития капиталистических производственных отношений получил широкое распространение.

Являясь особой формой развития капиталистических производственных отношений, базирующихся на государственной собственности, этатизм в Турции есть не что иное, как государственный капитализм, который в тех или иных формах (и под различными названиями) осуществляется в капиталистических странах. Турецкий пример характерен тем, что государственный капитализм (этатизм) возник и развивался в стране, начавшей борьбу за экономическую самостоятельность еще на первом этапе общего кризиса капитализма, в условиях слабо развитой многоукладной экономики, незавершенности процесса первоначального (не говоря уже капиталистического) накопления, узости внутреннего рынка. Своеобразие многоукладной турецкой экономики и определило особую значимость политического фактора — государства как практически единственно реальной силы, способной активно содействовать преодолению «узких мест» в экономике и реше-

нию сложных социально-экономических проблем национальной реконструкции. Сущность этого явления состоит в том, что государство берет в свои руки некоторые основные средства производства и осуществляет функции капиталистического предпринимателя и регулятора хозяйственной жизни в интересах форсирования развития национального капитализма.

Этатистская концепция развития Турции в том виде, в каком она сформировалась к середине 30-х годов, акцентировала главное внимание на активное привлечение государства к экономическому строительству, всемерному развитию национальной промышленности за счет государственной казны и вообще на сосредоточении в руках государства ведущих отраслей экономики. В своей основе эта концепция ставила целью переложить на государство, т. е. на налогоплательщиков основную тяжесть финансирования затрат, связанных с формированием материально-производственной базы национального капитализма. Она также включала широкий комплекс мероприятий экономического регулирования, направленных на активизацию частного предпринимательства [18].

По замыслу кемалистов, активное вмешательство государства в экономическую жизнь и создание разветвленного государственного сектора в экономике должно было способствовать ускорению становления современных форм производства. Государственная экономическая активность выражалась также в стремлении создать «национальное купечество», национальный предпринимательский класс. Выращивание главным образом из среды, близкой к политической и управленческой верхушке, бюрократической буржуазии, производилось за счет средств казны.

Неизменно подчеркивалось, что государство не будет игнорировать или ущемлять интересы турецких предпринимателей и предоставит частному национальному капиталу возможность всемерно развернуть инициативу во всех сферах экономической деятельности, в том числе в отраслях, где непосредственно функционирует государственный капитал, и занять достойное место в этатистской экономике. Признание принципа частной инициативы и деятельности как основного фактора экономической жизни красной нитью проходила через все документы НРП, речи и высказывания лидеров этой партии. Небезынтересно с этой точки зрения определение, данное этатизму самим К. Ататюрком: «В нашем понимании смысл этатизма заключается в следующем: частную инициативу и личную деятельность граждан считать основой (всякой деятельности — И. А.), но принимая во внимание все нужды великой нации и просторной родины... передать экономику страны в руки государства» [19, 240].

Наконец, необходимо подчеркнуть, что сама концепция участия государства в экономике носила довольно общий, неопределенный характер — она не отвечала на такие вопросы, как формы государственного участия, сущность, возможность и пределы госсектора. Вероятно, поэтому теоретические изыскания турецких экономистов в тот период сосредоточивались вокруг таких аспектов этатизма, как роль и место государственного предпринимательства в системе общественного производства, взаимоотношения государственного и частного секто-

ров, перспективы их развития в рамках «этатистской экономики» [20, 31].

Этатизм кемалистов отражал стремления анатолийской буржуазии создать национальную промышленность на средства бюджета и при непосредственной помощи государственного аппарата и тем самым подорвать позиции иностранного капитала на внутреннем рынке, а также нанести удар компрадорской буржуазии. Однако с течением времени этатизм, развивавшийся все больше и больше, должен был вызвать оппозицию не только иностранцев, но и значительной части национального капитала.

В довоенный период противником этатизма выступала в основном та часть буржуазии, которая была тесно связана с крупной посреднической торговлей, с внешнеторговыми операциями. Этатизмом были недовольны и многие крупные помещики, обеспокоенные возможностью широкого распространения его на сельское хозяйство, а также реакционное крыло правящей верхушки, видевшее в этатизме значительную преграду на пути дальнейшего сближения с империалистическими державами. Выразителями интересов названных кругов являлись Прогрессивно-республиканская и Либерально-республиканская партии. Однако в довоенный период «борьба за и против этатизма не носила открытого характера. Она велась скрыто, келейно, в приглушенных тонах, но на будущий исход ее заметно влияла все возрастающая активность крупнобуржуазных реакционных элементов» [21, 193].

Под знаком растущей оппозиции этатизму прошли первые послевоенные годы, что в определенной степени было обусловлено теми значительными изменениями, которые претерпела национальная буржуазия за республиканский период. Борьба с принципом этатизма вышла из рамок закулисной борьбы, происходившей в основном внутри правившей тогда НРП, и превратилась в неотъемлемую часть борьбы отдельных буржуазных группировок за политическую власть в стране [22, 132—143].

Накануне и во время второй мировой войны часть турецкой буржуазии, особенно те ее круги, которые были связаны с внешней торговлей и банковскими операциями, пользуясь поддержкой государства, прибрала к рукам значительные богатства и стала тяготиться этатизмом, видя в нем препятствие развитию частной инициативы. Победа Демократической партии (ДП) на выборах 1950 г. привела к власти тех, кто стремился к ограничению сферы государственного предпринимательства к максимальному приспособлению этатизма к узкокорыстным интересам крупной буржуазии. Предложенная партией система «либерального этатизма» основывалась на том, что впредь ведущая роль в развитии национальной экономики должна быть предоставлена частному капиталу, а государство должно всячески стимулировать и поощрять частную инициативу, ограничив собственно предпринимательскую деятельность сферами экономики, имеющими «общенациональное значение», и функциями координирования, регулирования и контроля; государство также должно широко поощрять иностранный капитал [23].

Хотя правительство ДП обещало «либерализовать» экономику, отбросить этатистскую политику в тех формах, в которых она проводилась правительствами НРП, рост госсектора продолжался — праг-

матические соображения взяли верх над программными лозунгами.

После государственного переворота в мае 1960 г., свергнувшего правительство ДП, прогрессивная турецкая общественность выдвинула лозунг «нового этатизма» (именуемого иногда «турецким социализмом»), имея в виду приспособление выдвинутого ранее Ататюрком принципа к новым условиям борьбы за независимое развитие страны, против американского империализма и содействующей последнему крупной турецкой буржуазии. В теоретическом плане «новый этатизм» представлял собой, по существу, сочетание идей кемализма, лейбористского социализма и теории о некапиталистическом пути развития. Идеологи его — прогрессивно настроенная интеллигенция — видели единственный путь решения задач экономического и социального прогресса во всемерном развитии государственного сектора и кооперации. По их мнению, необходимо национализировать и планомерно развивать промышленность и все другие ключевые отрасли экономики, этатизировать всю экономическую и социальную жизнь, ограничить противоречащую национальным интересам деятельность крупной буржуазии и защитить национальную экономику от иностранного капитала [24].

Представляет значительный интерес позиция ныне запрещенной правящими кругами Рабочей партии Турции (РПТ) в рассматриваемом вопросе. В программе РПТ указывалось, что некапиталистический путь развития — самый приемлемый и выгодный для Турции путь социально-экономического прогресса, а плановый этатизм, осуществляемый при непосредственном участии и под контролем трудящихся, — его главное средство. РПТ особо подчеркивала важность сохранения впредь ведущей и регулирующей роли планового государственного сектора в национальной экономике, социальной и культурной жизни страны и выдвигала в этих целях лозунг национализации важнейших сфер общественного производства [25, 6—7].

Однако возобновившееся вскоре после переворота наступление реакционных сил и затем приход в 1965 г. к власти Партии справедливости — по существу политической преемницы ДП, воспрепятствовали осуществлению требований турецких прогрессивных кругов.

Примечания

¹ Уместно отметить, что в числе факторов, обеспечивавших Народно-республиканской партии (НРП) Турции победу на выборах в парламент в 1973 г. (после более чем двадцатилетнего перерыва), немаловажное значение имела популярность выдвигаемых партией лозунгов социальных преобразований, в частности, лозунг дальнейшего усиления этатизма.

² Atatürk'ün söylev ve demeçleri, cilt I (1919—1938). — İstanbul, 1945.

³ J. Hüseyin (Tökün). Cumhuriyet Halk Partisinin iktisadi siyaset sistemi. — Анкара, 1946.

⁴ «Экономические функции нового государства (т. е. кемалистского государства. — И. А.), — писал один из идеологов кемализма Шевкет Сюрейя (Айдемир), — состоят из ряда методов и системы принципов, направленных на то, чтобы с одной стороны, ликвидировать прежнее полуколониальное положение старой Турции, а с другой, — создать на родной земле бесклассовую, непривileгированную национальную ассоциацию» (S. Süreyya. Yeni devletin iktisadi fonksiyonları. — «Kadro», 1934, № 29, s. 12—13). Весьма примечательно, что несколько позже тот же Ш. Сюрейя вынужден был признать, что этатизм кемалистов не достиг своей цели построения «бесклассового непривileгированного общества». См.: «Убп», 1962, 12 сент.

- ⁵ Подробно об этом см.: Алибеков И. В. Государственный капитализм в Турции. — М., 1966, с. 30—35; Он же. О критике турецкого буржуазного воззрения на этатизм. — Вопросы турецкой истории. Баку: ЭЛМ, 1972, с. 130—174.
- ⁶ İzmir iktisat kongresi. İzmir—1923. Haberler—Belgeler—Yorumlar. — Ankara, 1968.
- ⁷ T. Alp. Kemalizm. İstanbul, 1936, s. 240; «Aydın tarihi», 1937, № 37, s. 45.
- ⁸ A. H. Başar. Milletçe kalkınma davamız. İstanbul, 1951.
- ⁹ T. Alp. Kemalizm.
- ¹⁰ O. Okyar. Kalkınma, devletçilik ve iktisadi sistemler. — Forum, 1960, № 154.
- ¹¹ E. Özelmaz. Ferdi teşebbüs ve devletçilik. — İktisadi yürüyüş, 1950, № 254.
- ¹² Материалы по национально-колониальным проблемам, 1935. № 4.
- ¹³ T. Alp. Kemalizm, s. 234, 252; A. H. Başar. Atatürk'le üç ay ve 1930'dan sonra Türkiye. İstanbul, 1945, s. 16.
- ¹⁴ Маркс К. Капитал. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23.
- ¹⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: С. Talas. İctimai iktisat dersleri. Ankara, 1956, s. 113; B. Eşevit. Türkiye'nin iktisadi kalkınmasında sosyal adalet ve demokratik devletçilik. — Sosyal siyaset konferansları, Kitab 14. İstanbul, 1963, s. 20; K. Boratav. Türkiye'de devletçilik. Ankara, 1982, s. 2.
- ¹⁸ Муссеев П. П., Старченко Г. И. Турция: некоторые итоги и особенности капиталистического развития. — Народы Азии и Африки, 1984, № 1, с. 15; Муссеев П. П. Концепции Кемаля Ататюрка по проблемам развития национальной экономики. — Etudes Balkaniques, Sofia, 1985, № 1, s. 240.
- ¹⁹ Цит. по: T. Alp. Kemalizm.
- ²⁰ Муссеев П. П. Тенденции развития экономической мысли в Турецкой Республике. — Народы Азии и Африки, 1983, № 1.
- ²¹ Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.—Л., 1948.
- ²² См.: Алибеков И. В. Государственный капитализм в Турции.
- ²³ См.: Türk ekonomisi, 1946, № 31; 1952, № 103; T. Z. Tunaya. Türkiye'de siyasi partiler (1858—1952). İstanbul, 1952, s. 662—673.
- ²⁴ См.: M. Seyda. Toprak reformu üzerine. — Forum, 1960, № 153, s. 8; A. Kenan. Devletçilik üzerine. — Forum, 1960, № 158—159, s. 12; Yön, 20. 12. 1961, 12. 09. 1962; За рубежом, 1962, № 4, с. 18—19.
- ²⁵ Türkiye İsci Partisi tüzüğü. İstanbul, 1962.

ЗАИДА АЛИ-ЗАДЕ

СОЗДАНИЕ ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА ПРИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ И НАЧАЛО ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В новой редакции Программы КПСС, принятой историческим XXVII съездом партии, в числе основных задач научно-исследовательской работы советских ученых-обществоведов указывается на необходимость изучения процессов, происходящих в национально-освободительном движении народов, ведущих борьбу против империализма [1, 168].

Особую актуальность приобретает освещение борьбы народов Ближнего и Среднего Востока за свою свободу и независимость, которая должна быть раскрыта в трудах советских востоковедов, в том числе и азербайджанских. В связи с этим представляет значительный интерес изучение зарождения и развития советского востоковедения в Азербайджанской ССР, в частности создание в Баку восточного факультета и начало его деятельности. Этот вопрос не получил достаточного отражения в советской исторической литературе.

Первой попыткой в этом направлении можно считать работу А. О. Маковельского «Азербайджанский государственный университет им. Ленина», вышедшую в 1930 г. [2]. В ней, наряду с данными о других факультетах АГУ, приводятся сведения об организационных мероприятиях по созданию в 1922 г. восточного факультета, его первых преподавателях, численности студентов в начальный период существования востфака (1922—1929). Однако следует сказать, что эта работа в основном написана по материалам годовых отчетов АГУ. Что же касается архивных материалов, то они использованы мало, и это лишило автора более широко и всесторонне осветить данный вопрос.

Начальный период деятельности востфака затрагивает и Х. О. Алимирзоев в работе «Азербайджанский университет за 50 лет» [3], посвященной истории АГУ. Но, к сожалению, в ней лишь повторяются сведения, приводившиеся в работе А. Маковельского. Правда, Х. Алимирзоев приводит новые факты, относящиеся к восстановлению востфака в конце 40—начале 50-х годов.

Общие вопросы развития востоковедческой науки в Азербайджане нашли отражение в брошюре под редакцией акад. А. С. Сумбатзаде [4], изданной в 1964 г. в связи с проводимой в Баку II Всесоюзной конференцией стран Азии и Африки. Однако автор ее не ставил своей целью освещение создания в 20-х годах востфака и начала его деятельности.

Когда в 1979 г. отмечался 60-летний юбилей АГУ, вышла работа Ф. М. Багир-заде и М. А. Казиева [5], содержащая краткие сведения о состоянии восточного факультета к концу 1970-х годов. В ней подчеркивается, что к этому времени востфак АГУ стал одним из ведущих фа-

культетов в Советском Союзе по подготовке кадров востоковедов, дипломатических работников и переводчиков на восточные языки.

Краткие сведения о создании в 1922 г. востфака мы находим в большом труде Т. А. Мусаевой [6], посвященной истории народного просвещения в Азербайджане.

Как видно из сделанного нами краткого историографического обзора, вопрос создания и начала деятельности востфака пока не являлся предметом специального исследования и нуждается в более тщательном изучении.

* * *

С созданием Бакинского университета в ноябре 1919 г. при его историко-филологическом факультете было открыто восточное отделение. Однако работа по подготовке азербайджанских кадров-востоковедов фактически началась лишь после победы Советской власти в Азербайджане в конце апреля 1920 г.

В первом же советском учебном году (1920—1921 гг.) встал вопрос о преобразовании восточного отделения в самостоятельный факультет. Создание его имело важное значение не только для развития просвещения и науки в самом Азербайджане, но и диктовалось перспективами в деле установления связи с соседними странами Ближнего и Среднего Востока. Это обуславливалось территориальным расположением Азербайджана на границе Ближнего и Среднего Востока, по соседству с Ираном, Турцией и арабскими странами, историческими связями его с народами Востока. Естественно, что здесь должна была возникнуть мысль о создании высшего учебного заведения — восточного факультета.

Это нашло отражение в резолюции III Всеазербайджанского съезда Советов, собравшегося в декабре 1923 г. В ней отмечалось: «Чрезвычайная роль и значение Советского Азербайджана как преддверия угнетенного Востока налагает большие задачи на азербайджанские вузы» [7, 46].

Вопрос о создании самостоятельного восточного факультета обсуждался на заседании историко-филологического факультета 22 октября 1920 г. Было решено предложить профессорам В. Б. Томашевскому, Е. И. Байбакову, Е. А. Пахомову, Е. К. Акимову, М. Я. Шахтахтинскому, Б. Шахтахтинскому, М. Р. Мирзоеву, М. М. Ибрагимову составить учебную программу [8]. 19 апреля 1921 г. был заслушан доклад проф. П. К. Жузе о востфаке и принято постановление о признании неотложным преобразование восточного отделения в восточный факультет. Для осуществления этого считалось необходимым привлечь новые силы, создать специальную библиотеку и музей востоковедения [9].

Было решено ходатайствовать о предоставлении П. К. Жузе научной командировки в Западную Европу, Каир и Константинополь для приобретения необходимых книг и учебных пособий. Одновременно П. К. Жузе поручалось войти в контакт с русскими учеными-востоковедами с тем, чтобы они помогли в деле организации учебной работы [10].

В ходе подготовки создания факультета была образована специальная комиссия, доклад которой заслушивался на заседании ис-

торико-филологического факультета от 13 декабря 1921 г. [11]. По докладу было предложено иметь на востфаке специализированные группы тюркологов и иранистов.

6 февраля 1922 г. Народный комиссариат просвещения дал указание Совету университета об организации восточного факультета [12], с тем, чтобы создать научную школу специалистов-востоковедов, самостоятельных исследователей в области изучения истории Востока, а также подготовить преподавателей истории, языка и литературы тюркских и иранских народов.

На заседании 30-го марта 1922 г. Совет университета постановил образовать восточный факультет, наметив открытие его к началу осеннего семестра [13].

12 апреля 1922 г. состоялось первое заседание организационного собрания востфака. Оно решило образовать комиссию из пяти членов и поручить ей представить доклад по вопросу организации факультета. В состав комиссии были включены А. Ахвердов, П. К. Жузе, А. Маковельский, А. Таги-заде и др. В задачи комиссии входило подготовить предложения: 1) о привлечении научных сил; 2) о создании библиотеки и музея; 3) о денежных средствах, необходимых для восточного факультета; 4) о материальном обеспечении преподавательского персонала восточного факультета; 5) о стипендиях для студентов. Эти предложения обсуждались на организационном заседании факультета от 20/IV-1922 г. и были утверждены [14].

Цель создания восточного факультета заключалась в следующем: создать азербайджанскую научную школу специалистов-востоковедов, исследующих историю Азербайджана, Персии, Турции, Ближнего Востока, их экономическую и социальную жизнь, язык, литературу, религию и этнографию этих стран; подготовить преподавателей истории, языка, литературы тюркских и иранских народов для средней школы; дать научную подготовку деятелям в области архивного, музейного и библиотечного дела [15]. Бакинский восточный факультет состоял из двух отделений: исторического и словесного, а словесное отделение имело 2 сектора: тюркский и иранский [16].

При факультете были утверждены 22 кафедры: философии, введения в экономическую науку и история хозяйства, древней истории, истории средних веков, истории нового времени, русской истории, общей истории, мусульманского Востока, истории тюрков, истории Персии, исламоведения, археологии, педагогики, психологии, общего языковедения, тюркского языка, тюркской литературы, иранской литературы, арабского языка и литературы, античной литературы, западно-европейской литературы и русской литературы [17, 105].

При организации востфака в апреле 1922 г. здесь начали работу: профессора Е. И. Байбаков, Ф. В. Благовидов, А. Д. Гуляев, М. В. Довнар-Запольский, Н. А. Дубровский, П. К. Жузе, В. И. Лопатинский, А. О. Маковельский, А. Б. Селиханович, В. В. Сиповский, В. В. Томашевский, приват-доценты Е. А. Пахомов и временные преподаватели К. Ахвердов, М. Ибрагимов, Г. Шахтахтинский, Б. Яблонко, Е. К. Акимов [18].

Вскоре к ним присоединились доц. Мухаддин-бей, преподаватели П. Х. Тумбиль, М. М. Амосов и др. [19].

В этой связи особый интерес представляет вопрос о национальных

кадрах преподавателей востфака. Следует отметить, что в отличие от ФОНа национальные кадры на востфаке были значительно сильнее и в дальнейшем было заметно сравнительно быстрое увеличение их численности. Это объяснялось спецификой работы на востфаке, где преобладало изучению восточных языков. Кроме того, имело большое значение то, что востфак с 1926 г. первым в АГУ совершил переход на обучение на азербайджанском языке [20]. Характерно, что в 1926/27 учебном году 55% старшего и 83% младшего академперсонала составляли азербайджанцы, в то время, как на педфаке, например, их было в тот же период всего, соответственно, 5 и 11% [21].

1925 г. в числе педагогов востфака работали: приват-доцент Фикрет-бей — педагогика, лекторы Касумбеков, Мамедов, А. Субханвердиханов, Эфендиев, Оруджалиев — азербайджанский язык, Али Джабар Мирзоев — персидский язык. Научными сотрудниками факультета являлись Каради Закузаде, Бахарлы (Веллев), Гасанов Идрис [22].

В связи с нехваткой специалистов по ряду дисциплин возникла необходимость приглашения из Ленинграда и Москвы видных русских ученых-востоковедов. На заседании совета АГУ 14 июня 1923 г. был решен вопрос о приглашении для чтения спецкурсов проф. Петроградского университета Н. А. Самойловича (тюркология), А. А. Рамасковича (ирановедение) и Н. Н. Фирсова, которые изъявили согласие приехать в Баку на осенний семестр 1923/24 учебного года [23].

3 июля 1927 г. правление АГУ постановило пригласить на востфак в 1927/28 учебном году для чтения спецкурсов доц. Н. Я. Марра (в дальнейшем академик по кафедре ирановедения), проф. Гурков-Бряжина по кафедре истории Ближнего Востока, академика В. В. Бартольда [24].

Таким образом, названные крупные советские специалисты-востоковеды с 1923 по 1928 гг. неоднократно приезжали в Баку и читали лекции студентам востфака и в других факультетов АГУ. Этим была оказана большая помощь в деле подготовки кадров азербайджанских ученых.

Следует отметить, что академик Марр в 1928 г. в стенах азербайджанского университета впервые изложил общие принципы яфетологии. Курс, прочитанный академиком Марром, был позднее издан университетом.

Член Академии материальной культуры И. И. Мещанинов в 1926 г. преподавал курс по истории Древнего Востока, доцент Б. М. Данциг в том же году читал эпизодические курсы по экономической географии Персии и Турции.

Приглашались и некоторые иностранные ученые. Так, в 1925 г. известный турецкий ученый, член-корреспондент Восточной Академии наук Фуад-бей Кюпрюли-заде прочитал курс по истории древнетюркской литературы [25, 108].

В рассматриваемый период деканами востфака являлись профессор П. О. Жузе, А. С. Губайдуллин, Б. В. Чобан-заде, которые провели на факультете большую и разностороннюю работу [26].

На востфаке в 1925 г. действовали кафедры истории Азербайджана, истории Ближнего Востока, всеобщей истории, тюркологии,

азербайджанской литературы, азербайджанского языка, персидского языка и литературы, турецкой литературы [27, 109].

Необходимо особо подчеркнуть, что именно на востфаке впервые было введено преподавание истории Азербайджана, истории азербайджанской литературы и языка, а также на основе марксистской методологии впервые в СССР — преподавание истории, этнографии и истории литературы тюркских народов [28, 107].

К 1926/27 учебному году факультет располагал довольно значительными научными силами. Здесь на различных кафедрах работали: профессор: Б. В. Чобан-заде (история тюркской литературы), А. С. Губайдуллин (история тюркских народов), А. В. Багрий (история русской литературы), А. М. Евлахов (история западно-европейской литературы), Я. А. Ратгаузер (история революционной борьбы в Азербайджане), П. П. Фридолин (всеобщая история), В. М. Зуммер (история искусства), Т. Л. Берин (политическая экономия), Н. Н. Пчелин (история общественных форм), Б. Б. Комаровский (педагогика), С. Ф. Васильев, А. Д. Гулнев (философия);

доценты: Е. А. Пахомов (археология, нумизматика), Ю. А. Спасский (экономическая политика), С. Н. Срединский (руководитель кафедры журналистики);

приват-доценты: А. З. Каради-Заде (история арабской литературы), М. Ибрагимов (история персидской литературы);

преподаватели: А. Б. Ахвердов (история тюркской литературы), Г. Б. Шахтахтинский (русский язык), Н. Зевакин (архивоведение), Али Агаларов (социология Древнего мира), М. С. Халфина (этнология тюркских народов), А. С. Букшпан (история Ближнего Востока и тюркских народов), А. Р. Зифельд (общая этнология);

лекторы: И. Ахунд-Заде (тюркский язык), И. А. Уарруар (арабский язык);

научные сотрудники: Вели Хулуфлу, Ю. Везиров, Нияр Везирова, Абдулла Таги-Заде, А. Линин, Идрис Гасанов, Ганифа Зейналлы, Ф. Шабанов и М. Байрамов [29].

По мере укрепления факультета научно-педагогическими кадрами, усиления материально-технической базы и налаживания учебного процесса, возрастала численность обучавшихся на нем студентов. Если в 1922/23 учебном году факультет имел 97 студентов [30], то в 1925/26 учебном году — 145 [31].

Изменялся социальный состав студентов, о чем свидетельствуют следующие данные [32, 71].

	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Проч.
1926—1927	35	79	62	14
1927—1928	35	81	89	26
1928—1929	54	72	93	26

На протяжении деятельности востфака непрерывно возрастает численность женщин среди студентов. В 1922/1923 учебном году их было 16, а в 1928/29 — уже 73 [33, 76].

Чрезвычайно важным было то, что в отличие от других факультетов на востфаке с самого начала на первом месте по своей численности находились студенты азербайджанской национальности. Так, в 1923/24 году из 93 студентов 63 были азербайджанцами [34], а в

1929/30 году—из 103 студентов 84 составляли представители местной национальности [35].

Ряд выпускников востфака в дальнейшем выросли в крупных специалистов. Среди них — С. Ашурбейли, И. Джафар-заде и др. Однако 19 июля 1927 г. на заседании правления АГУ обсуждался вопрос о предполагаемой реорганизации восточного факультета. А в 1928/29 году проводилась реорганизация востфака. 12 ноября 1928 г. на заседании ЦК АКП (б) было принято постановление, в котором говорилось: «Востфак с будущего учебного года сливается с педфаком. На педфаке создается лингвистическое отделение, которое на старших курсах будет иметь и этнологический цикл. Таким образом, подготовка работников, выпускаемых востфаком, будет обеспечена педфаком. Слияние провести с начала 1929/30 уч. г.» [36].

Решением Главпрофобра от 20/II 1929 г. было завершено присоединение востфака к педфаку в качестве самостоятельного отделения «Языка и материальной культуры с секциями тюркского языка и литературы и внешкольной» [37].

На основе приведенного в статье материала можно сделать следующие выводы:

1. В результате деятельности востфака за указанный период были предприняты первые шаги в деле подготовки азербайджанских кадров-востоковедов.

2. В то время было положено начало изучению в республике истории и культуры соседних стран Востока.

3. Созданию и деятельности восточного факультета способствовала помощь со стороны русских ученых-востоковедов.

4. Опыт шестилетнего существования восточного факультета был использован в дальнейшем при восстановлении его при филологическом факультете в 1943/1944 году в качестве восточного отделения, а с 1945 г. — восточного факультета. И с тех пор «...университет стал основным центром подготовки кадров и сосредоточения научных сил в Азербайджане в области востоковедения» [38], что дало возможность подготовить значительное число высококвалифицированных азербайджанских специалистов-востоковедов.

В феврале 1958 г. для дальнейшего развития востоковедческой науки в составе АН Азербайджанской ССР был учрежден специальный научно-исследовательский Институт востоковедения, первым директором которого был академик АН Азерб. ССР А. А. Али-заде [39]. Этот институт повел большую работу по изучению истории, литературы, культуры Турции, Ирана и Арабских стран.

5. Успехи в подготовке азербайджанских кадров-востоковедов обусловили появление в республике своей азербайджанской школы востоковедения, получившей всеобщее признание. Она представлена трудами таких ученых, как академики АН Азерб. ССР А. А. Али-заде, Г. Араслы, З. М. Буниятов, член-корреспондент И. Г. Алиев, доктора наук О. Эфендиев, Г. Алиев, З. Абдуллаев, Р. Сеидов, Ш. Тагиева, Р. Алиев, А. Мамедов, М. Ализаде, В. Мамедалиев, М. Махмудов, Г. Махмудов и многие другие.

Примечания

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986.

² *Маковельский А.* Азербайджанский государственный университет им. В. И. Ленина. — Баку, 1930.

³ *Алимирзоев Х.* Азербайджанский государственный университет за 50 лет. — Баку, 1969.

⁴ *Востоковедение в Советском Азербайджане.* — Баку, 1964.

⁵ *Багир-заде Ф., Казиев М.* Азербайджанский государственный университет им. С. М. Кирова (60 лет). — Баку, 1979.

⁶ *Мусаева Т.* Революция и народное образование в Азербайджане. — Баку, 1979.

⁷ Резолюции и постановления съездов, Советов АзССР (1921—1937 гг.). — Баку, 1961.

⁸ ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 4, л. 8.

⁹ Там же, л. 35.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, ед. хр. 8, л. 13.

¹² Там же, ед. хр. 59, л. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, л. 2.

¹⁶ Там же, л. 3; *Маковельский А.* Указ. раб., с. 103.

¹⁷ *Маковельский А.* Указ. раб.

¹⁸ ЦГАОР АзССР, ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 9, л. 135.

¹⁹ Там же, ед. хр. 22, л. 23.

²⁰ Бакинский рабочий, 1968, 2 ноября.

²¹ ЦГАОР АзССР, ф. 57, оп. 9, ед. хр. 213, л. 5.

²² «Известия» АГУ им. В. И. Ленина, общ. н., 1925, т. 2—3, л. 332.

²³ ЦГАОР АзССР, ф. 57, оп. 9, ед. хр. 213, л. 5.

²⁴ Там же, оп. 1, ед. хр. 9, л. 21.

²⁵ *Маковельский А.* Указ. раб.

²⁶ «Известия» АГУ им. В. И. Ленина, 1925, т. 2—3, общ. н., л. 333.

²⁷ *Маковельский А.* Указ. раб.

²⁸ Там же.

²⁹ «Известия» АГУ им. В. И. Ленина, 1925, т. 2—3, общ. н., л. 333—334; *Маковельский А.* Указ. раб., с. 109.

³⁰ ЦГАОР АзССР, ф. 57, оп. 9, ед. хр. 251, л. 21; *Маковельский А.* Указ. раб., с. 71.

³¹ Там же, ф. 57, оп. 9, ед. хр. 251, л. 187.

³² *Маковельский А.* Указ. раб., с. 71.

³³ Там же.

³⁴ ЦГАОР АзССР, ф. 57, оп. 9, ед. хр. 251, л. 21; Там же, ед. хр. 250, л. 186.

³⁵ Там же, ф. 786, оп. 10, ед. хр. 415, л. 2.

³⁶ ПААФ ИМЛ, ф. 1, оп. 74, ед. хр. 282, л. 126.

³⁷ ЦГАОР АзССР, ф. 1640, оп. 5, ед. хр. 327, л. 2.

³⁸ ПААФ ИМЛ, ф. 1, оп. 338, ед. хр. 167, л. 196.

³⁹ Там же, л. 21.

З. Ә. Әлизадә

АЗӘРБАЈЧАН ДӨВЛӘТ УНИВЕРСИТЕТИНДӘ ШӘРГ ФАКУЛТӘСИННІ ЈАРАНМАСЫ ВӘ ОНУН ФӘАЛИЈӘТӘ БАШЛАМАСЫ (1919—1941-чи илләр)

Мәғаләдә архив сәнәдләри, дөври мәтбуат материаллары вә тарихи әдәбијјат эсасында шәрг факултәсинин јаранма тарихи тәдгиг едилір. Рус шәргшүнасларынын азербайҗанлы кадрларын һазырланмасына көмәји, илк азербайҗанлы шәргшүнасларын факултәдәки фәалијјәтиниә хүсуси диғгәт јетирилир. Тәләбәләрин сәјјинин артмасы, онларын ичтимаи вә милли тәркиби кими мәсәләләр конкрет фактларла тәһлил олуноур.

Шәрг факултәсинин јаранмасы гоншу Шәрг өлкәләринин мәдәнијјәтинин вә тарихинин өјрәнилмәсиндә, Азербайҗанда шәргшүнаслыг елминин икипешиндә мүнүм рол ојнамышдыр.

Г. Н. ИСМАЙЛОВА

К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИИ, НАСЕЛЕНИИ, АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДА ШУШИ В XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В настоящее время исследователями уделяется большое внимание изучению истории городов Азербайджана. Отметим и то, что в области изучения этой проблемы сделано до сих пор немало [1]. Однако у нас есть города, которые, несмотря на их важную роль в социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни республики, еще нуждаются во всестороннем исследовании их истории. К их числу относятся и Шуша, являющаяся одним из культурных центров Азербайджана, имеющая богатые революционные традиции.

Хотя история Шуши и рассматривалась с научно-популярной точки зрения [2], однако в период с XIX по начало XX века, можно сказать, остался неизученным. В предлагаемой статье предпринята попытка освещения вопросов территории, населения и городского управления Шуши в вышеуказанный период.

* * *

Своей красотой, архитектурой Шуша привлекала внимание многих. В середине XIX века побывавший в Азербайджане знаменитый русский художник В. Верещагин так описал этот город: «Шуша — главный город Карабахского ханства, довольно хорошо укрепленное место. Город Шуша совершенно отличается от других закавказских городов. Дома ее правильны, красивы, высокие и освещены прекрасными, многочисленными окнами. Город построен из камня, взятого из утесов, на которых он расположен. Улицы везде вымощены широкими плитами, крыши домов сделаны из теса — на манер европейских» [3, 61]. Город находился на высоте 1368 м над уровнем моря, на предгорьях Карабахского хребта, был окружен с трех сторон оврагами, а с четвертой стороны — с северо-востока — защищен каменной стеной [4].

Для въезда в город имелись ворота: с востока — Ах-огланские, с запада — Эриванские, для верховых и выюков, с севера — Елизаветпольские, для повозок. Последняя дорога спускалась весьма круто и извилисто, по каменистому грунту на расстояние 5 верст, к мосту Ага-кюрпи. Это был почтовый тракт в Шушу [5].

Хотя местность и не позволяла горожанам иметь за городом сады, хлебопахотные земли, зато в городе, почти при каждом доме были фруктовые сады, зелень, придававшие ему живописный вид.

Увеличение городской территории за счет строительства новых

жилых домов и хозяйственных построек наблюдалось и в последующий период. Так, территория города, расширившись, составила к концу 90-х годов прошлого века 1380 десятин [7], а в конце исследуемого периода более 1450 десятин [7], а в конце исследуемого периода более 1450 десятин [8].

В начале XIX века в Шуше насчитывалось 1698 домов [9, 307], в середине столетия — 1856 домов, 476 магазинов, 11 улиц, 4 каравансарая, 2 базара, 7 бань, 970 водяных колодцев, 6 площадок, 4 каменных и 2 деревянных моста, 9 мечетей [10] и 6 церквей [11, 433]. В начале XX века всего имелось 2983 дома, из которых 2742 были выстроены из камня. Зарегистрирован 1191 жилой дом, покрытый железом, 139 — керамкой, 364 — землей, 17 мечетей, 5 церквей, 52 улицы, 116 тупиков, один городской сад, 3 гостиницы, 36 закусовых, 870 ремесленных мастерских, около 2-х тысяч торговых лавок [12]. К концу исследуемого периода в связи с оживлением в экономической жизни количество жилых домов и хозяйственных построек возросло до 8800 [13, 192—193]. Число жилых домов с начала XIX в. до начала XX в. увеличилось в 1,8 раза, а к концу исследуемого периода — в 5 раз.

Как и в других городах Азербайджана, улицы Шуши освещались нефтяными лампами. В начале века на городских улицах имелось 30 таких ламп. В отличие от многих городов Азербайджана здесь действовала система канализации. По сообщению первоисточников в 70-х годах XIX века городское население обеспечивалось питьевой водой из кяргизов. Население постоянно испытывало недостаток в воде. В 1871 г. по инициативе и за счет средств поэтессы Хуршуд Бану Натаван от горы Халифали, расположенной в 7 км от Шуши, посредством гончарных труб в город (в Ястыкала) был проведен водопровод. Это явилось большим событием в жизни городского населения. На это благое дело ханская дочь истратила 20 тыс. руб. В Ястыкала водопровод разделялся на две части. Первая была проведена в тот район города, где жили азербайджанцы и армяне, а другая — во двор ханского дворца. Здесь Хуршуд Бану построила два прекрасных восьмиугольных бассейна. В день открытия бассейнов она созвала большое собрание в ханском саду, на которое были приглашены гости из Шеки, Шемахи, Гянджи, Нахичевани [14]. С первого же дня после открытия водопровода цена на воду в городе снизилась более чем вдвое [15].

Однако и этот водопровод не смог полностью удовлетворить потребности городского населения в питьевой воде. В 90-х гг. прошлого века вновь была проявлена инициатива строительства водопроводной линии к городу. Один из состоятельных горожан Т. Тамиров подвел в 1896 г. вторую водопроводную линию от холма Сарытепе, расположенного в 18 км от Шуши. На это он затратил 100 тыс. рублей. Вторая линия водопровода Шуши в значительной степени удовлетворяла потребности жителей в питьевой воде. Более чем на 20 улицах были сооружены прекрасные каменные бассейны. Новая водопроводная линия содействовала сооружению в городе новых бань и озеленению города [16].

Численность населения в азербайджанских городах, в том числе в Шуше в исследуемый период значительно возросла, что было свя-

зано с развитием общественно-экономической жизни страны. Наряду с естественным приростом росту городского населения способствовало и то, что часть сельского населения, особенно беднота, в поисках заработка стекалась в города, о чем свидетельствует динамика роста населения города Шуши (таблица, [17]).

Годы	Население		Всего	Процент
	мужчины	женщины		
1800	5700	4300	10000	100
1830	5079	4500	9579	93
1850	6556	6418	12724	127
1870	10910	9035	19945	199
1886	15786	11020	26806	268
1897	13318	12563	25881	258
1904	20521	14326	34847	348
1910	19818	17713	37531	375
1917	25404	18465	43869	438

Согласно приведенным данным рост населения Шуши с начала прошлого века можно разбить на три этапа: 1800—1830, 1830—1870, 1870—1917 гг. Первый период является периодом застоя не только в росте городского населения, но и в других областях городской жизни. Во-первых, в 90-х гг. XVIII в. Карабах и его центр Шуша дважды подвергались опустошительному нашествию иранских агрессоров, а на протяжении первых 30-ти лет XIX в. — в 1804—1813, 1826—1928 гг. были ареной военных действий русско-иранских войск. Как видно из таблицы, в этот период численность населения города Шуши не только не возросла, но напротив, сократилась. Лишь после заключения Туркменчайского мирного договора в 1828 г. установившееся спокойствие на территории Азербайджана оказало положительное влияние как на оживление городской жизни, так и на численность населения отдельных городов. Это ясно видно из второго периода.

Третий период связан со становлением и развитием капиталистических отношений. К. Маркс пишет: «Капиталистическое производство, постоянно увеличивая перевес городского населения, которое это производство скопляет в крупных центрах, накапливает тем самым, с одной стороны, историческую силу движения общества вперед» [18, 514].

Зарождение с 70-х годов прошлого столетия в Азербайджане новых общественных отношений и их развитие оказали свое положительное воздействие на городскую жизнь, на рост населения города Шуши. Как видно из таблицы, в эпоху новых общественных отношений население города Шуши в сравнении с началом прошлого столетия выросло более чем в 4 раза, составив 438 процентов. Согласно таблице с 1800 г. по 1917 г. население Шуши выросло на 33869 человек.

Подобно всем восточным городам и здесь состав населения по полу не был одинаковым: число мужчин превышало количество женщин. Сравнительный анализ имеющихся материалов дает возможность прийти к такому выводу: во все времена в Шуше число мужчин на 7—10% превышало количество женщин; основную часть городского

населения составляли азербайджанцы. Так, в 30-х годах прошлого столетия из 1698 семей города 936 были азербайджанскими, а остальные армянскими и др. Таким образом, азербайджанские семьи составляли 56% всех семей [19, 30]. В 1914 г. из 42568 человек городского населения 19000 представляли члены азербайджанских семей, остальные же армянских и др. [20, 230—233]. В отличие от других городов Азербайджана в Шуше особенно много проживало аристократии. Большинство бекских семей Карабаха имело здесь дома. Их обитатели не занимались хозяйством, а вели аристократический образ жизни за счет собираемой с крестьян дани. По данным 1830 г., здесь проживало 56 бекских семей, 64 семьи духовенства, 21 семья служителей христианской религии [21, 307]. В тот же период в городе 200 семей занимались торговлей, а 266 — ремеслами [22, 307—208]. Оживление экономической жизни города, зарождение капиталистических отношений и их развитие оказало сильное влияние и на социальный состав населения. Так, согласно Всероссийской переписи населения 1897 г., здесь были зарегистрированы 2 272 аристократа, 97 государственных чиновников, 334 военнослужащих, 121 педагог и воспитатель, 40 работников здравоохранения и санитарии, 200 постоянных рабочих и т. д. [23, 18].

До присоединения Карабахского ханства к России (т. е. до Кюрекачайского мирного договора от 14 мая 1805 г.) Шуша оставалась центром ханства, управляемого ханом. Царизм, учитывая добровольное подчинение Карабахского ханства России, сохранил здесь ханское правление до 1822 г. Несмотря на это, в период правления Ибрагим-хана и его сына Мехти Кули-хана, их права были значительно ограничены. В этот период, как и в других ханствах, карабахский хан был лишен полномочий проводить независимую внешнюю политику [24].

Царизм, желавший укрепить свои позиции в Азербайджане, стремился заменить ханское управление русскими военно-административными учреждениями. С этой целью в 1804—1813 гг. были упразднены Гянджинское, Бакинское, Кубинское ханства, в 1819 г. — Шекинское, в 1820 г. — Ширванское, в 1822 г. — Карабахское, а в 1826 г. — Талышское ханство [25, 20]. Царизм применил в Азербайджане систему военного управления. На месте бывших ханств были созданы провинции и округа. Шекинская, Ширванская, Карабахская и Талышская провинции подчинялись военноокружному начальнику, который назывался «управляющим мусульманскими провинциями». Его резиденцией являлась Шуша [26].

Непосредственно управление каждой провинции было сосредоточено в руках коменданта — офицера русской армии, назначавшегося главнокомандующим на Кавказе. Такая система, примененная в Карабахской провинции, называлась комендантской системой [27]. Комендант председательствовал в провинциальном суде, утверждал в должности казия (местного главу мусульманского духовенства и шарнатского суда), магальных наивов и прочих лиц администрации провинции (ханства) [28, 9]. Комендант подтверждал выданные прежними ханами фирманы (указы) и талики (предписания) о пожаловании разным бекам поместий с живущими на их землях общинами (джамаат) — феодально-зависимыми крестьянами, и сам раздавал разным

бекам во владение населенные поместья и раджбаров — лично зависимых от беков крестьян [29, 9—10].

Так, не чувствуя над собой должного контроля, комендант, как и в других городах Азербайджана, грабил население Шуши, а проявившее малейшее недовольство беспощадно усмирал. Фактически, комендантский способ правления с участием военно-помещичьих чиновников, строился на эксплуатации и грабеже трудящихся масс. Вместе с тем население страдало от гнета и эксплуатации местных феодалов, которых защищало то же самое царское правительство [30, 12—15]. Комендант, управляя Шушинской провинцией, занимался также и управлением Шуши, в которой не было создано отдельное городское полицейское управление [31], в отличие от других городов Азербайджана — Баку, Шемахи и Гянджи. В этом ему помогали помощники: смотрители за хозяйствами провинции, провинциальный казначей, ряд беков из местного населения, заслуживших доверие в высоких кругах [32, 58—59].

В Шуше, как и в ряде мест Азербайджана, действовал провинциальный суд, созданный в декабре 1822 г. [33]. Функции городского и провинциального суда были одинаковы. Разница состояла только в том, что представители от беков и податного сословия избирались здесь не на один, а на три года. Деятельность провинциальных судов, как и судов городских, была ограничена рассмотрением гражданских и маловажных уголовных дел, т. е. имели примерно ту же подсудность, выступали и в качестве административных органов, ведая раскладкой податей, порядками, заключением контрактов, производством торгов и т. д. [34]. Трудящиеся массы были чрезмерно недовольны этой системой. Самоуправство ее не имело границ. Все это требовало ликвидации существующей комендантской системы.

Закавказье было поделено на Грузинскую императорскую губернию, с центром в Тифлисе и Каспийскую область, центром которой была Шемаха. Эта область включала в себя большую территорию Азербайджана. Она была составлена на основе вновь созданных семи уездов. Шушинский уезд, в основном созданный за счет территории Карабахского ханства, был одним из них [35, 88].

Реформа 1840 г. фактически была механическим перенесением в Закавказье системы управления внутренних губерний России. Она себя не оправдала и ничего не дала широким народным массам, создавая еще более благоприятные условия для увеличения налогов, усиления бюрократизма и взяточничества. Все это не могло не вызвать недовольства сельского населения и городской бедноты.

Царизм в 1846 г. произвел в Закавказье новое административное деление. На основе этого деления были созданы Тифлисская, Кутаисская, Шемахинская и Дербентская губернии. По новому делению Шушинский уезд остался в составе Шемахинской губернии [36]. А в феврале 1868 г. была создана новая Елизаветпольская губерния за счет земель Гянджинского ханства, впоследствии переданных Бакин-ской, Тифлиской, Ереванской губерниями. От Бакинской губернии к ней перешли уезды с Шушой и Нухой, от Тифлиской губернии — Елизаветпольский (Гянджа) уезд, включая Казах, Мыгринский пункт Ордубадского уезда и вновь созданный Зангезурский уезд [37].

В последней четверти XIX—начале XX века в Шуше функциони-

ровали городской муниципалитет и городская Дума. Царизм задумывал в очень ограниченных рамках применить на окраинах положение о городском самоуправлении от 16 июня 1870 г. В. И. Ленин, называл это правление «пятым колесом» русского государственного аппарата, «колесом, допускаемым бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством» [38, 35].

В выборах в Думу участвовали все городские налогоплательщики, домовладельцы, хозяева торгово-промышленных предприятий, банкиры и др. В Думах и избранных ими муниципалитетах преимущественно обеспечивалось преобладание плательщиков наибольших налогов. Рабочие, служащие, интеллигенция, не платящие городских налогов, не участвовали в выборе членов муниципалитета [39, 210—211]. Лишь восемь лет спустя после реформы муниципалитет был создан в Баку, а через 26 лет — в других городах Азербайджана, в том числе в Шуше.

Таким образом, из приведенных выше сведений выясняется, что в исследуемый период облик Шуши существенно изменился. Значительно возросло число жилых домов и хозяйственных построек. Прирост населения в конце XIX—начале XX века заметно увеличился за счет переселенцев. Зарождение и развитие капиталистических отношений требовало ряда изменений и в управлении города, результатом чего было появление городского муниципалитета, который состоял в основном из представителей местной буржуазии.

Примечания

- ¹ Ашурбейли С. Б. Очерк истории средневекового Баку. — Баку, 1964; Алиев Ф. М. Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII в. — Баку, 1960; Мамедов Р. Очерк истории города Нахичевани. Баку, 1977; Онуллахи С. М. Город Табриз в XIII—XVIII вв. — Баку, 1982; Исмаилов М. А. Шеки (исторический очерк). — Баку, 1982 и др.
- ² Шушинский Ф. Шуша. — Баку, 1968.
- ³ Цит. по кн.: Шушинский Ф. Указ раб.
- ⁴ Русский инвалид, 1857, № 239.
- ⁵ Северная пчела, 1831, № 210—212;
- ⁶ Кавказский календарь на 1852 год. — Тифлис, 1851.
- ⁷ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 11, д. 634, л. 188.
- ⁸ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 25, д. 856, л. 390.
- ⁹ Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, финансовых отношениях. — СПб., 1836, ч. 3.
- ¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 214, лл. 36—37.
- ¹¹ Кавказский календарь на 1852.
- ¹² ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 11, д. 634, лл. 188—200.
- ¹³ Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916.
- ¹⁴ Кавказ, 1885, № 100.
- ¹⁵ Новое обозрение, 1885, № 467.
- ¹⁶ Кавказ, 1896, № 249.
- ¹⁷ ЦГИА АзССР, ф. 415, оп. 1, д. 8, лл. 107; НАИИ АН АзССР, д. 1668 (1), л. 240; Обзор Елизаветпольской губернии за 1912 г. — Тифлис, 1913, стр. 1—2; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — СПб., 1904, стр. 1; Кавказский календарь на 1852. — Тифлис, 1851, стр. 433; Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. 3, стр. 307; Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. — Тифлис, 1888, стр. 25; Памятная книжка Елизаветпольской губернии за 1910 г. — Тифлис, 1909, стр. 91;

Кавказский календарь на 1917 г. — Тифлис, 1916, стр. 192—193; Шушинский листок, 1912, № 41.

¹⁹ Обзорение Российских владений за Кавказом. — СПб., 1836, ч. 3.

²⁰ Кавказский календарь на 1914 г., 1913.

²¹ Обзорение Российских владений за Кавказом. — СПб., 1836, ч. 3.

²² Там же.

²³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — СПб., 1904.

²⁴ ЦГИА АзССР, ф. 130, оп. 1, д. 14, лл. 303.

²⁵ История Азербайджана. — Баку, 1960, т. 2.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 18, лл. 9.

²⁷ АКАК, т. 3, с. 3, док. 11.

²⁸ Петрушевский И. П. Система русского колониального управления в Азербайджане в I половине XIX в. — Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. М.—Л., 1936, т. 1.

²⁹ Петрушевский И. П. Указ. раб.

³⁰ Там же.

³¹ НАИИ АН АзССР, д. 1668 (1), лл. 206.

³² Эсадзе С. С. Историческая записка об управлении Кавказом, т. 1.

³³ АКАК, т. VI, ч. 1, стр. 5, док. № 1107.

³⁴ Мильман А. Политический строй Азербайджана в XIX—начале XX вв. — Баку, 1966.

³⁵ История Азербайджана, т. 2.

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 4, оп. 7, д. 140, лл. 43—52.

³⁷ НАИИ АН АзССР, д. 1668 (2), лл. 1.

³⁸ Ленин В. И. Гонители земства и аннибалы либерализма. — Полн. собр. соч., т. 5.

³⁹ Мильман А. Указ. раб.

Г. Н. Исмайлова

ХІХ ЭСРДЭ ВЭ ХХ ЭСРИН ЭВВЭЛЛЭРИНДЭ ШУША ШӘХЭРИНИН ЭРАЗИСИ, ЭХАЛИСИ ВЭ ИНЗИБАТИ ИДАРЭ СИСТЕМИ МӘСЭЛЭСИНЭ ДАИР

Мәгаләдә шәһәрин инзибати идарә системи мәсәләсинә кениш јер верилмишдир. шәһәрин эразиси вә тәдгиг олунаң дөврдә шәһәр эразисинин кенишләnmәсиндән бәһс едир. Бурада ХІХ—ХХ эсрин әввәлләриндә шәһәр әһалисинин артымы илә јанашы әһалинин тәркиби һаггында мәлүматлар да вардыр.

Мәгаләдә шәһәрин инзибати идарә системи мәсәләсинә кениш јер верилмишдир.

АЗӘРБАЈДЖАН ССР ЕЛМЛӘР АКАДЕМИЈАСЫНЫН ХӘБӘРЛӘРИ

Тарих, фәлсәфә вә һүгүг серијасы, 1987, № 2

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

Серия истории, философии и права, 1987, № 2

ИГРАР АЛИЕВ

О ПРОНИКНОВЕНИИ НА ТЕРРИТОРИЮ АЗЕРБАЙДЖАНА ИРАНОЯЗЫЧНЫХ ПЛЕМЕН В КОНЦЕ II— НАЧАЛЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

В эпоху так называемого железного века II (1000—800 гг.), в отдельных случаях и несколько ранее, в областях Иранского плато, как об этом говорят археологические комплексы Хурвина, Амлаша, Марлика, Калураза, Динка-тепе, Хасанлу, Луристана, Спалка и др. [1], засвидетельствовано наличие новых групп иммигрантов-коневодов и всадников [2], принесших с собою практику конских захоронений и возведшие в культ почитание коня [3]. Распространение всадничества, новых идеологических представлений, погребальных обрядов и сооружений, новых культов животных и образов в искусстве и т. п., не имевших истоков в местных культурах края, говорит о том, что перед нами пришельцы, принесшие в места нового обитания свой быт и культуру. Синхронные ассирийские источники сохранили ономастический материал и некоторое количество специфических терминов, анализ которых определенно свидетельствует о том, что новые поселенцы были носителями иранского этноса [4]. Об иранском характере культуры новых групп населения северо-западных областей плато свидетельствуют и те археологические материалы, которые связаны со специфическими сторонами быта, образа жизни и идеологическими представлениями мигрантов — всадничеством, конскими захоронениями, культом коня, памятниками искусства (имеются в виду фигурки лошадей, ритоны в форме лошади и лошади со всадником, крылатые кони, различного рода зооморфные сосуды) — и которые могут быть интерпретированы исходя из данных иранской мифологии и эпоса [5].

Пришлые племена уже в самом начале I тысячелетия до н. э. начинают играть важную роль в судьбах интересующего нас региона. Несколько позднее они выступали главной силой в этногенезе древнеазербайджанской (мидийско-атропатенской) народности.

Ираноязычные племена появились здесь, по-видимому, где-то в самом конце II тысячелетия до н. э. [16]. Об этом в первую очередь говорят данные ономастики, различного рода специфические термины, а также археологический материал.

Проникновение ираноязычных мигрантов в области Кавказа и Иранского плато — проблема далеко еще не решенная в науке [7]. Однако теперь уже не может быть никакого сомнения в том, что проблема эта прямо связана с древней историей Юга нашей Родины. Ираноязычные племена, составлявшие вместе с племенами-носителями индийских диалектов особую, индоиранскую, или арийскую, ветвь индоевропейской семьи языков, как полагают, в глубокой древности жили в южных районах Советского Союза [8].

Индоиранские племена обнаруживают близкое языковое и вообще этнокультурное родство с такими племенами, как, например, славянские, романские, германские и др. Особенно тесными узами были связаны друг с другом носители индийских и иранских диалектов, составлявшие отдельную ветвь индоевропейской семьи. У этих народов в глубокой древности существовал сходный образ жизни в быту и на войне, они поклонялись по существу одним и тем же богам, хранили в памяти сходные мифы, легенды и эпос, пели почти одинаковые песни, священные гимны и др.

Данные компаративной лингвистики, подтверждаемые также аргументами, представляемыми археологией и иными науками, все настойчивее свидетельствуют о том, что районом формирования и становления индоевропейской языковой общности были северобалкано-нижнедунайско-северопричерноморско-поволжские области [9]. Ряд данных позволяет с известным основанием утверждать, что областью, где происходило становление индоиранской общности, могли быть только Южно-русские степи и смежные с ними районы [10]. Именно здесь в глубокой древности, несколько тысячелетий назад, формировалась индоиранская общность, носители которой называли себя «ариями», что в начальный период означало полноправных людей, в отличие от соседних или покоренных народов.

Необходимо отметить, что разделение арийской (индоиранской) ветви языков на две группы — индийскую и иранскую — также имело место на Юге нашей Родины, где еще некоторое время продолжали жить уже отделившиеся друг от друга носители индийских и иранских диалектов [11]. И лишь позднее первые оказались в Индии, а отдельные группы ираноязычных племен, часть которых, возможно, вскоре оседают в Средней Азии, стали двигаться по направлению к Иранскому плато, которому суждено было стать их второй родиной.

Следует отметить, что миграции арийских, в частности ираноязычных, племен не являются чем-то из ряда вон выходящим. Достаточно сослаться хотя бы на пример переселения в Малую Азию примерно в конце III тысячелетия до н. э. хеттских племен, говоривших на одном из индоевропейских языков. Таких примеров можно привести великое множество.

Итак, ираноязычные племена Иранского плато вышли из Южно-русских областей, где, как отмечалось, формировалась ираноязычная этническая общность и протекала ее ранняя, древнейшая история. Значительная часть ираноязычных племен продолжала оставаться на прежней родине свое. Это были скифские, сарматские, сакские и другие племена.

Как уже отмечалось выше, проникновение ираноязычных племен на территорию Кавказа и Передней Азии — проблема далеко еще не решенная в науке. Нет вполне адекватных решений многих вопросов этой проблемы. Нет единства мнения в чрезвычайно важном вопросе о том, какими путями проникали в области Кавказа, в частности Юго-Восточного Закавказья и Иранского плато, ираноязычные племена. Не всегда помогают нам в решении вопросов о передвижениях ираноязычных (равно как и других) этнических групп и свидетельства археологии, ибо почти несомненно, что распространение ира-

ноязычных племен в том или ином регионе, особенно в тех областях, по которым они проходили, не задерживаясь там подолгу, не сопровождалось распространением вынесенной ими с прародины материальной культуры. В этом деле определенную помощь оказывают лишь отдельные наиболее стойкие элементы материальной культуры, связанные с образом жизни или идеологией [12]. Речь, таким образом, может идти о выделении тех специфических деталей, которые были свойственны собственно иранским племенам и распространение которых можно связать с их расселением [13]. К числу этих элементов, как уже было сказано, относятся всадничество, культ коня, а также засвидетельствованные в искусстве мотивы, которые могут быть интерпретированы как собственно иранские [14]. Чрезвычайно важным для наших построений является тезис о связи всадничества, использования верховой лошади для военных целей и распространения соответствующего конского снаряжения с продвижением иранских племен [15].

В связи с этим привлекает внимание группа так называемых Степных курганов (конец II — начало I тысячелетия до н. э.) Кировабадско-Ханларско-Мингечаурской зоны, материалы которых довольно резко отличаются от других синхронных им погребальных памятников названной и смежных территорий [16]. Последнее обстоятельство позволяет говорить о появлении здесь нового этнического элемента. Уже в конце II тысячелетия до н. э. в областях Восточного Закавказья можно проследить смещение двух этнических элементов [17] — местного и пришлого. Курганы, о которых идет речь, связываются, с одной стороны, с археологическими комплексами Южно-русских степей [18], основным населением которых в ту пору были ираноязычные племена [19] и где хорошо засвидетельствованы всадничество и конские погребения [20], а с другой, — с некоторыми памятниками Северо-Западной части Иранского плато приблизительно того же времени, оставленными, судя по ономастическим и иным данным, ираноязычными мигрантами [21]. Характерными чертами Степных курганов Азербайджана являются различные деревянные сооружения, следы огня и особенно обряд конских захоронений [22]. Этот обряд, не имеющий истоков в культурах Закавказья и Ирана более раннего времени, совершенно определенно должен быть связан с миром Южно-русских степей [23], население которых во второй половине II тысячелетия до н. э., как уже отмечалось, состояло в основном из ираноязычных племен [24]. О том, что выходцы из Южно-русских степей, практиковавшие обряд конских погребений, были распространителями иранской речи за пределами названной территории, свидетельствуют и бесспорные лингвистические данные [25], хорошо увязываемые со свидетельствами археологии. Теперь уже с несомненностью установлено, что вторая половина II тысячелетия до н. э. является *terminus ante quem* для пребывания ираноязычных племен в Юго-Восточной Европе [26]. Если это так, то этими племенами могли быть только срубники, ираноязычность которых не вызывает сомнений.

Необходимо напомнить, что вне Южно-русских степей культ коня распространился значительно позднее и появление его вне названной зоны связано с приходом или прямым влиянием индоевропейцев [27],

а в случаях, интересующих нас, — с расселением ираноязычных племен [28].

Как уже отмечалось, появление черт, свидетельствующих о существовании культа коня, рассматривается исследователями как новая, собственно иранская особенность в материальной культуре. Можно считать достоверным, что всадничество в военных целях и распространение соответствующего конского снаряжения, хорошо засвидетельствованные в комплексах Южно-русских степей [29], Северного Азербайджана [30] и северо-западных областей Иранского плато [31], были связаны с продвижением ираноязычных племен [32].

Все сказанное позволяет утверждать, что конские погребения конца II — начала I тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе [33], в Закавказье [34], в частности в Азербайджане, а также в северо-западной части Иранского плато [35], фиксируют путь первых ираноязычных иммигрантов, шедших из Южно-русских степей в Переднюю Азию через Дагестан и Северный Азербайджан [36].

Чрезвычайно важно отметить, что в эпоху, когда в Южнорусских степях и некоторых районах Северного Кавказа уже хозяйничали подвижные коневодческие племена, а в Восточном Закавказье, в частности в Азербайджане, археологически документируется (а для Южно-русских степей, как уже упоминалось, и языковыми данными подтверждается) присутствие ираноязычных племен степной культуры, в северо-западных районах Иранского плато появляются конские захоронения, конская узда, изображения крылатого коня и т. п., что свидетельствует о появлении и здесь новых групп иммигрантов-коневодов и всадников [37] — носителей ираноязычного этноса, о чем определенно говорят данные клинописи [38]. В то же время ряд элементов инвентаря отражает особенно тесную связь упомянутых комплексов с Восточным Закавказьем, в частности с областью, занятой памятниками типа больших степных курганов [39]. Связи эти носили постоянный и в известной степени односторонний характер, позволяющий предполагать, что элементы культуры Закавказья постепенно просачивались в западные области Иранского плато [40].

О дальнейшей судьбе ираноязычного населения Восточного Закавказья, мы, к сожалению, ничего не знаем. Но почти несомненно, что часть этих племен продолжала жить на этой территории.

Возможность кавказского пути продвижения ираноязычного населения была обоснована в результате исследования исторических и лингвистических материалов [41]. Продвижение одной из групп ранних ираноязычных иммигрантов по указанному пути — продвижение, продолжавшееся в общей сложности несколько столетий и улавливаемое археологически [42], — очевидно, не исчерпывает ни форм, ни маршрутов таких передвижений. Но несомненно, что путь через Дербентский проход был освоен ираноязычными насельниками Южно-русских степей еще в конце II — начале I тысячелетия до н. э., а может быть, и несколько ранее [43].

В ряде авторитетных исследований совершенно справедливо указывается на то, что упомянутые на территории Иранского плато археологические комплексы, не обнаруживающие следов влияния со стороны Средней Азии [44], обладают характерными особенностями, позволяющими связывать их с культурами Закавказья и Армянского

Нагорья, а также с северокавказскими и Южно-русскими степными культурами.

Для нашей темы особо важно и то, что названные выше иранские комплексы прямо связаны с североазербайджанскими [45]. Наиболее четкие соответствия им обнаруживаются именно в материалах группы больших курганов эпохи поздней бронзы на территории Азербайджанской ССР [46].

Все сказанное, как нам кажется, не оставляет сомнения в том, что шедшие через Кавказский перешеек в Иран выходцы из Южно-русских степей — это ранние иранцы, возможно, племена — носители западно-иранских диалектов [47], представители которых, быть может, засвидетельствованы на известном барельефе Ашшурнасирапа II [48].

О кавказском пути ранних иранцев кроме всего прочего свидетельствуют также и данные о распространении всадничества в направлении от Кавказа и Армянского нагорья в сторону Загросских гор [49], что по времени в общем совпадает с проникновением в эти области ираноязычных племен, подтверждающимся другими, независимыми данными [50].

Возможно, конечно, что другие группы ираноязычных племен шли в Иран и по обе стороны Каспия, расселяясь с близких территорий примерно в одно время — в пределах второй половины II тысячелетия до н. э. [51].

Таким образом, археологические данные вкупе с данными клинописи указывают на появление новых элементов культуры и их носителей — ираноязычных племен — и в областях к югу от Аракса в конце II и в начальные века I тысячелетия до н. э.

Этноязыковая ситуация в западных областях Иранского нагорья, в частности в Южном Азербайджане, в начальные столетия I тысячелетия до н. э. выглядит приблизительно так. Кутии, очевидно, в основном сходят с исторической арены и начинают смешиваться с другими племенами [52]. Источники сообщают о мекранском языке, ближе неизвестном [53]. Упоминается страна Сипирмена, обитатели которой «бормочут как женщины» [54]. Неиранская по языку, скорее хуррито-луллубейская зона Приурмийского бассейна, где существует несколько крупных и значительное количество мелких объединений, была почти со всех сторон окружена ираноязычными племенами [55], в отдельных случаях постепенно проникавшими в местную этническую среду [56].

Появление новых мигрантов в областях Иранского плато заметно в быту, хозяйственной жизни, особенно — в погребальных обрядах, в культах и т. д. Именно ираноязычные племена принесли в области Южного Азербайджана новые религиозные учения, элементами которых были огнепоклонство, маздензм, дуализм и т. д., отразившиеся позднее в зороастризме, священной книгой которого являлась Авеста. Мигранты — подвижные коневодческие племена — приносили в новые места обитания своего сложившиеся специфические навыки в быту, места обитания своего сложившиеся специфические навыки в быту, новое оружие, одеяние, конский убор и только им свойственные погребальные обряды. Явственно заметны черты в материальной культуре — стиле, технике изготовления керамических и металлических изделий. Эти черты хорошо наблюдаются в памятниках искусства [57].

Вырабатываются новые формы хозяйствования. Особенно наглядны изменения в военном деле, в котором широко стала применяться верховая езда, новый комплекс оружия. Об облике новых пришельцев говорят, как нам кажется, ассирийские барельефы.

Удельный вес ираноязычного элемента в области Южного Азербайджана и на смежных территориях уже в самом начале I тысячелетия до н. э. был довольно значительным. Уже с первых десятилетий своего пребывания здесь они начинают играть немалую роль в социальной, политической и культурной жизни районов, где протекала их жизнь и деятельность, где они трудились и воевали.

Данные ономастики со всей очевидностью свидетельствуют о широком расселении в северо-западных областях Ирана в указанное время групп ираноязычного населения [58]. В клинописи встречаются десятки наименований областей и имен, таких как Bit-Bagaia, Anizštan, Bit-Ramati, Artasari, Pirišati Asrabara, Satarpanu, Mašdal (a)—ukku, Bagparna и др.—с прозрачной иранской этимологией. На интересующей нас территории известно немало ярко выраженных иранских социальных, религиозных, культурно-исторических терминов, например: farnah-, mazda, s(y) ati-, arta-, xsara, бага и др. В числе ираноязычных мигрантов, шедших в ту пору в области Иранского плато, могут быть названы mađal (мидяне), parsua (персы), zikertu (позднее сагартийцы) и др.

С приходом ираноязычных племен в областях Иранского нагорья, в частности, на территории Азербайджана, постепенно начинают вырабатываться новые формы хозяйствования, содержащие тенденции, благодаря которым несколько позднее среди части ираноязычных (возможно, и неираноязычных) племен возникает кочевое скотоводство.

Ираноязычные племена вступали в различного рода отношения с населением областей, где они распространялись. Отношения эти бывали, по-видимому, как враждебными, так и мирными. Несомненно аборигены и иммигранты влияли друг на друга, учились друг у друга, взаимно обогащались. Следует отметить, что в экономическом, культурном и социально-политическом отношениях ираноязычные племена, очевидно, не намного отставали от автохтонов, а в некоторых отношениях и превосходили их [59].

Относительно быстрому распространению иранских диалектов среди местного населения западных областей Иранского плато, что в конечном счете привело к коренным изменениям в этнической картине края [60], способствовал ряд обстоятельств. Прежде всего это особое положение мигрирующих ираноязычных племенных групп, являвшихся коневодами-всадниками. Нельзя забывать и о том, что в ту пору население северо-западных частей Иранского плато не являлось единой языковой общности, а состояли из отдельных племен и племенных групп в экономическом, политическом, нередко и в культурном отношении малосвязанных, а то и вовсе не связанных между собой. Они говорили на различных языках, мало понятных или совсем непонятных друг другу. Только для части населения, а именно для той, которая входила в Маннейское государство, охватывавшее временами более или менее значительные территории Приурмийского бассейна, заметны признаки некоторой этнической консолидации [61].

Следует, однако, отметить, что в начале I тысячелетия до н. э. в Южном Азербайджане и в смежных областях все еще достаточно широко были распространены местные группы населения, не утратившие своего этнического облика. В целом ряде случаев местные этнические группы, создавшие первые на этих территориях государственные образования, оставались политически ведущими [62]. Длительное сосуществование местных и пришлых этнических элементов в общем и целом сопровождалось ассимиляцией групп автохтонов ираноязычным населением. В некоторых районах она осуществлялась рано, но в целом, процессы ассимиляции местных групп населения были сложными и длительными [63].

Общий рост общественного и культурного уровня аборигенов земель, расположенных к югу от Аракса, по-видимому, вел к необходимости восприятия общепонятного языка. Местные языки не имели шансов устоять в конкуренции с языками скотоводов, распространенными на широких пространствах в более или менее единообразных формах [64].

Распространение в начале I тысячелетия до н. э. в северо-западных областях Иранского плато иранской речи сопровождалось коренными изменениями и других основных черт культуры населения этого региона, что в конечном счете вело к возникновению здесь новых, ираноязычных племен и народностей. Эти изменения заметны в быту, семейном праве, хозяйственной жизни, военном деле, религии, в какой-то мере в социальной структуре, политических институтах и т. д. Особенно наглядны изменения в военном деле, выразившиеся в увеличении роли конных воинов. Следует отметить, что эти явления представляли собою развитие соответствующих черт, свойственных ираноязычным племенам и ранее, и восходили к арийской, а нередко, и к индоевропейской эпохе [65]. Они засвидетельствованы у родственных иранцам других индоевропейских народов — греков, римлян, кельтов, славян и др. [66].

Постепенная языковая, а затем и культурная ассимиляция больших групп аборигенов вела к этнизации их, а в конечном счете к этнической ассимиляции. Случаи, когда смена языка ведет к сравнительно быстрой (нередко во втором или в третьем поколении) смене этнической принадлежности группы людей, т. е. к ее ассимиляции — явления довольно частые [67]. Так, например, было в Индии, где пришлые индоарийские племена уже во второй половине II тысячелетия до н. э., быть может, и раньше ассимилировали значительную часть древнего населения северной и центральной части субконтинента. Так случилось в Средней Азии, где в эпоху раннего средневековья почти все древнее ираноязычное население (за исключением предков таджиков) было ассимилировано пришлыми тюркоязычными племенами. Еще в древности была иранизирована значительная часть населения Афганистана. Древнее население значительных территорий позднелатинской Европы (Испании, Португалии, Галлии, Мезо-Даккийских областей) подверглось романизации. В эпоху раннего средневековья было в основном германизировано население Британии, которое стало говорить на одном из германских диалектов. Начавшаяся в XI веке норманизация Британии чуть было не привела к победе нового языка — французского, который был вытеснен только в XIV веке. Мы

знаем примеры, когда на протяжении известных нам только по письменным источникам периодов в истории тех или иных, зачастую довольно обширных областей, население несколько раз меняло язык. По крайней мере трижды на протяжении последних четырех тысячелетий менялся этноязыковой облик Малой Азии, население которой в эпоху средних веков стало говорить уже на новом, принесенном турецкими завоевателями языке. Сменили свой этноязыковой облик население обширнейших областей восточной части Советского Союза, Америки и т. д. То же самое случилось с древним населением Египта, создателями одной из древнейших цивилизаций планеты. Таких примеров можно привести великое множество.

У нас нет серьезных оснований думать, что процесс ассимиляции аборигенов интересующего нас края был насильственным. Этот процесс, насколько мы знаем из свидетельств археологических материалов, а также данных письменных источников, не сопровождался как тактизмами, грандиозными разрушениями, насилием, массовыми истреблениями аборигенов и т. д. Скорее всего он являл собою естественную ассимиляцию, на прогрессивное значение которой указывал В. И. Ленин [68]. Иранский язык (точнее, близкородственные наречия северо-западной иранской группы) как язык распространенный, и притом распространенный в более или менее единообразных формах на обширнейших пространствах, начиная от Аракса и Урмии и кончая современной Туркменией [69], становился языком межобщинных, межплеменных коммуникаций [70]. Таким образом, этот язык в тех социально-политических условиях оказался более общественно значимым, чем относительно многочисленные и взаимно непонятные местные языки. Значение этого явления трудно переоценить. При этом следует отметить, что формы хозяйствования, социальные, политические и другие институты, принесенные иммигрантами, в отдельных случаях оказались более прогрессивными, чем те, которые господствовали среди аборигенов. В других случаях, несомненно, более развитыми оказывались общественные формы древнего земледельческого населения, но оно, не имея единого общепонятного языка, также должно было пользоваться наречиями ираноязычных племен для целей межобщинных и межплеменных отношений.

Очевидно, во второй четверти I тысячелетия до н. э. значительная часть областей Западного Ирана, в частности и Южного Азербайджана, уже подверглась иранизации. Сложившиеся в ту эпоху ираноязычные народности по большей части состояли из потомков деэтнизированного и ассимилированного автохтонного населения. Они не только усвоили материальную культуру и хозяйственные достижения аборигенов, но в определенной мере унаследовали также и их антропологические типы [71].

По-видимому, решающую роль в более или менее полной иранизации западно-иранского региона сыграло завоевание мидянами Манны, положившее конец существованию самостоятельной государственности у местных племен почти на три столетия. Общеизвестно, что государство с момента своего возникновения выступает в качестве важнейшего фактора в этнических процессах [72].

Предполагается, что уже в предахеменидскую пору мидяне и ряд других этнических групп слились по преимуществу с мидянами. Во

всяком случае, уже в раннеантичное время от многих местных племен почти не оставалось и следа. В середине и во второй половине I тысячелетия до н. э. на интересующей нас территории, за исключением отдельных небольших, так сказать, островков, засвидетельствовано в основном ираноязычное население.

В восточно-кавказском регионе—в зоне Северного Азербайджана процесс иранизации был частичным: более или менее полной иранизации подверглись только северо-западные районы современной Азербайджанской ССР (районы поздних Камбисены и Сакасны). Трудно сказать, к какому времени относится проникновение ираноязычных элементов в прикаспийскую полосу. Закавказья — области позднеантичного и раннесредневекового Маскутского царства.

Иранизация населения Западного Ирана и упомянутых выше районов Восточного Закавказья протекала по-разному, но сам процесс этот в обоих регионах был тесно связан и явился следствием перемещения родственных групп населения в конце II—начале I тысячелетия до н. э.

Ираноязычные племена, вышедшие из восточно-европейских степей, заселили большие пространства Переднеазиатского Востока и некоторых смежных областей и создали там вместе со слившимися с ними аборигенами этих земель свои исторические цивилизации. В то же время ираноязычные племена внесли заметный вклад и в культуру многих народов Советского Союза.

Таким образом, благодаря приходу на территорию северо-западных областей Иранского плато ираноязычного населения в конце II—начале I тыс. до н. э. уже к середине I тысячелетия до н. э. регион этот в основном сменил свой этнокультурный облик и был в значительной степени иранизирован. Иранское нагорье превратилось в новую метрополию ираноязычных племен.

Заключая все сказанное выше, необходимо отметить, что через пришедшие на территорию Южного Азербайджана ираноязычные племена, ассимилировавшие местное население края, последнее, так сказать, обретает родство с иранцами, индусами, германцами, славянами и другими племенами и народами индоевропейского мира. Именно вследствие сказанного аборигены заараксинских земель стали также и наследниками иранской культуры, имея право на этот богатый мир, на эпос, Авесту, учение зороастризма и многое другое.

Примечания

¹ См.: Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. — М., 1970, с. 38, сл.; 278; 363, сл.; Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. — М., 1977, с. 136—137; Она же. К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в докифскую эпоху. СА, 1977, № 2; Muscarella O. W. Excavation at Dinkha-Tepe. The Metropolitan Museum of Art. Bulletin, November, 1968.

² О коневодческом характере культуры мигрирующих иранцев, о соседничестве среди этих племен см.: Ghirshman R. Persia from origins to Alexander the Great. London, 1964, с. 4, сл.; Sulimirski T. Scythian Antiquities in Western Asia. Art. Asia, 1954, XVII; Грантовский Э. А. Ранняя история..., с. 278—279; Алиев Ибраг, Погребова М. Н. Об этнических процессах в областях Восточного Закавказья и Западного Ирана в конце II—начале I тыс. до н. э. — Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981, с. 131.

³ См.: Ghirshman R. Указ. соч., с. 4, сл.; Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культура коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. — М., 1977, с. 28, сл.

⁴ Об этом см. в упомянутой работе Э. А. Грантовского. См. также: Алиев Иггар, Погребова М. Н. Указ. соч., с. 130.

⁵ По этим вопросам существует довольно большая специальная литература.

⁶ См. об этом у Э. А. Грантовского. Ранняя история... с. 336—337 и др.

⁷ В статье нет никакой возможности сослаться на огромную литературу.

⁸ Родину ираноязычных племен помещали в Южно-русских степях еще ученые прошлого столетия. Schrader O. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Jena, 1883.

См. также Die Irdogermanen

того же автора (Leipzig, 1935); Schrader O.—Nehring A. RIA, 1919 (под словом Urheimat); Specht F. Zur Geschichte der Verbalklasse auf -e. KZ. 64, 1934; Порциг В. Членение индоевропейской языковой общности. — М., 1964; Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. — М., 1965; Он же. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. Древний Восток и античный мир. — М., 1972; Грантовский Э. А. Указ. соч.

⁹ См.: Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. — М., 1958, с. 239. См. также прим. 8. Ср. Гамкрелидзе Г. Б., Иванов В. В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. ВДИ, 1980, 3, с. 3, сл.; Они же. Миграции племен-носителей индоевропейских диалектов. ВДИ, 1981, 2, с. 11, сл.; Они же. Индоевропейский язык и индоевропейцы. I—II. — Тбилиси, 1984; См. также: Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. ВДИ, 1982, 3—4. См. ответную статью Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова в ВДИ, 1984, 2.

¹⁰ Ср. аргументы, приводимые специалистами, начиная с О. Шрадера.

¹¹ Эта точка зрения хорошо обоснована в цитированных выше работах В. И. Абаева.

¹² См.: Грантовский Э. А. Ранняя история... с. 276, сл.; Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев, с. 118—120; Алиев И., Погребова М. Н. Об этнических процессах... с. 127—128.

¹³ См.: Грантовский Э. А. Ранняя история... с. 276, сл.

¹⁴ См.: Погребова М. Н. К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху. СА, 1977, 2; Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев... с. 119—120; Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. — М., 1981.

¹⁵ См.: Грантовский Э. А. Ранняя история... с. 276—279; Алиев Иггар. Рец. на кн.: Э. А. Грантовский. Ранняя история... ВДИ, 1973, 3; Алиев Иггар, Погребова М. Н. Об этнических процессах... с. 127—128.

¹⁶ См.: Алиев Иггар, Погребова М. Н. Об этнических процессах, с. 128.

¹⁷ См.: Погребова М. Н. Иран и Закавказье в конце II тысячелетия до н. э. — Искусство и археология Ирана. М., 1971, с. 252, сл.

¹⁸ Это хорошо показала М. Н. Погребова.

¹⁹ После классических работ В. И. Абаева это положение не вызывает сомнений.

²⁰ О всадничестве и конских погребениях в областях Восточной Европы кроме упомянутой выше работы Е. Е. Кузьминой (в сборнике «Средняя Азия в древности и средневековье») см. также: Смирнов К. Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. — СА, 1957, XXVII; Он же. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. — СА, 1961, I; Конские погребения хорошо известны на территории Грузии (см.: Ниорадзе Г. К. Земо-Авчалское погребение. — ВМГ, 1931, VI; Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. — Тбилиси, 1941; с. 47) и Азербайджане, в частности, в зоне Степных курганов, в Мингечауре, Нахичевани и т. д.

²¹ Это хорошо показано Э. А. Грантовским, см. также нашу рецензию: ВДИ, 1973, 3; с. 176.

²² См. упомянутые выше работы М. Н. Погребовой, в которых рассмотрены эти вопросы.

²³ Это блестяще показано в указанной работе Е. Е. Кузьминой, см.: Сборник «Средняя Азия в древности и средневековье».

²⁴ См. в указанных работах В. И. Абаева.

²⁵ См. цитированные работы В. И. Абаева.

²⁶ Это установлено благодаря первоклассным работам В. И. Абаева.

²⁷ Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства... с. 31.

²⁸ Там же, с. 34, 35; Алиев Иггар, Погребова М. Н. Об этнических процессах... с. 128.

²⁹ Алиев Иггар, Погребова М. Н. Об этнических процессах... с. 128.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Кузьмина Е. Е. Навершие со всадниками из Дагестана. СА, 1973, 2.

³⁴ Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. — М., 1977, с. 114, сл.

³⁵ Там же.

³⁶ Кузьмина Е. Е. Ук. раб., с. 187; Ghirshman R. Persia from Origins... с. 26, сл. 41, сл. и др.

³⁷ См.: Грантовский Э. А. Ранняя история...; Алиев Иггар. Рец. на кн.: Грантовский Э. А. Ранняя история... с. 176; Иггар Алиев, Погребова М. Н. Об этнических процессах... с. 130.

³⁸ В частности, онамастические материалы.

³⁹ Алиев Иггар, Погребова М. Н. Об этнических процессах... с. 130; Погребова М. Н. К вопросу о миграции... с. 66—68.

⁴⁰ Алиев Иггар, Погребова М. Н. Об этнических процессах... с. 130.

⁴¹ Там же, с. 128.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Грантовский Э. А. Ранняя история... с. 369.

⁴⁵ Погребова М. Н. Ук. соч. Искусство и археология Ирана, с. 255, сл. Ср.: Она же. К вопросу о связях Восточного Закавказья и Ирана в конце II—начале I тыс. до н. э. История иранского государства и культуры. — М., 1971, с. 198, сл.

⁴⁶ Погребова М. Н. Ук. соч. Искусство и археология Ирана, с. 257. Грантовский Э. А. Ранняя история.

⁴⁷ Hauschild R. Über die frühesten Arier im Alten Orient. Berlin, 1962;

⁴⁸ Sulimirski T. (указ. соч.) считает их скифами, что, конечно, невозможно.

⁴⁹ См.: Грантовский Э. А. Ранняя история... с. 295; Т. Weisner. Fahren und Reiten in Alteuropa und im Alten Orient. AO 38, 1938. О кавказском пути проникновения ранних иранцев см. F. W. König. Alte Geschichte der Meder und Perser. Leipzig, 1934; R. Ghirshman. Persia from Origins...; Hauschild R. Über die frühesten Arier...; Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. — М., 1964. См. также цит. выше работы В. И. Абаева, Э. А. Грантовского, Иггара Алиева, М. Н. Погребовой, Е. А. Кузьминой и др.

⁵⁰ Это хорошо показал Э. А. Грантовский.

⁵¹ История Ирана. — М., 1977, с. 37.

⁵² Алиев Иггар, Погребова М. Н. Об этнических процессах... с. 130.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. — М., 1980, с. 67, сл.

⁵⁸ См.: Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен.

⁵⁹ Там же, с. 377.

⁶⁰ См. там же, «Заключение», с. 377, сл.

⁶¹ Алиев Иггар. История Мидии, с. 202.

⁶² Это неоднократно отмечалось в наших исследованиях.

⁶³ История Ирана, с. 38.

⁶⁴ См.: Алиев Иггар, Погребова М. Н. Об этнических процессах... с. 131.

⁶⁵ По этому вопросу существует солидная литература. См. в частности: Алиев Иггар, Погребова М. Н. Об этнических процессах, с. 131.

⁶⁶ См. исследования Э. А. Грантовского, Е. Е. Кузьминой и др.

⁶⁷ См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М., 1973, с. 54.

⁶⁸ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 125, 128.

⁶⁹ Алиев Иггар, Погребова М. Н. Об этнических процессах... с. 131.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ История Ирана. М., 1977, с. 38.

⁷² См.: Бромлей Ю. В. Указ. соч., с. 171.

ЈЕНИ ЕРАДАН ЭВВЭЛ I МИНИЛЛИЈИН ЭВВЭЛИ, II МИНИЛЛИЈИН СОНУНДА ИРАНДИЛЛИ ТАЈФАЛАРЫН АЗЭРБАЈЧАН ЭРАЗИСИНЭ КЭЛМƏСИ

II Дəмир əсри (1000—800-чү иллəр) дəјилən дəврдə Иран јайласынын шимал-гəрб вилайəтлəринə өзлəрилə јени дəфи мəрасимлəри, ата пəрəстини, јени идеоложи тəсəввүрлəр вə с. кəтирмини јени атны вə сувари мұһачир группарынын кəлмəси археоложи чə-хəтдən шүбһə доғурмүр. Синхрон Ассури мəнбəлəриндə гəлмыш ономастик материалларын вə бир сыра спесифик терминлəрин тəһлили сүбүт едир ки, ады чəкилən мұһачир группары Иран этносуну өзлəриндə дашыјанлардыр.

Чəнууби Азəрбајчан вилайəтлəриндə вə она гоншу əразилəрдə Ирандилли үнсүрүн хүсуси чəкиси артыг I миниллијин лап əввəлиндən хејли əһəмијјəт кəсб едир. Көрүнүр, ерамыза гəдəрки I миниллијин орталарында бу вилайəтти əһалиси ичəрисиндə иран-лашма просеси əсасən баша чатмышдыр.

В. Г. ГАДЖИЕВ

АДАТЫ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (опыт источниковедческого анализа)

Научная значимость адатов северокавказских горцев общепризнана и достаточно полно объяснена. При крайней скудости или даже отсутствии у ряда народов региона сколько-нибудь надежных письменных источников сборники адатов приобретают особую ценность, являясь едва ли не основным источником для изучения уровня социально-экономического развития, политического устройства феодальных владений и союзов сельских общин Северного Кавказа [1, 12].

В распоряжении кавказоведов имеются два условно нами делимых вида сборников адатов: памятники обычного права Дагестана, дошедшие до нас в записях XVIII—XIX вв. [2], и сборники адатов, собранных кавказской администрацией в 40—60 гг. прошлого столетия и изданных в конце XIX и XX вв. Известно, что адаты Северного Кавказа издавна привлекали внимание отечественных и зарубежных авторов, и все же приоритет в научном их изучении принадлежит русской историко-этнографической науке. Бесспорно, наиболее значительным исследованием, посвященным изучению адатов в дореволюционное время, был капитальный труд выдающегося русского ученого М. М. Ковалевского [3]. Значительную работу в этом направлении сделали и советские кавказоведы [4].

Однако до сих пор не исследованы принципы и цели составления и издания сборников адатов. Еще не сделана даже попытка датировки адатно-правовых норм, не определен точно и регион их действия. Ясно, что глубокое изучение этих и других «первоочередных» вопросов является насущной задачей советского кавказоведения. К. Маркс указывал: «Не только результат, но и ведущий к нему путь должен быть истинным» [5, 7]. Поставленные вопросы и составляют основу настоящей статьи. Остается сказать, что мы не коснемся памятников обычного права, дошедших до нас в записях XVIII—XIX вв. Источниковедческому анализу их посвящена наша специальная статья. В ней убедительно показано, что не правы те исследователи, которые считают, что эти «адаты знакомят нас с обычным правом Дагестана в чистом виде» [6, 234].

Установлено, что обычное право возникло в глубокой древности. Однако при своем формировании обычай — еще не правовая норма. Лишь на определенной, «...весьма ранней ступени развития общества, — указывал Ф. Энгельс, — возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям обмена. Это правило, вначале выражающееся в обычае, становится затем *законом*» [7,

272]. Причем, возникнув в глубокой древности, нормы обычного права не оставались неизменными. Напротив, в связи с глубокими социально-политическими переменами в обществе, одни нормы отменялись, другие видоизменялись, третьи возникали заново. «Но при этом, — как подчеркивал К. Маркс, — право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [8, 19].

Большинство авторов склонны считать, что адатно-правовые нормы возникли путем *маслаата* (араб. *маслахат* — мировое добровольное соглашение между членами данного общества). «Главным органом образования адата кавказских горцев, — писал А. К. Леонтович, — являлось третейство, мировой суд посредников». И далее, мировое разбирательство дел, «пронсходящих от несогласия между членами общества», служило преобладающим источником горского адата. При этом адатно-правовая норма через *маслаат* могла возникнуть в любое время» [9, 7]. Разбор дел, по которым не было адатов, — сообщает А. В. Комаров, — разрешали по своему разумению *карты* (сельские судьи). Но если же *карты* встречали затруднение в решении сложных дел и сами не в состоянии оказывались принять определенное решение, они обращались в соседние села или даже в другие владения к более авторитетным судьям.

М. М. Ковалевский полагал, что обычное право горцев подвергалось сильному влиянию иранского, греко-римского, византийского, грузинского, арабского, гуннского, хазарского, монголо-татарского, турецкого прав других народов [10, 132]. Однако, говоря о внешних влияниях на адаты горцев, следует иметь в виду, что М. М. Ковалевский «нередко относил к тому или иному влиянию явление, широко распространенное, свойственное многим самым различным культурам, в частности самым различным системам обычного права и объясняемое не из внешних явлений, а из тех одинаковых оснований, которые данное идеологическое явление обуславливают» [11, 24]. Думается, нет надобности доказывать, что горские адатно-правовые нормы возникли на местной социальной почве. Нет также необходимости убеждать и в том, что на протяжении многовековой истории на горские адаты известное влияние оказывало и право других народов. Несомненно и то, что ряд адатно-правовых норм возник под непосредственным влиянием шариата, сформировавшегося в VII—XII вв. на основе обычного права Аравийского полуострова и стран Ближнего и Среднего Востока [12, 4]. Само собой понятно, что точное определение степени «внешнего» влияния на горские адаты возможно после специального исследования проблемы. Сейчас же определенно можно сказать, что источники образования северокавказских адатно-правовых норм многообразны. Это и устоявшийся обычай, превратившийся со временем в правовую норму, и решения сельского схода и сельских старшин, плебисцит и прецедент (бытовой, хозяйственный), заимствованная у соседних народов норма и т. д. К тому же, как уже отмечалось, адатно-правовые нормы находились в движении.

Из всего сказанного следует вывод: сборники адатов состоят из разновременных пластов, множества вставок, глосс, извращений, внесенных постепенно по мере развития правовых порядков заинтересованными лицами. Вот почему выделение хронологических пластов и определение территориальных параметров, выяснение причин вне-

сения позднейших изменений в нормы адатов является одной из первейших задач, стоящих перед источникововедами Кавказа. Очень важно также уяснить, насколько точно применялась на практике та или иная норма адатов. Общеизвестно ведь, что в классовых обществах правовые нормы обычно формируются и фиксируются в идеалистическом свете, отражая реальные общественные отношения искаженными, как бы преломленными через призму правовых взглядов времени. Провозглашаемые в них справедливость и принципы сословно-классового равенства перед законом являются фикцией. На практике эти нормы, как правило, толковались в нужном для господствующих сословий свете. В. И. Ленин учит, что само деление общества «сопровождалось установлением особого юридического места в государстве для каждого класса» [13, 311]. Все это говорит о том, что, рассматривая адаты под углом зрения регулятора общественных отношений, необходимо всемерно пытаться раскрыть их роль как опоры господствующего строя, защитника интересов феодальных сословий. И не случайно ведь, феодальные сословия горой стояли за адаты, готовы были пожертвовать многим, но не адатами. По известным причинам и кавказская администрация была заинтересована в сохранении адатов, естественно, не всех, а тех, которые соответствовали бы установкам правительства. «Самое же обширное применение судопроизводство по адату, — свидетельствует А. В. Комаров, — получило при образовании управления Дагестанской области в 1860 г.» [14, 11]. Еще в первой четверти XIX в. по личному указанию «проконсула Кавказа» А. П. Ермолова велась работа по сбору сведений о кабардинских народных обычаях [15]. Однако со вступлением в управление Кавказом ген. И. Ф. Паскевича, кардинально изменилось отношение к сбору сведений по обычному праву и организации судов на Кавказе. Он предложил Николаю I ввести в Закавказье русские законы и русские суды. Однако правительственные инстанции высказывались против проекта И. Ф. Паскевича. Эту идею поддержал сменивший его в 1831 г. на посту главнокомандующего ген. Розен. Однако в 1840 г. дело это приобрело неожиданный поворот. Сенатор П. В. Ган, побывавший на Кавказе с ревизией, создал новый проект административного управления Кавказа. На основании этого проекта 10 апреля 1840 г. было принято «Положение», согласно которому Кавказ всецело подчинялся русским гражданским и уголовным законам. Вскоре, однако, это не имеющее под собой реальной почвы предприятие с треском провалилось. В 1842 г. «Положение» 1840 г. было отменено [16].

Поскольку «не удалось ввести среди горцев российские узаконения», надобно было изыскивать иные способы управления и допускать разбор дел между ними по древним обычаям и законам их [17]. В связи с этим для разбора правовых институтов горских народов решено было рассмотреть их адатно-правовые нормы. При этом инициативу практического осуществления сбора адатов на этот раз взяла на себя канцелярия по управлению мирными горцами Кавказской линии и Черноморья, находящаяся в г. Ставрополе. В 1842 г. правитель этой канцелярии подполк. Д. С. Бибилов трижды обращал внимание командующего на Кавказской линии ген. Е. А. Головина на необходимость изучения адата и шариата, поскольку по их нормам

разбираются дела в горских судах. Им же была составлена программа сбора адатов [18, 341]. Причем предусматривалось перевести на русский язык собранные адаты и используемые горцами нормы шарната [19, 341]. Для перевода и комментирования шарната решено было вызвать на линию «находящегося в Кавказском горском полку эскадрона аксаевского эфендия Юсупа Клычева», весьма преданного правительству и хорошо знающего арабский язык. Для сбора адатов предполагалось привлечь «на правом фланге флигель-адъютанта полк. Хан-Гирея, подполк. Магомед-Гирея Педисова, ген.-м. Азамат-Гирея, майора Казим-Гирея и князя Магомат-Гирея Лоова, В центре линии, включая и Малую Кабарду, султана штаб-ротмистра Аслан-Гирея, майора Я. Шарданова и штабс-кап. Шора-Мурзина Ногмова, в обществах, находящихся в ведомстве владикавказского коменданта: поруч. кн. Дударова, прапор. Еснева, и на левом фланге: гвардии штабс-ротмистра кн. Хасая Уцмиева, штабс-кап. Давлет-Мирзу Шихалиева, кап. Касима Курумова и кадиев Юсуфа Клычева и Мустафу Магомед Казиева» [20]. Словом, сбор доверялся выходцам из высших сословий Северного Кавказа, представителям нарождающейся горской интеллигенции, часть из которых, как стало впоследствии известно, придерживалась просветительских взглядов [21].

Для сбора сведений была составлена и специальная программа: 1. Разделение каждого общества или племени отдельно на сословия, включая и крепостной класс людей; 2. Права и обязанности каждого класса по отношению одного сословия к другому, включая и духовенство; 3. Какие дела и преступления в каждом обществе должны быть рассматриваемы адатом; 4. Общие обряды суда по обычаям или адату; 5. Права и обязанности каждого сословия; 6. Наследственное право всех сословий; 7. Раздел имений; 8. Обряд духовных завещаний и исполнение по ним. 9. Отношение детей к родителям и их права на первых; 10. Взаимное отношение мужа к жене и обратно; 11. Мера наказания за неповиновение князьям и узденям. 12. «...Мера наказания за преступление всякого рода [22]. На первый взгляд программа как будто бы охватывает довольно широкий круг вопросов. На самом же деле она была «недостаточно полной, конкретной и четкой» [23, 18]. Правда, впоследствии программа была дополнена новыми требованиями: о величине калыма, о размерах штрафов, налагаемых за преступление, нанесения увечий и другого рода обид, прелюбодеяние, насилие, воровство, о зависимых сословиях крестьян, о старшинах, князьях и других сословиях [24]. При достаточном внимании к сословно-классовому строю, все же в программе оказался обойденным вопрос о дифференциации лично свободных узденей, о структуре и роли старшин в *джамаате* и т. п. Естественно, что недостатки программы не могли не сказаться на конечных результатах мероприятия в целом. Можно не сомневаться и в том, что если бы даже ее авторы составили лучший вариант программы, то и тогда она оказалась бы, в целом, неудачной. Хотя бы потому, что любая программа, ограниченная определенными рамками, предопределяет выборочность сбора.

Однако в сборе 7, составленных в 40-е годы XIX в. сборниках никто из вышеуказанных лиц, за исключением майора Я. Шартанова, не принимал участия.

Адаты адыгов бывшей Черноморской линии составлены смотрителем Екатеринодарского училища (бывшим судьей Екатеринодарского окружного суда), войсковым старшиной А. А. Кучеровым на основании показаний «старшин черкесских аулов». Представляя этот сборник командующему Черноморской линии, ген.-м. Рашпиль 30 мая 1845 г. писал: «Сведения эти проверены мною последствием личных распросов с более сведущими старшинами мирных аулов и найдены вполне удовлетворительными» [25].

Адаты адыгов Кубанской области составлены бароном Сталем. Сборники «Полное собрание кабардинских древних обрядов», «Адаты балкарцев и карачаевцев», а также «Древние адаты Дигорского общества» Северной Осетии составлены ротмистром Н. И. Давыдовским и майором Я. Шартановым. «Сборник сведений об адате и суде по обычаям кавказских горцев Владикавказского округа Осетинских обществ Тагаурского, Куртатинского и Алагирского» в 1844 г. составлен кап. Норденстренгом. «Описание гражданского быта чеченцев с объяснением адатного их права и нового управления, введенного Шамилем» в 1843 г. составлен капитаном В. И. Голенищевым-Кутузовым. «Описание гражданского быта кумыков» составил ротмистр кн. Лобанов-Ростовский. В 80-х годах XIX в. эти сборники вместе с другими адатами, собранными позже (о них речь ниже) секретарем Ставропольского статистического комитета Н. В. Бетковским, были преподнесены в дар Новороссийскому (ныне Одесский) университету. Позже без всяких изменений их опубликовал профессор этого университета Ф. И. Леонтович [26].

Кроме того, в 1847 г. кап. Ольшевским был составлен сводный текст «Об адате и о правах и обычаях племен, обитающих на Северной покатости Кавказского хребта» [27]. В семи главах сборника кроме определения «адата и шарната» и правил, подлежащих разбору по адатам, их применению, а также сведений «об образовании правления» и о правах князей, старшин, узденей, духовенства и «простого народа» были сжато изложены нормы уголовного и частично наследственного права. Однако этот свод, задуманный «в качестве практически действующего кодекса, подлежащего применению в делах управления и в суде, в таком качестве, насколько известно, никогда не применялся и при той казуистичности, которая свойственна обычному праву, вряд ли мог применяться» [28].

Из сказанного видно, что сборники адатов были составлены офицерами Кавказской армии, а их информаторы являлись представителями господствующих верхов горского общества. В этой связи следует напомнить, что нередко старшины-информаторы неохотно делились имеющимися сведениями, и скрывали или даже преднамеренно искажали сообщаемые данные. На это обстоятельство указывают и представители Кавказской администрации. Составителю сборника Кучерову, писал ген.-м. Рашпиль, приходилось «заводить знакомство с почетными черкесами, принимать и посещать их... вызывать их на откровенность и общительность» [29]. Допустимо, что «почетные черкесы», узнав о целях сборов адатов и оценив обстановку, могли сообщить лишь те сведения, которые отвечали их интересам и, таким образом, сознательно искажали действительное положение вещей. К тому же полученные таким путем данные обра-

бывались составителями. В этом плане несомненный интерес представляет признание одного из составителей сборника кап. Ольшевского: «Судя по тем сведениям, которые получены от гг. частных начальников Кавказской линии и на которых мною основано большинство частью составление этого общего свода, я вполне убежден, что этот мой труд не полон, в особенности же по статьям о правах разных классов, на которые разделены горские племена, и о мерах наказания за разного рода преступления. Убежден также и в том, что все нравы и обычаи горцев описаны мною верно» [30]. Определить степень редакторской обработки возможно лишь путем сличения норм сборников с их первичными материалами. Однако источники веда Кавказа до сих пор не провели такую крайне необходимую для науки работу. К сожалению, первичные материалы отсутствуют и в делах, хранящихся в рукописном фонде Одесской научной библиотеки. Нет сведений о них и в литературе. Возможно, даже эти материалы безвозвратно утрачены. Думается, однако, не излишне обследовать фонды архивохранилищ Северного Кавказа и прежде всего г. Ставрополя. Для углубленного изучения сведений этих сборников и особенно для установления достоверности их необходимо в качестве контрольных данных использовать примыкающие к ним архивные и литературные данные, такие как: «Материалы Комиссии, учрежденной для разбирательства прав дигорских [31, 57—59] старшин и горного народа в гор. Нальчике 1849 г.», записка «Краткое военно-статистическое описание Чечни» кап. Нордстренга [32, 233—247]. «Кумыки, их нравы, обычаи и законы» М. Б. Лобанова-Ростовского [33], сочинения Хан-Гирея, Д. М. Сихалнева [34] и др. Кстати содержащиеся в этих работах материалы дают основание предполагать, что их авторы в какой-то мере использовали вышеуказанную программу или по крайней мере учитывали ставившиеся перед ними Кавказским командованием положения. Однако сборники адатов, о которых идет речь, хотя и представляют ценное для науки собрание, все же неполны. В них не достаёт подробных и точных сведений о правах различных сословий, прослойке господствующего класса и обязанностях различных категорий крестьян. Имеется и целый ряд других пробелов. Естественно, что все это требует критического подхода при использовании указанных сборников. И не случайно Кавказская администрация продолжила в 60-х годах XIX в. сбор адатов. В 1864 г. Главный штаб Кавказской армии потребовал от начальника Дагестанской области [35, 119—126], приступить к составлению сборников адатов, а уже в 1865—1866 гг. администрация Дагестанской и Терской областей подготовили 12 сборников адатов. Причем эти сборники были составлены под непосредственным наблюдением начальников округов. Они изданы в публикациях Ф. И. Леонтовича, И. Я. Сандрыгайло, Х. М. Хашаева, А. С. Омарова и др. И эти сборники были составлены с целью практического использования их в окружных судах и в областном «народном суде». Этим, пожалуй, объясняется и то, что сборники содержат в основном нормы уголовного, семейного и наследственного права. И наибольшее внимание в них уделено нормам кровной мести. В этих сборниках, за исключением сборника шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, где имеются интересные «установления между шамхальскими беками,

корциями, чанкайи и свободными жителями шамхальства», нет даже кратких сведений о сословно-классовом строе, их взаимоотношениях и многого другого, и в этом смысле эти сборники «значительнее уже сборников 1840-х годов» [36, 20]. Ближайшее знакомство с этими сборниками не оставляет сомнения в том, что и они составлены «выборным» путем, и поэтому большое число действовавших в то время адатно-правовых норм не нашло отражения в них. Этим, видимо, отчасти и объясняется то, что и после составления указанных сборников ученые обнаруживали, да и поныне находят большое количество адатов. Буквально в каждую поездку в горы исследователи выявляют новые адатно-правовые нормы, сохранившиеся не только в памяти старожилов, но и зафиксированные на отдельных листочках или на полях рукописных книг. Все эти нормы обычного права могут быть верно оценены и удачно использованы в научных исследованиях лишь исходя из основополагающего положения марксизма-ленинизма о том, что «правовые отношения, так же точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа», что, наоборот», они коренятся в материальных жизненных отношениях» [37, 6]. Однако в условиях так называемого «горского феодализма» адаты отражают социальную и сословную действительность в более завуалированной форме, чем права народов с развитыми феодальными отношениями. И это свойство горских адатов, не всегда «влюб» защищающих интересы господствующих сословий, очень часто сбивает с толку исследователей, особенно молодых. Чтобы избежать этого, необходимо рассматривать адатно-правовые нормы не только под углом зрения регулятора общественных отношений, но и стремиться раскрыть их роль как опоры господствующего класса. Таким образом, адаты народов Северного Кавказа все еще остаются проблемой, нуждающейся в дальнейшем и более углубленном изучении. Однако исследование этой проблемы может быть плодотворным лишь в том случае, если мы в своем распоряжении будем иметь надежные, отвечающие современным требованиям науки источники. А это значит, что наряду с активным продолжением выявления и сбора адатов необходимо подготовить научно-критические, хорошо комментированные тексты адатов.

Примечания

¹ Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений народов Северного Кавказа в XVIII—начале XIX в. — Советская этнография, 1960, № 5.

² Постановление кайтагского уцмийа Рустем-хана. Сборник сведений о Кавказских горах, 1860, вып. 1, с. 80—88 (Далее ССОКГ); Уцмиевы адаты. Из истории права народов Дагестана. — Махачкала, 1968; с. 185—196 (далее ИИПНД...); Кодекс Ума-хана Аварского. Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. — М., 1965, с. 261—269 (далее ПОПД...); Гидатлинские адаты. — Махачкала, 1957; Магомедов Р. М. Памятники истории и письменность даргинцев в XVII в. — Махачкала, 1964.

⁴ Алибеков М. Адаты кумыков. — Махачкала, 1927; Материалы по обычному праву кумыков. — Махачкала, 1956. ПОПД. —

⁴ Алибеков М. Адагы кумыков. — Махачкала, 1927; Материалы по истории права кабардинцев пер. пол. XIX в./Сост. В. К. Гарданов. — Нальчик, 1956; ПОПД. — М., 1968; — ИИОП. — Махачкала, 1963; Гарданов В. К. Указ. соч.; Магомедов Р. М. Адагы дагестанских горцев как исторический источник. — М., 1960.

Г. Дж. ДЖАБИЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГОНЧАРНОГО РЕМЕСЛА [1]

Археологические раскопки, этнографические наблюдения и исследования дают представление о появлении и территории распространения гончарного производства. Чем же можно объяснить широкое распространение этого промысла, который «возник давно»? [2, 216]. Приведенная ниже мысль В. И. Ленина является ответом на этот вопрос: «...техника самая простая, приспособления самые незначительные, производство дает предметы повсеместного и необходимого обихода» [3, 219—220]. И действительно, если сравнить гончарное производство с другими видами ремесла, например, с ювелирным или текстильным, то необходимо, во-первых, отметить, что технология его очень проста.

Во-вторых, для этого производства требуется, действительно, мало приспособлений. Несколько орудий труда и небольшие запасы сырья, которые легко можно добывать всюду, позволяют наладить производство керамических изделий.

Так, например, в Азербайджане нет такой зоны, где бы не было глины, пригодной для производства керамических изделий. Интересно, что по расчетам японских ученых, представляющих XXI век веком керамики, запасы глины на нашей планете, пригодные для гончарного производства, по своему богатству отстают только от запасов кислорода. Наконец, лица, занимающиеся этим ремеслом, изготавливают продукцию, которая нужна везде. Иными словами, на протяжении веков керамика служила для людей средством для жизни. Ведь даже тогда, когда люди могли обходиться без шелка, украшений, посуда была им необходима для бытовых и хозяйственных нужд. Нам кажется, это и является одной из главных причин более широкого по сравнению с другими ремеслами распространения производства керамических изделий.

На отдельных этапах исторического развития все виды ремесла, в том числе гончарное, имели свои, присущие только данному ремеслу формы. Однако, независимо от того, какая форма существовала в тот или иной исторический период «главную роль играла семейная форма производства» [4, 216]. Так обстояло дело и в средние века, когда этот вид ремесла был широко распространен, и в более поздний период, когда оно шло к упадку.

Например, из надписей на найденных образцах посуды становится ясно, что Азиз из Байлакана, его сын Али и внук (имя неизвестно) были гончарами [5, 70]. Точно такую же картину мы видим и в настоящее время. Это также подтверждается примером семей гончаров из села Кюсет Куткашенского района. Интересно, что там производством керамических изделий занимаются только отдельные семьи. Например, отец Сенда Балагадирова, которому уже

- ⁵ Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1.
⁶ Ковалевский М. М. Указ. соч., т. 1.
⁷ Энгельс Ф. К жилищному вопросу. — Маркс и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18.
⁸ Маркс К. Критика Готской программы. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 19.
⁹ Леонтович А. К. Адамы кавказских горцев. — Одесса, 1882, т. 1. (Далее—АКГ).
¹⁰ Ковалевский М. М. Указ. соч., т. 1.
¹¹ Косвен М. О. Ковалевский как этнограф-кавказовед. — В кн.: Этнография и история Кавказа, М., 1961.
¹² Садагдар М. Основы мусульманского права. — М., 1968.
¹³ Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии. — Полн. собр. соч., т. 6.
¹⁴ Комаров А. В. Указ. соч., с. 11.
¹⁵ ССОКГ, вып. 3, Тифлис, 1870, с. 12; АКАК, т. VI, ч. 2, с. 473. Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. Кавказский этнографический сборник. — М., 1955, вып. 1, с. 299 (далее КЭС...).
¹⁶ Иваненко В. Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества в к. Михаила Николаевича. Утверждение русского владычества на Кавказе, т. XII, Тифлис, 1901; Петрушевский И. П. Система русского колониального управления в Азербайджане в пер. пол. XIX в. — Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане в 20—60 гг. XIX в. М.—Л., 1936, ч. 1.
¹⁷ Одесская Государственная научная библиотека им. А. М. Горького. Отдел рукописей, д. 54/13, л. 1—2 (Далее ОГНБ...).
¹⁸ КЭС, вып. 1.
¹⁹ ОГНБ, д. 54/13, л. 3—4.
²⁰ ОГНБ, отдел рукописей, д. 54/13, л. 7.
²¹ Косвен М. О. Материалы по истории, этнографии Кавказа в русской науке. Кавказский этнографический сборник. — М., 1955, вып. I, с. 328; 1958, вып. II, с. 199, 200, 207 (далее КЭС...); Он же, Этнография и история Кавказа. — М., 1961, с. 130—148; 184—208; Избранные произведения адыгских просветителей. — Нальчик, 1980.
²² ОГНБ, д. 54/13, л. 8; Леонтович Ф. И. Адамы Кавказских горцев. — Одесса, 1882, вып. 1, с. 93—94 (Далее АКГ...).
²³ Гарданов В. К. Указ. соч.
²⁴ ОГНБ, д. 54/13, л. 187; АКГ, с. 108.
²⁵ ОГНБ, т. I, л. 95; АКГ, с. 103.
²⁶ АКГ, вып. I, с. 223—285; вып. II, с. 1—230.
²⁷ АКГ, вып. II, с. 231—268.
²⁸ КЭС, вып. I, с. 342.
²⁹ ОГНБ, л. 95; АКГ, с. 102.
³⁰ ОГНБ, с. 187; АКГ, с. 106.
³¹ Скитский Б. В. Хрестоматия по истории Осетии. — Орджоникидзе, 1956, ч. 1.
³² Материалы по истории Дагестана и Чечни. — Махачкала, 1940.
³³ Кавказ, 1846, № 37—38. Перепечатано в «Сборник газеты «Кавказ», 1846», II полугодие. — Тифлис, 1847.
³⁴ Хан-Гирей. Записки. — Нальчик, 1978; Шихалиев Д. М. Рассказ кумыка о кумыках. — Кавказ, 1948, № 39—51.
³⁵ Подробно об образовании Дагестанской области см.: История Дагестана. — М., 1968, т. II.
³⁶ Гарданов В. К. Указ. соч.
³⁷ Маркс К. К критике политической экономии. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13.

больше 60 лет, не расстается со своим любимым делом, гончарам являлись также его дед Балагадир, отец Алафсара Асланова Полад, дед Саркар, прадед Аслан. Если учесть, что каждый из них занимался гончарным делом в среднем 50 лет (что вполне вероятно), можно прийти к выводу, что эта династия почти 200 лет занимается данным ремеслом. Таким образом, отцы обучали этому делу своих сыновей, деды — внуков, и таким путем они сумели на протяжении веков сохранить этот древний вид народного ремесла [6]. Наверное, немало было в истории случаев, когда в одной мастерской дед являлся мастером, сын помощником, а внук — учеником. Несомненно, что и другие родственники и близкие люди также могли составлять важные звенья в цепи мастер—помощник—ученик. Это объяснялось тем, что в каждой мастерской, у каждого мастера была своя тайна, свои технологические приемы, и, естественно, никто из них не позволил бы разгласить эти тайны за пределами мастерской. Нам кажется, этим и объясняется, что большинство лиц, работающих в мастерской, были связаны родственными или другими узами.

Видимо, принципы родственных связей сыграли немалую роль и в процессе перерастания отдельных мастерских в целые цеха. Так, по мере того, как число и уровень мастерства лиц, работающих в той или иной мастерской не укладывались в рамки одной мастерской, возникла необходимость открывать новые. Конечно, нельзя отрицать, что этому способствовало также повышение рыночного спроса на гончарные изделия.

Кроме того, начальные мастерские выступали здесь как бы в роли базового предприятия. Таким образом, и мастера, работающие самостоятельно, и те, кто трудится рядом с ними, а также технологические приемы, применяемые ими, формировались именно в стенах этих мастерских. Мастер, ранее руководивший одной мастерской, теперь направляет деятельность других мастерских, в которых трудятся его родственники или близкие ему люди, является как бы старейшиной.

Несомненно, что без использования наемного труда было бы невозможно расширить объем производства и тем самым удовлетворить разнообразные потребности населения, а также сохранить господство на рынке. Однако вполне вероятно, что и в тех случаях, когда использовался наемный труд, родственники и близкие люди по-прежнему оставались ведущей силой. Видимо, учитывая именно эту сторону, В. И. Ленин писал: «Употребление наемного труда встречается и у ремесленников, но оно развито у промышленников этого вида слабее, чем у остальных» [7, 330].

Некоторые материалы археологических раскопок и многочисленные этнографические материалы позволяют говорить о существовании специализации среди азербайджанских гончаров в средние века. Так, например, было установлено, что в одной из найденных в Кабале печей обжигалась только глазурованная керамика, в другой — только неглазурованная [8, 13—23], а в печи, обнаруженной в Байлакане, — только сфероконусы [9, 100].

Кроме того, есть изделия, изготовленные, несомненно, мастерами высокой квалификации. В результате исследований было установлено, что мастер из Байлакана Али и его сын Ибрагим занимались изготовлением декоративных кувшинов, Хаттаб, Насир, Бадал и

другие — глазурованной керамикой, Фазлун и его сын Ахмед — производством посуды сфероконической формы [10, 68]. Здесь необходимо отметить, что подтверждение этому мы встречаем и в источниках [11, 227].

Нам кажется, что в таких средневековых городах, как Кабала, Баку, Гянджа, Шемаха, Шабран, Нахичевань, те или иные мастера, мастерские и цехи большей частью занимались изготовлением керамических изделий определенного вида.

Другая форма специализации в гончарном деле нашла свое проявление во внутреннем разделении труда. Правда, вначале, «разделение труда... между отдельными цехами было совершенно примитивным... а между отдельными работниками и вовсе не проводилось. Каждый работник должен был знать целый ряд работ» [12, 47]. Но в условиях расширения объема производства, возрастания спроса и конкуренции на рынке положение постепенно меняется, и, как писал В. И. Ленин, «у горшечников мы видим точильщиков (специализирующихся по видам посуды), рабочих, обжигающих продукт и пр., а иногда еще особого работника для приготовления красок» [13, 44]. Далее В. И. Ленин пишет, что в Московской губернии, «в Гжели некоторые деревни заняты (чуть не поголовно) копанием глины; для тяжелых и не требующих особенного искусства работ (работа молотильщика) употребляются почти исключительно пришлые рабочие Тульской и Рязанской губернии, превосходящие слабосильных гжельцев силой и крепостью» [14].

В произведениях К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина мы часто встречаем также заметки о тяжести гончарного дела, а также условий работы гончаров. Правда, «у средневековых ремесленников еще имеет место интерес к своей специальной работе и к умелому ее выполнению, интерес, который мог подниматься до степени некоторого ограниченного художественного вкуса. Но по этой же причине каждый средневековый ремесленник был целиком поглощен своей работой, относился к ней с рабской преданностью» [15, 47]. Конечно, эти слова целиком и полностью можно отнести и к средневековому гончару, влюбленному в свое дело и в совершенстве владеющему им, который, подобно рабу, трудился днем и ночью.

О тяжелых условиях работы гончаров подробно говорится в «Капитале» К. Маркса: «Гончарное производство... одна из отраслей промышленности с наименьшей продолжительностью жизни рабочих» [16, 277].

Говоря о невыносимо тяжелых условиях труда людей, занимающихся изготовлением керамической посуды в Англии, К. Маркс упоминает высказывания врачей Мак-Бина, Бутройда, Д. Т. Арледжа. Так, Мак-Бин пишет: «С того времени как я начал практиковать среди гончаров... бросающееся в глаза вырождение этого класса находит себе выражение в прогрессирующем уменьшении роста и веса» [17, 256].

По мнению врача Бутройда, «каждое последующее поколение гончаров отличается меньшим ростом и более слабым здоровьем, чем предыдущее» [18]. Главный врач Страфффордширской больницы Д. Т. Арледж также подчеркивает, что «они обыкновенно низкорослы, плохо сложены и часто страдают искривлением грудной клетки. Они стареют преждевременно и недолго живут, страдают ревматиз-

мом» [19, 257]. Говоря о труде гончаров, полностью лишенных какого-либо внимания, К. Маркс писал, что «одна из форм астмы свойственна исключительно их профессии и известна под названием астмы горшечников» [20]. Касаясь причин такого положения, К. Маркс ссылается на высказывание хирурга Чарльза Парсонса, считавшего самой главной из них «долгие рабочие часы» [21]. В условиях эксплуататорского строя лишенные какой-либо заботы, в том числе элементарной медицинской помощи, эти люди становились жертвами тяжелых заболеваний. В «Капитале» К. Маркс подробно останавливался на рассмотрении этих вопросов. Здесь уместно вспомнить слова В. И. Ленина о том, что люди, занимающиеся гончарным делом, являются физически более немощными по сравнению с представителями других ремесел. В. И. Ленин писал: «Гжельцы — выродившееся поколение», они «слабогруды, узки в плечах, малосильны» [22, 414]. Как видим, труд, создавший самого человека, в условиях эксплуататорского строя дробит... и уродует его» [23].

Только в условиях социализма труд приносит людям подлинную радость и вдохновение, становится фактором, совершенствующим людей как морально, так и физически.

В трудах марксизма-ленинизма на примере гончарного производства показано «превращение натурального хозяйства... в товарное» [24, 87], когда мастер, некогда удовлетворявший потребности лишь своей семьи, превращается в «горшечника, изготавлиющего посуду для всей деревни» [25, 370]. В. И. Ленин отмечал «...организация наших кустарных «народных» промыслов... показывает нам наглядно возникновение, зародыш его (капитализма. — К. Дж.) в форме простой кооперации (высшая группа в горшечном производстве)...» [26, 223]. Как видим, основоположники научного коммунизма при исследовании капиталистического способа производства исключительное значение придавали изучению многих видов ремесла, в том числе гончарного дела, считающихся его «порождением, зародышем» и возникших намного раньше его.

Хотя теоретические высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о гончарном ремесле, условиях труда работающих там людей и другие основывались конкретными примерами, взятыми из жизни той или иной страны, они имеют огромное значение с точки зрения изучения истории гончарного производства в целом. Эти мысли и высказывания классиков марксизма-ленинизма являются таким обогащающим и всеобъемлющим источником, что могут быть использованы при изучении любого региона, любой страны. Нет сомнения в том, что исследование проблемы керамического производства с точки зрения методологических указаний классиков марксизма-ленинизма в будущем позволит достичь еще более весомых результатов.

Примечания

¹ В последнее время повысилось внимание к исследованию ряда научно-теоретических вопросов археологической науки в свете методологических указаний классиков марксизма-ленинизма (см. Марксистская ленинская философия и вопросы методологии истории и археологии. Тезисы докладов научной конференции. Ашхабад, 1981; Захарук Ю. Н. Марксизм и некоторые вопросы развития археологии. Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Советская археология в XI пятилетке». М., 1983, с. 3—5 и др.). И настоящая статья является результатом повышенного

интереса к изучению богато представленных керамических изделий, а также высказываний и положений классиков марксизма-ленинизма.

² Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1.

³ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. — Полн. собр. соч., т. 1.

⁴ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. — Полн. собр. соч., т. 1.

⁵ Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан. — Баку, 1979 (на азерб. яз.).

⁶ Е. М. Пещерова, исследующая труд среднеазиатских гончаров, также пишет об этом. См.: Пещерова Е. М. Гончарное производство Средней Азии. — М., 1959, с. 312.

⁷ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3.

⁸ Исмизаде О. Ш. О гончарных обжигательных печах, «открытых» в Кабале в 1961 г. — Изв. АН АЗССР, 1963, № 5.

⁹ Ахмедов Г. М. Неполноватая керамика Азербайджана. — Баку, 1959 (на азерб. яз.).

¹⁰ Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан.

¹¹ См.: Гейдаров М. Х. Города и городское ремесло Азербайджана. — Баку, 1982.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3-х томах, т. 1.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч.

¹⁶ Маркс К. Капитал. — М., 1978, т. 1.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3.

²⁴ Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. — Полн. собр. соч., т. 1.

²⁵ Маркс К. Капитал. — М., 1978.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1.

Г. Ч. Чәбијев

ДУЛУСЧУЛУГ СӘНӘТИНИН БӘ'ЗИ МӘСӘЛӘЛӘРИ

Мәғаләдә марксизм-ленинизм классикләринин бир сыра нәзәри мүддәалары әсасында дулусчулуг сәнәтинин бә'зи мәсәләләриндән сөһбәт ачылыр. Бунлар, әсасән, ашағыдакылардан ибарәтдир: 1. Гөһүм вә јахын шәхсләрин истәһсалын тәшкилиндә ролу; 2. Истәһсалын ихтисаслашмасы; 3. Дулусчулуг сәнәти сәһәсиндә чалышанларын вәзијәти вә әмәк шәраити.

Мүәлліф јери кәлдикчә һәмин мәсәләләрлә әлағәдар К. Маркс, Ф. Енкелс вә В. И. Ленинни нәзәри мүддәаларына јада салыр, онлары Азәрбајҹан әразисиндә апарылмыш археоложи вә этнографик тәдқиғатларын конкрет материаллары илә бағлајыр. Нәһајәт, сәнәткарлыгын, о чүмләдән дә дулусчулуг сәнәтинин өјрәнилмәсиндә марксизм-ленинизм классикләринин фикирләринин методоложи әһәмијјәтә малик олдугу кәс-тәриilir.

Е. В. АВЛАСЕВИЧ

ИСКУССТВО — УСКОРЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

XXVII съезд КПСС поставил перед советским народом задачу — путем существенного ускорения социально-экономического развития достичь качественного нового состояния всего общества, в частности, создать за предстоящее пятнадцатилетие производственный потенциал, равный по своим масштабам накопленному за все предшествовавшие годы Советской власти.

Понятно, что в решении этой грандиозной задачи определяющая роль принадлежит так называемому человеческому фактору, людям. Это главный резерв, основа выполнения планов. Не механизм, не сырье, а люди! Иными словами — их трудовая доблесть и честь, высокая сознательность и ответственность, их идейность и благородство чувств и помыслов. «Успех любого дела, — отметил М. С. Горбачев, — в решающей мере определяется тем, насколько активно и сознательно участвуют в нем массы... Продвижение вперед станет тем быстрее, чем выше будут дисциплина и организованность, ответственность каждого за порученную работу, за ее результаты» [1, 23—24].

Не случайно разговор о дисциплине и ответственности, высокой сознательности тружеников лежал в русле, как предшествующего съезду широкого всенародного обсуждения планов и перспектив развития нашего общества, так и на самом XXVII съезде КПСС. Если мы будем «на порядок выше», нам по плечу будут самые дерзновенные планы.

В идеологическом обеспечении поставленной XXVII съездом КПСС задачи ускорения социально-экономического развития существенная роль принадлежит советской литературе и искусству. «Нравственное здоровье общества, духовный климат, в котором живут люди, в немалой степени определяются состоянием литературы и искусства. — отмечено в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. — Наша литература, отражая рождение нового мира, вместе с тем активно участвовала в его становлении, формируя человека этого мира — патриота своей Родины, подлинного интернационалиста. Тем самым она верно выбрала свое место, свою роль в общенародном деле» [2, 90].

Основоположники марксистской эстетики, исходя из материалистического понимания истории, утверждали, что «политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии» [3, 175]. Вместе с тем они подчеркивали, что все виды духовного развития «оказывают влияние друг на друга и на экономический базис» [4, 175]. Конечно, искусство влияет на экономику не непосредственно, а через

воздействие на сознание и чувства человека. Оно связано прежде всего со второй, личностной стороной общественной практики — «обработкой людей людьми» [5, 47].

Благодаря своим уникальным способностям и прежде всего целостному воздействию на человека, на его мысли и чувства одновременно, воспитанию не наставлениями и поучениями, а силой живого образного примера, интимностью и ненавязчивостью даваемых им оценок и выводов, глубиной эмоциональности, подлинное искусство способно проникать в самые глубинные пласты человеческой психики, «перепахать», по образному выражению Ленина, всего человека. Эти неповторяемые особенности искусства и обуславливают его большое значение «для развития человеческих способностей и общественных потенций...» [6, 211].

На нынешнем этапе развития советского общества воспитательная функция искусства приобрела важнейшее значение. Оно призвано сыграть свою, не заменимую никакими другими средствами идеологического воздействия роль в повышении зрелости сознания людей, от чего непосредственно зависит выполнение программы ускорения социально-экономического развития. Поэтому современное искусство должно направить всю силу своего воздействия на создание необходимых духовных предпосылок для осуществления поставленной партией поистине исторической задачи. Об этом в качестве главной задачи современной литературы и искусства говорилось на VIII съезде писателей СССР и V съезде кинематографистов СССР.

Среди многих социальных функций искусства большое значение в деле перестройки сознания играет прогностическая функция, т. е. способность с помощью художественной интуиции предвосхищать будущее, предвидеть в нем проявление как положительных, так и отрицательных тенденций. Художественно отражая их через призму эстетического идеала, искусство создает образы как желаемого, так и нежелаемого будущего. Тем самым оно само включается в идущую в жизни борьбу между прогрессивными и регрессивными явлениями и силой художественно-образного отражения в эту борьбу массы читателей, зрителей, слушателей, ведет их за собой, оказывая на них целенаправленное влияние. Борясь за лучшее будущее, оно подготавливает для его победы психологическую почву в сознании людей. Эта взаимосвязь материальных изменений и сознания людей была отмечена на XXVII съезде КПСС: «Всякая перестройка хозяйственного механизма, как известно, начинается с перестройки сознания, отказа от сложившихся стереотипов мышления и практики, ясного понимания новых задач» [7, 38].

С целью привлечения пристального внимания общественности к важнейшим проблемам нашего общества, искусство выбирает в качестве объекта своего художественного исследования такие темы, которые имеют также большое воспитательное значение, и направляет на них сильный луч своего света. К их числу относится так называемая «производственная тема», глубокое раскрытие которой заставляет по-новому взглянуть на будто бы знакомые и даже порядком приевшиеся производственные проблемы и глубоко задуматься над тем, к чему мы можем прийти, если и впредь будет процветать безответственность и незаинтересованное отношение людей к выполняемой работе и ее результатам.

В первый ряд таких злободневных и высокохудожественных произведений на производственную тему мы можем по праву поставить граждански смелый для своего времени фильм-предостережение «Премия» режиссера С. Микаэляна по сценарию А. Гельмана. По своему критическому духу, остроте и значению поставленных в нем проблем и подлинно партийному их решению он органически вписывается в наш сегодняшний день, несмотря на то, что был создан более десяти лет назад. Нам думается, что именно благодаря своему полному созвучию сегодняшним заботам и проблемам нашего общества он специально демонстрировался по центральному телевидению накануне открытия XXVII съезда КПСС. На съезде остро была поставлена задача искоренения из нашей жизни, в том числе из сферы производства таких застойных явлений, как безответственность, недисциплинированность, бюрократизм, приписки, инертность мысли и дела, замалчивание недостатков и непомерное раздувание небольших успехов, успокоенность достигнутым, грубое нарушение социалистического принципа распределения по труду, выражающееся в так называемой уравниловке и других, наносящих значительный материальный и моральный ущерб социально-экономическому развитию страны. «Нельзя уклоняться от решения назревших проблем, — подчеркнул М. С. Горбачев, — Подобная позиция слишком дорого обходится стране, государству, партии... Во весь рост встала задача — как можно быстрее преодолеть негативные явления в социально-экономическом развитии общества, придать ему необходимый динамизм и ускорение...» [8, 4].

Надо отметить, что и в прошлые годы на страницах печати шло активное обсуждение аналогичных поднятых в фильме производственно-нравственных проблем, и слова в статьях и постановлениях подбирались правильные. Никто не призывал жить нечестно, безразлично относиться к общественному богатству, ставить личные интересы превыше общественных и т. п. Но в жизни от этих обсуждений мало что менялось, т. к. на словах декламировалось одно, а на деле происходило нечто иное. «Призывов и разговоров на этот счет было немало, а дела практически стояли на месте» [9, 23]. Этот разрыв между словом и жизнью является серьезной преградой на пути воспитания людей, в том числе и средствами искусства. Поэтому не удивительно, что тревожный сигнал о серьезных недостатках в производственной сфере, смело посланный с киноэкрана фильмом «Премия» на всю страну, так и остался надолго сигналом и не способствовал в истекшие полтора десятилетия заметной перестройке сознания руководящих производственно-экономических кадров. Отрицательно сказывалась и инерция мышления. Обо всем этом честно и прямо было сказано партии и народу в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии [10, 4, 79, 83, 86].

В настоящее время в стране развернулся активный процесс социально-нравственного обновления, и партия призвала положить конец лицемерию, слить воедино слово и дело. Складывающаяся сейчас требовательная, деловая обстановка создает благоприятные предпосылки для успешного выполнения высокостратегическим и высокохудожественным искусством одной из главнейших своих функций — воспитательной.

Почему фильм «Премия» надолго оставляет сильный след в душе зрителей и заставляет глубоко задуматься? Ведь речь идет в нем вроде бы о чисто производственных, «сухих», вопросах — о вынужденных простоях, авралах, необеспеченности строительства необходимыми материалами, несовершенстве планирования и других, но в их решении выявляется сущность людей, их идейные и нравственные качества, их совесть. Главный вопрос фильма заключается в том, как поведут себя его герои — рядовые строители и бригадиры, плановики и инженеры, начальник строительства и секретарь парткома — перед лицом обстоятельств, коснувшихся всех. Разговор идет о личной этике каждого из них и вместе с тем о партийной совести. И от того, как каждый из них поведет себя, зависит не только судьба данного строительства, но и судьба будущей стройки.

Образ главного героя — бригадира строителей Василия Потапова является принципиальной удачей в художественном воплощении личности рабочего. Он, простой рабочий, имеющий восьмиклассное образование, оказывается по-государственному мыслящим человеком, весьма компетентным в своем деле. С выкладками в руках, сделанными членами бригады он доказывает на парткоме, что квартальная премия бригаде — это обман и бригады, и государства. Премия невыгодна бригаде, ибо будь налажено производство без простоев и авралов, бригада могла бы заработать гораздо больше. Потапов, как мы видим, не бессребреник, он отстаивает свои интересы, но если бы только это побуждало его действовать, конфликт был бы заурядным, его можно было бы решить простым распоряжением директора. Выясняется, что Потапов думает не о бригаде, а о государстве, которое тоже страдает от этого каждодневного компромиса, каждодневного обмана людей, субъективно честных, но вынужденных так поступать в силу сложившихся обстоятельств. Потапов высказывает на парткоме свое мнение о порочности стиля работы треста, когда вынужденными корректировками плана покрываются многочисленные недостатки в организации труда строителей.

Очень важно, что подлинно партийное решение болезненно трудной, назревшей проблемы выдвигает именно рабочий, бригадир строителей, что инициатива исходит не сверху, а снизу. В этом факте художественно запечатлен процесс социальной активности рядовых тружеников.

Поступок Потапова при том, что он отчетливо сознает свою правоту, — акт гражданского мужества. Он смело говорит в лицо начальству неприятную правду, хотя мог бы по примеру других бригадиров спокойно мириться с недостатками на стройке и не наживать себе хлопот.

Авторы фильма в художественно совершенной форме выразили очень важную мысль: каждый советский труженик должен иметь высокую ответственность перед обществом, быть добросовестным работником, думать, в первую очередь, об интересах государства, коллектива. В настоящее время неизмеримо возросли созидательные задачи нашего общества, и нужны не винтики-исполнители, а думающие, инициативные работники, с высоким уровнем общественного сознания. Пока совесть каждого из нас не начнет восставать против недостатков нашей жизни, со многими из которых мы уже свыклись, проявления халатности, беспринципности, недисциплинированности,

пока не будет самокритичного отношения к своему вкладу в общее дело, до тех пор очень трудно достичь намеченных высоких рубежей. Со всей определенностью было сказано на XXVII съезде КПСС о том, что наши «планы станут реальностью лишь при условии напряженного и эффективного труда каждого советского человека. Каждого — на каком бы рабочем месте он ни трудился, какой бы пост ни занимал. Что мы сами сделаем, то у нас и будет, так мы и будем жить» [11, 45].

Интересен и сам характер конфликта в фильме «Премия». Потапов — бригадир строителей и Батарцев — директор строительства — носители конфронтации на плюсах спора. Но какой конфронтации? В конечном счете, цели Потапова и Батарцева сходятся, но в конфликте между ними сказывается различный уровень постижения потребностей общественного развития. И поэтому «поражение» Батарцева выступает, скорее, как победа, и притом труднейшая победа над самим собой. Такого рода конфликт — художественная новация писателя, но в ней схвачены новые особенности бытия, присущие социалистическому образу жизни.

Фильм «Премия» не оставляет равнодушных прежде всего потому, что проблемы жизни нашего общества и проблемы нравственных позиций человека отражены в нем высокохудожественно, жизненно достоверно и с партийной страстностью. Он относится к числу тех произведений, которые имеют долговременное действие. Их «конечный результат» определяется не только количеством зрителей (иные «чисто» развлекательные, малоценные «фильмы-однодневки», упрощенные по образной фактуре, могут даже посоревноваться с ним), а урожаем мыслей и чувств, какой они собирают в своих зрительских аудиториях.

К разряду подобных фильмов относятся и такие, получившие всеобщее признание ленты прошлых лет, как «Девять дней одного года» М. Ромма, «Твой современник» Ю. Размана, «Укрощение огня» Д. Храбовицкого, «Старые стены» и «Обратная связь» В. Трегубовича, «Собственное мнение» Ю. Карасика и некоторые другие. Все они объединены ответственностью их создателей перед обществом, перед современниками, и поэтому они гражданственны в самом полном значении этого слова.

Вместе с тем мы считаем, что современных в полном смысле, высокохудожественных фильмов о передовых людях научно-технического прогресса, о непростых проблемах, порожденных в основном субъективными причинами, с которыми им приходится сталкиваться, выпускается пока очень мало, в том числе и киностудией «Азербайджанфильм». В то же время непозволительно велик поток никчемных, бессодержательных фильмов, что вынужден был признать в своем выступлении на XXVII съезде КПСС первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР. Он привел мнение бригадира Сумского машиностроительного объединения имени Фрунзе тов. Голика о современных фильмах производственной тематики, которое, в порядке дискуссии, целесообразно процитировать: «...И гуляли по экрану трафаретные новаторы, озабоченные внедрением какой-то новинки, да бригады, взволнованные перевоспитанием трудного подростка или конфликтом с консервативным и бездушным началь-

ником цеха. Смешно и грустно было смотреть на потуги этих героев. Мы-то, знающие, что происходит, на самом деле, прекрасно понимали, что ничего не решит победа этого новатора, а перевоспитанный трудный подросток вряд ли в действительности ощутит упоение трудом на том допотопном станке, к которому он к концу фильма обязательно «прикипит душой» [12, 5].

Мы разделяем оценку тов. Голика подобных «производственных» фильмов, но вот причина, которой мотивируется их появление, указана, по нашему мнению, неверная: «...Те методы хозяйствования, которые в течение долгого времени господствовали на производстве, ориентация на не оправдывающие себя цели и стимулы предлагали, если по крупному счету, весьма скудный, да наверное, и не очень интересный, не зажигающий художника материал» [13, 5] (подчеркнуто нами — Е. А.). Иными словами, получается, что из-за того, что деятели искусства не могли увидеть ничего интересного в сфере материального производства, они и создавали «серые», неинтересные произведения на производственную тему. Отсюда напрашивается вывод: винить в этом нужно саму жизнь, а не художников, слепо копирующих ее. С точки зрения формальной логики получается будто бы верно, а вот с позиций подлинного искусства — абсолютно неверно. Конечно, очень важно, чтобы искусство правдиво изображало жизнь, то есть, такой, какая она есть, в крайнем случае, не очень далекой от реальной действительности, ибо сила искусства — в правде жизни. Иначе люди не поверят искусству. Ведь оно «работает» в душах людей не в отрыве от жизни, а одновременно с действием самой жизни. При этом, жизнь — наш главный учитель, а подлинное искусство — лишь «учебник жизни», в котором сконцентрирован опыт многих поколений и который способен пояснять, заострять, дополнять, корректировать нравственное воздействие самой жизни, помочь людям стать лучше. В том состоит социальная функция и художественный критерий искусства. Вместе с тем правдивость искусства вовсе не означает, что искусство должно механически копировать жизнь и отражать то, что лежит на поверхности явлений. В. И. Ленин в «Философских тетрадах» писал, что процесс художественного отражения — не прямой, не зеркальный процесс отражения. Искусство должно проникать в самую сущность изображаемых явлений и только глубокое постижение жизни, является необходимой предпосылкой подлинного художественного творчества, появления значительных, полнокровных, правдивых произведений. Талант и мастерство могут дать плодотворные результаты только в том случае если художник хорошо знает жизнь. Появление же неинтересных и надуманных произведений является следствием не скудного жизненного материала, как ошибочно считает тов. Голик, а незнания художниками изображаемых явлений и отсюда — поверхностного их отражения, что дискредитирует искусство как специфическое средство познания жизни.

Вызывает недоумение, что неверное понимание сущности искусства бригадиром машиностроителей, простительное для него как неспециалиста в этой области, получило высокую оценку бывшего первого секретаря правления Союза кинематографистов СССР Л. А. Кулиджанова, призванного профессионально разбираться в

искусстве, и было охарактеризовано им как «очень квалифицированное мнение... точный... исторически обоснованный анализ» [14, 5], причем это было сказано не где-то, а на трибуне XXVII съезда КПСС.

Мы считаем, что по-настоящему правдиво и масштабно искусство может рассказать о нашей современности лишь тогда, когда в произведении ставятся острые проблемы социально-экономического развития общества, его ускорения на основе научно-технического прогресса и показываются люди, решающие эти проблемы. Следовательно, основными критериями современности художественных произведений являются, на наш взгляд, во-первых, глубокое освещение самых сложных, самых трудных проблем, возникающих на пути интенсификации производства, переориентации общественного сознания, перестройки психологии, острота критики негативных явлений, и, во-вторых, наличие ярких и психологически достоверных образов положительных героев — как руководителей производства, так и рядовых тружеников — носителей передовой мысли, которые, проявляя большое гражданское мужество, смело ломают устаревшие традиции и взгляды, борются с недостатками и являют собой образец инициативного, творческого отношения к делу.

На V съезде кинематографистов СССР отмечалось, что первых успехов в освещении проблем социально-экономического развития добились мастера научно-популярного кино и кинодокументалисты. В их активе — кинолетопись БАМа, созданная операторами под руководством режиссера В. Трошкина, фильмы «Звезда Вавилова» А. Борсюка, «В согласии с природой» Г. Чертова, «Чтобы пахарь не уставал» Ю. Мююра и др.

Художественное же, игровое кино, как мы уже отмечали, пока что отстает от «разведчиков» кинематографа. Вне кинематографического исследования остаются поиски верных, оптимальных решений научных и технических проблем, связанные с ними драмы мыслей, перемены в психологии людей, мотивах их действий.

Этот недостаток в полной мере можно отнести, по нашему мнению, и к современной азербайджанской прозе. В ней очень мало произведений, правдиво и высокохудожественно освещающих сложные проблемы современного производства и связанную с ними необходимость перестройки психологии людей. В качестве положительного примера хотелось бы отметить повесть Р. Ибрагимбекова «Своей дорогой», в которой в образе главного героя Фариды Салаева наглядно показано значение высокой ответственности каждого в выполнении своего служебного долга. Фарид Салаев — руководитель большой нефтеразведочной партии, а затем — руководитель огромного коллектива нефтедобытчиков в Западной Сибири. Салаев смело берет на себя самое трудное, самое ответственное, он живет производством, любит и ненавидит в прямой зависимости с ним и его людьми. Интересы дела в государственном масштабе — для него нравственный закон жизни. В горячей заинтересованности и самоотдаче работе видит он свое служение родине и народу. Этот образ утверждает сильный мужской характер, стойкую личность, которая, несмотря на огромные трудности, не отступая, идет своей дорогой во имя долга и чести. Образ Салаева можно с полным

основанием назвать художественным обретением Р. Ибрагимбекова, и он имеет принципиально важное значение не только для азербайджанской, но и для всей советской многонациональной прозы.

Важно и то, что Р. Ибрагимбеков не «вычислил», как метко заметила С. Алиева [15, 148] своего героя, а нашел его реального прототипа в самой действительности. Им является известный всей стране геолог-нефтяник, Герой Социалистического Труда Фарман Салманов, с чьим именем непосредственно связана история открытия нефти в Западной Сибири.

Это знаменательный факт. В нем, как и в аналогичных других, выражена существенная особенность нашего бытия — наши современники, обладающие высоким уровнем общественного сознания и профессионального мастерства, высокими идейно-нравственными и деловыми качествами, служащие для художников прообразом личности будущего общества. Тем самым искусство наглядно показывает связь между нынешним и будущим этапом коммунистического общества: тип личности коммунистического общества формируется сейчас, на начальном этапе развитого социализма, где закладывается его идейно-нравственный фундамент.

В этом процессе участвует и современное советское искусство. Оно рассматривает важнейшие проблемы общественного развития в их преломлении через деятельность и психологию конкретных людей. Следуя правде жизни, искусство показывает, что неблагоприятные явления в экономических отношениях отрицательно сказываются на психологии определенной части людей и порождают в ней негативные изменения, которые, в свою очередь, проявляются в их деятельности. Следовательно, для того, чтобы процесс воспитания был успешным, необходимо прежде всего совершенствовать наши производственные отношения, устранять имеющиеся в них недостатки. На это, в частности, и направлена деятельность передовых тружеников, обладающих высоким уровнем общественного сознания и ясным пониманием своих задач. Их образы привлекают нас не только своей внутренней интеллигентностью, нравственной чистотой, но и такими необходимыми для каждого советского человека качествами, как активная жизненная позиция, побуждающая не проходить мимо зла и смело вступать с ним в бой, развитое чувство личной ответственности за результаты своего труда.

Общественное назначение таких героев — воспитывать людей в духе коммунистических идеалов, увеличивать в самой жизни число людей «честных, сильных духом, способных взять на себя ношу своего времени» [16, 90].

Таким образом, искусство, способствуя глубокому познанию жизни, одновременно совершает в душах людей сложную работу чувств, перестраивает их сознание. Оно ярко показывает не только появление ростков нового, передового, но и сигнализирует обществу о ростках негативных явлений, ловко приспособивающихся к жизни и «умело» использующих в корыстных целях социальную систему. Оно показывает, что за новое, передовое надо бороться, и само включается в эту борьбу, помогая передовым силам одержать победу.

Из жизни — в искусство, из искусства — в жизнь — такова повестка сегодняшнего дня советского многонационального искусства

ва. При этом чем тоньше и глубже в произведениях искусства отражены важнейшие жизненные проблемы, чем с большей личной заинтересованностью, партийной страстностью всматриваются художники в жизнь, улавливают изменения духовного климата в обществе, тем сильнее воздействие их творческих усилий на развитие общества, тем шире общественный резонанс искусства и тем быстрее будет происходить процесс совершенствования социалистического общества.

Примечания

- ¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986.
- ² Там же.
- ³ Маркс К. Письмо В. Борнису, 25 января. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39.
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф., Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. — М., 1966.
- ⁶ Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 гг. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47.
- ⁷ Материалы XXVII съезда КПСС.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Правда, 1986, 2 марта.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: Алиева С. Человек в меняющемся мире. — Баку: Язычы, 1980.
- ¹⁶ Материалы XXVII съезда КПСС.

Л. В. Авласевич

ӨЛКӨННІН СОЦИАЛ-ИГТИСАДИ ИНКИШАФЫНДА ИНЧЭСЭНЭТИН РОЛУ

Сов.ИКП XXVII гурултаында прэли сүрүлмүш өлкөнү социал-игтисади инкишафыны сүр'этлөндирмэин идеологи тэмниатында мүасир инчэсэнэт мүһүм рол ойнайар. Ајры-ајры бэдин эсэрлэрин тэһлили эсасында мүэллиф белэ нэтичэјэ кэлир ки, инчэсэнэт сүр'этлөндирмэ просесинэ о заман чидди тэ'сир көстэрэ билэр ки, бу эсэрлэрдэ инчэсэнэт инкишафын мүһүм проблемлэри дэрин вэ јүксэк бэдиниклэ ишыгландырылсын. Бөјүк вэтандашлыг икидиги көстэрэн, көһнэлмиш адэт вэ бахышлары чэсарэтлэ рэдэдэн, нөгсанлара гаршы барышмаз олан мүсбэт гәһрәманларын—һәм истегһсалат рәһбәрлэринин, һәм дэ садэ эмэк адамларынын парлаг вэ психологи чәһәтдән инандырычы сүрәтлэри јарадылсын. Инчэсэнэт чәмијјәтимизин мүасир инкишаф мәрһәлэсиндэ адамларда интизам, мәс'улијјәт, дүзлүк, тәшәббүскарлыг, эмәјин нэтичәсинэ мараг вэ с. бу кими јүксэк кејфијјәтләр тәрбијэ едир. Беләликлэ, о, партијанын гаршыја гојдуг тарихи вәзиғәнин мүвәфғәијјәтлэ һәјата кечирилмәсиндэ һәлледици рол ойнајан Совет адамларынын шүурунун даһа да камилләшмәсинэ хидмәт едир.

И. А. РАГИМОВА

ПРОБЛЕМА ЭСТЕТИЧЕСКОГО ГУМАНИЗМА В ФИЛОСОФИИ КАНТА

Эстетический гуманизм — это постановка и решение искусством проблемы свободы, эмансипации личности. Это проблема высочайшей значимости и прогрессивности искусства, разрабатывающего на своей собственной, имманентной почве проблемы нравственности. Именно в этом видел основу синтеза эстетического и этического, художественного и нравственного И. Кант.

Научность и органичность этого синтеза определяется предметом этики и эстетики И. Канта — человеком, рассматриваемом в одном из его существеннейших определений — в определении свободы. Понятие свободы интерпретируется И. Кантом как действие, целесообразная деятельность, в процессе которой объективируется родовая сущность человека.

Свобода — основное понятие кантовской этики, определяющее, по Канту, традиционно метафизический ее характер. Свобода же — субстанция прекрасного. Но априоризм, субъективизм кантовской философии обусловили абстрактность, формализм, метафизическую односторонность решения Кантом проблемы свободы и в конечном итоге несвободу реального, действительного человека. Прекрасное у Канта становится символом нравственно-добраго.

По Канту, свобода — категория нравственного Разума. Она априорна, имманентно свойственна Разуму, действующему на основе собственного законодательства. Предшествуя познанию, являясь его причиной и целью, свобода оказывается и объектом деятельности, исключающим всякую связь с вне сознания лежащей действительностью. Понятие свободы оказывается сугубо формальным определением, абстракцией, не несущей никакого реального, исторического содержания.

Свобода — это свобода выбора, свобода принятия решения, свобода воли. Для Гегеля соотношение между свободой и волей аналогично отношению между физическим телом и тяжестью. Свобода есть сама воля, как тяжесть есть само тело.

Воля побуждает человека к деянию. Но воля детерминирована желаемой целью, интересом, сама же деятельность — это попытка реализации, достижения цели. Кантовская «добрая воля», подвигающая человека к благу, не определенная ко всем объектам, содержит «в себе только форму воления вообще» [1, 229].

Кантовская свобода оказывается абстракцией свободы, полагаемой в действительность индивидуумом, субъектом, спонтанным актом свободы индивида, носителя свободы — идеи нравственного Разума, действующего на основе собственного законодательства. «О ней (сущности. — И. Р.) совершенно правильно можно было бы сказать,

что она самопроизвольно начинает свои действия в чувственно воспринимаемом мире, хотя сама деятельность начинается не в ней самой...» [2, 483].

И. Кант метафизичен. Он резко разграничивает сознание человека на теоретическое, на котором основано сознание природы, и на «практический Разум» — основу понятия нравственности. Дуалистическое противопоставление природы и сознания, материи и духа не могли не сказаться на понимании им человека, субъекта свободы, усугубив антигисторию в его понимании.

Человек в философии И. Канта предстает как бы в двух измерениях. Это эмпирический, физический, чувственный субъект, «феномен», находящийся в ряду природных явлений и детерминированный механической необходимостью, причинно-следственными связями и закономерностями. Применение к подобному субъекту понятия свободы, по Канту, недопустимо.

Одновременно человек, по Канту, — это «вещь в себе», ноумен, носитель трансцендентальных идей Разума, идеи свободы, в том числе. В этом смысле человек, по Канту, свободен.

Кант никак не обосновывает понятие «свобода». Свобода как идея нравственного Разума безусловна, беспредпосылочна и потому теоретически недоказуема. Но одновременно она и не может быть отвергнута теоретическим сознанием. Свобода логически мыслима, и в этом смысле можно предполагать ее реальность.

Реальность же свободы обусловлена самим нравственным Разумом, который навязывает нам свои законы как необходимость, в чем Кант видит их объективность: «Только с законом связано понятие безусловной и притом объективной и, стало быть, общезначимой необходимости» [3, 255].

Эта необходимость мыслить, предполагать свободу заключается, по Канту, в том, что нравственные максимы и предписания общезначимы, общераспространены. Любой здравомыслящий человек чувствует в себе присутствие нравственного закона: может отличить добро от зла, оценивать нравственную значимость своих и чужих поступков, способен испытывать угрызения совести и приступы раскаяния и другие нравственные переживания.

Нравственная оценка бытия, реальности, совершаемая свободно, на основе ничем не обусловленного нравственного закона, не детерминированная ничем внешним, эмпирическим, свидетельствует, по Канту, о реальности понятия свободы. Свобода, по Канту, — это воля, подчиненная нравственному закону, категорическому императиву.

Воля, подчиненная закону — это понятие долга, у Канта — пуритански понятого долга. Кантовская свобода трансформируется в аскезу, в исполнение долга ради самого долга путем подавления всего физического: склонностей, чувств, желания личного счастья. И. Кант категорически отрицает какую-либо связь понятия долга с понятием личного счастья, ибо понятие личного счастья всегда субъективно, противоречит, тем самым, объективности, всеобщности и необходимости, долга.

Недостижимость, нереализованность понятия свободы в посюстороннем, конечном, эмпирическом мире заставляет Канта перенести

проблему свободы в трансцендентальный мир, в мир умопостигаемых абстракций, недоказуемых теоретически, но логически мыслимых. Это наряду с понятием свободы понятия бессмертия и бога. При всем их различии, понятия «бессмертие» и «бог» — логические предпосылки завершенности проблемы свободы. Свобода, бессмертие и бог — необходимые постулаты нравственного Разума.

Постулат нравственного Разума о бессмертии, трактуемого Кантом как бессмертие души, бесконечность мира, позволяющего мыслить мир загробный, в котором обретают покой души людей после физической смерти, открывают, по Канту, возможность достижения свободы, гармонии между склонностью и долгом, между нравственным достоинством личности и высшим благом. Эта возможность становится реальностью, свободой нравственного миропорядка при предположении необходимости существования бога — творца этой мировой гармонии.

И. Кант понимал всю научную, теоретическую несостоятельность подобной аргументации в истолковании понятия свобода, недопустимость «ссылок на веру в «сверхчувственный», «умопостигаемый» мир в качестве доказанного тезиса **научного** мировоззрения» [4, 87].

И. Кант считал, что понятие свободы должно реализовать в чувственном мире ту цель, которую ставят его законы: «Должно существовать основание **единства** сверхчувственного, лежащего в основе природы с тем, что практически содержит в себе понятие свободы» [5, 174]. Основанием такого единства является человек, мыслимый одновременно как существо конечное и бесконечное, эмпирический характер, подчиненный законам природы, и «умопостигаемый» субъект, который сам может быть причиной необходимости, не подчиняясь при этом условиям чувственности. Человек, чувственный субъект, обладает еще и Разумом, интеллектом, который «существенно отличается от всех эмпирически обусловленных способностей». В деянии такого субъекта могут сосуществовать свобода и необходимость, никак не противореча друг другу.

Задача философии, по Канту, — дать априорно свойственную сознанию способность мыслить такое единство, мыслить реализованным понятие свободы. Это исследование И. Кант предпринимает в «Критике способности суждения» [6, 487], которая, по его мысли, должна снять противоречие между единичным и всеобщим, между физическим и духовным (у Канта, нравственным), между миром природы и миром идеальным, между необходимостью и свободой, догматически абсолютизированных им в первых двух «Критиках» [7].

Основная задача, которую Кант ставил в своей философии — это исследование познавательных возможностей человека, рассмотрение сознания человека как орудия, органа познания: познания теоретического, применяемого к исследованию физического, неорганического мира, явлений природы; спекулятивного, метафизического познания, применяемого к сфере нравственности и телеологической способности суждения, применяемой к исследованию мира органического, мира живых существ.

Но Кант не ограничивается рассмотрением человека всего лишь как познающего, теоретизирующего субъекта. Для Канта человек — это духовность, личность (лицо. — И. Р.), желающая, переживающая, чувствующая, относящаяся и оценивающая познаваемое. Собственно,

уже отнесение Разума, интеллекта к сфере нравственности говорит о тенденции И. Канта к целостному, тотальному рассмотрению человека. Желание (воля) у Канта — высшая духовная способность, на которой основано понятие нравственности.

Чувство удовольствия или неудовольствия, духовная способность, на которой, по Канту, основаны эстетическая и телеологическая (суждение целесообразности. — И. Р.) способности суждения, способность восприятия прекрасного, красоты, их воспроизведения в искусстве.

Способность познания, желание или воля, чувство удовольствия или неудовольствия — душевные способности, составляющие, по Канту, духовную сущность человека. Чувство удовольствия или неудовольствия, необходимо соединенные с желанием, составляют, по Канту, духовную сущность человека. Чувство удовольствия или не-свободы, составляют специфику «Критики способности суждения» как исследования, восполняющего брешь между теоретическим и практическим сознанием.

В первых двух «Критиках» И. Кант дал принципы а priori, на которых основаны способность познания и способность желания. Это трансцендентальная апперцепция, деятельность сознания по синтезу, тождеству различного, многообразного в случае теоретического разума и законодательство Разума в сфере нравственности.

Принцип а priori, на котором основано чувство удовольствия или неудовольствия — это способность суждения.

Какие способности суждения делают ее достаточной для синтеза единичного и всеобщего, без чего невозможна реальность понятия свободы?

По Канту, способность суждения а priori — это рефлектирующая способность суждения, суждение рефлексии, суждение единичного. Гегель так пишет об этой особенности кантовой способности суждения: «Кант... определяет способность суждения как «способность мыслить частное как содержащееся во всеобщем» и называет способность суждения **рефлектирующей**, «ибо ей дано лишь особенное, к которому она должна найти всеобщее». Для этого она нуждается в законе, в принципе, который она должна сама себе дать, и в качестве такого закона Кант выдвигает целесообразность. В понятии свободы практического разума осуществление цели останавливается на одном лишь должествовании, но в телеологическом суждении о живых существах Кант начинает рассматривать живой организм таким образом, что здесь понятие всеобщее содержит в себе также и особенное и в качестве цели определяет особенное и внешнее, свойства членов изнутри, а не извне, и определяет их так, что особенное само собой соответствует цели» [8].

Принцип суждения а priori — основа образования эмпирических законов, которые «дают» систему единичных объектов и одновременно образуют «сферу» как основание единства сверхчувственного мира свободы и мира природы. Полисемичность эмпирических законов, синтез, единство в них принципа, закона всеобщего с формой единичного, особенного делает их основой реализации понятия свободы.

Принцип суждения а priori Кант называет законом спецификации, необходимо свойственной человеческому сознанию тенденции к

субординации явлений природы, классификации их в роды и виды, без чего несостоятелен «возможный опыт» — основа теоретического естествознания.

По Канту, констатация соответствия, совпадения различных эмпирических законов, охватываемых единым принципом, заключающим их в себе, доставляет очень заметное удовольствие, иногда граничащее с удивлением, не прекращающимся даже после того, как мы достаточно ознакомились с его предметом. Причина этого, по Канту, в том, что сознание здесь действует в соответствии с собственной природой, непреднамеренно, свободно, а не в соответствии с понятием, с необходимостью. И. Кант сознание рассматривает в единстве, в синтезе трансцендентальной апперцепции, деятельности сознания по единству многообразного, различного единству представлений.

Гносеологической основой представлений является фантазия, воображение. Кант называет воображение продуктивным, ибо на его основе, посредством ассоциаций, аналогий, сопоставления, минуя средства логического, рационального, сознание на основе интуиции способно к воспроизведению истинного. Удовольствие, наслаждение при восприятии прекрасного основано на этой априорно свойственной сознанию деятельности по синтезу представлений, на гармоническом соотношении, соответствии воображения и рассудка, когда познание основано не на абсолютизации логического, представляющего тяжкий труд постижения истины в понятиях, но превращается в свободную игру познавательных сил человека, доставляющую наслаждение. «Как созерцание и чувство возведены в духовную всеобщность, так и мысль не только отказалась от своей вражды к природе, но и стала радостной в ней; чувство, удовольствие и наслаждение получают оправдание и освящение, так что природа и свобода, чувственность и понятие одновременно находят свое оправдание и удовлетворение», — писал Гегель об этой особенности кантовской эстетической рефлексии [9, 63].

Удовольствие, наслаждение, с необходимостью связанные со способностью суждения а priori, — это эмоциональные отношения, оценка, предполагающие суждение об образце, об идеале.

Для И. Канта абсолютным образом, идеалом является бог.

Но в реальном, посюстороннем мире образцом, идеалом может быть только человек. Ибо человека отличают не только физическая, природная целесообразность, уникальная приспособленность к среде, адекватность внешнего внутреннему, функциональность его органов, свойственные всему живому, органическому. Человека отличает целесообразность его деятельности, творческая активность его как сознательного существа, объективирующего в субъективную, индивидуальной деятельности свою родовую, общечеловеческую сущность. С этой точки зрения человек, индивидуум, феномен, сущность в единстве с внешним, случайным является идеалом прекрасного, совершенного, объективирующим в мир явлений трансцендентальные идеи Разума, идеи свободы [10, 185—188]. По Канту, идеал есть представление о существе, адекватном идее [11, 66]. «Исследуя понятие об идеале, — писал В. Ф. Асмус в своем исследовании — Кант выходит над субъективизмом и формализмом собственного эстетического учения» [13, 454].

Способность эстетического суждения, суждения а priori, по Канту, — основоположение вкуса. Под эстетикой Кант понимает «критику вкуса», критическое исследование прекрасного, возвышенного, критическое рассмотрение художественной деятельности (учение о гении) и опыт учения о видах искусств (система искусств).

В «Критике вкуса» принципиальные особенности кантовской философии — априоризм, субъективизм — сказались особенно сильно, обусловив ее крайне формальный характер.

При всей субъективности представлений объектов вне нас, вне зависимости от формы их осмысления в понятиях, субъективности пространства и времени — условий их восприятия, «вещь в себе» является «аффицирующей», активной в отношении явлений, образуя целостность процесса познания. Для Канта это познание логическое, осуществляемое наукой. Субъективность суждений вкуса совсем иного рода. Связано это с понятием цели, реализуемым в эстетическом суждении.

По Канту, в суждении вкуса мы реализуем заранее составленное понятие о предмете, а сам предмет (рефлексия предмета, — *И. Р.*) есть для нас цель. Это тем более применимо к понятию цели, которое, по Канту, всегда предшествует предмету. Эстетическое суждение, предшествуя предмету, само превращается в объект, исключая всякую связь с реальным предметом, с миром «вещей» вне нас. Эстетическое вкуса, по Канту, — это не субъективно-объективные отношения, характеризующие как воспринимающего субъекта, так и воспринимаемый объект, но отношения сугубо субъективные, характеризующие только субъективную способность восприятия, представления.

Субъективизм, формализм эстетического суждения вкуса, последовательно развитый, определил исключение Кантом из сферы суждений вкуса полезного и доброго, связанных с существованием вещей вне нас, с чувственным интересом и потребностями, понятия как единственной формы познания сущего, необходимого. В суждении вкуса а priori Кант резко противопоставил эстетическое логическому, эмоциональное — рациональному.

По Канту, принцип целесообразности в суждении вкуса, который «способность суждения совершенно а priori полагает в основу рефлексии о природе» [14, 194] — это принцип формальной приспособленности природы к нашей познавательной способности. «Суждение вкуса, — писал И. Кант, — имеет своей основой только форму целесообразности предмета» [15, 223].

Формализм суждения вкуса повлек за собой абсолютизацию эмоционального в эстетическом суждении, отрицание, таким образом, познавательной возможности эстетического как форма отношений, искусства, аккумулирующего эти отношения. Под эстетическим И. Кант понимает способность судить о формальной (субъективной) целесообразности на основе чувства удовольствия или неудовольствия. В этом смысле суждение вкуса не основано ни на каком понятии о предмете и не создает никакого понятия. Эстетическое «не может быть никакой частью познания» [16, 189].

Удовольствие здесь мыслится как необходимо связанное с представлением о предмете. Необходимость связи удовольствия или не-

удовольствия с субъективным представлением предмета определяет общезначимость суждений вкуса, то, что они могут притязать на всеобщность, объективность в кантовской терминологии, и быть мерным критерием прекрасного.

И. Кант приходит к понятию «свободной красоты», заключающейся в форме предмета, к искусству форм — искусству беспредпринцип связи единичного и всеобщего, необходимый для реализации понятия свободы, становится превалирующим в понятии «свободной красоты», подменяя собой свободу, нравственность — субстанцию прекрасного, искусства. Причина здесь — метафизичность И. Канта, рассматривающего сознание как принципиально отличное от «вещей» вне нас, материи в ее чувственном многообразии, конкретности.

У Канта в основе понятия «свободной красоты» лежит не свобода реального процесса познания, взаимоотношение субъекта и объекта, но имманентный сознанию акт трансцендентальной «апперцепции» рассудка вообще и воображения вообще (Кант), рассудка в его функции «схватывания» формы целесообразности предмета и «воображения» в его функции изображения формы. «Такое заключение было настолько парадоксальным, — писал М. Ф. Овсянников, — что вопреки первоначальному определению прекрасного, Кант вынужден был ввести понятие так называемой «привходящей красоты» [17, 197].

«Привходящая красота» у Канта — это красота понятия, ведущая к понятию Идеала, «идея разума согласно определенным понятиям» [18, 237]. И. Кант сам разъясняет отличие «привходящей красоты» от «свободной красоты» на примере «эстетической нормальной идеи».

«Нормальная идея» красоты — красота коня, собаки, красота цветов, мебелировки — единичные суждения, основанные на элементах опыта.

Суждения «привходящей красоты» покоятся на понятии Идеала.

Даже красота здания не дает идеала прекрасного, по Канту, ибо целесообразность здесь недостаточно конкретна, определена. Сравните с гегелевским определением архитектуры как вида искусства, которая в силу косности, инертности ее материала, ее природной материальности «лишь намекает на духовное содержание, как на нечто иное» [19, 90]. Только человек, единичный субъект и в его лице все человечество являет идеал прекрасного, ибо только в человеке величайшая целесообразность вполне конкретна и определена. Человек, существо разумное, проникаясь, интимно переживая всеобщее, делая его своим личным достоянием, делом своей частной жизни, являет образец, Идеал прекрасного. Идеал, по Канту, — это уже не пример «нормальной идеи» красоты, но выражение, проявление нравственного.

Кантовский принцип свободной духовности доминирует во всех его определениях, относящихся к сфере эстетического суждения — в его определении возвышенного, художественной деятельности (учения о гении), в опыте учения о видах искусства (система искусства).

Возвышенное для Канта — это суждение, основанное на понятии Разума, а также торжество Разума. Это душевное состояние

человека, столкнувшегося со слепыми, неодолимыми силами природы и непокорившегося им. Это состояние нравственного достоинства человека, почувствовавшего свою мощь, гордого тем, что он человек. В случае возвышенного «человечество в нашем лице остается не униженным, хотя человек и должен был бы оказаться покоренным этой власти» [20, 270].

Искусство, по Канту, создание чего-либо через свободу, т. е. через решение, в основе которого акт Разума. Этим искусство и отличается от пчелиных ячеек, которые всего лишь продукт их природы и свойственного им инстинкта, в то время как в искусстве представляемая цель предшествует действительности художественного произведения.

Искусство, по Канту, отличается от ремесла, как свободная игра отличается от занятия, связанного с неприятным трудом, заключающимся только в полезном результате. Но как и в ремесле, в искусстве должна быть «техническая сноровка», без которой дух не был бы свободен, был бы лишен тела и совершенно улетучился бы» [21, 318, 319].

Талант, по Канту, — это способность представлять в чувственной форме идеи Разума о вечности, о творении или то, что хотя и является примером опыта, однако выходит далеко за его пределы — смерть, зависть, любовь, слава и т. д. [22, 331].

С точки зрения духа расцениваются И. Кантом в § 53 «Критики способности суждения» «язычные искусства». На первое место Кант ставит искусство поэзии, которая почти целиком обязана «гению», соединяющему вкус с духом. Поэзия «соединяет пластическое изображение с такой полнотой мыслей, которой не может быть вполне адекватным ни одно выражение в языке» и т. д. [23, 345].

Позитивная сторона решения Кантом проблемы эстетического гуманизма заключается в рассмотрении им способности суждения — основы эстетического явления как всеобщего в форме единичного, случайного с вытекающими отсюда проблемами прекрасного, искусства.

Однако априоризм, отнесение Кантом способности суждения к сфере субъективной, к человеческим «способностям души» обусловило решение им проблемы синтеза эстетического и этического, художественного и нравственного в рамках идеализма, последовательно развитого, ведущего к обоснованию религии. Свобода, по Канту, понятие сверхчувственное, умопостигаемое. Никак теоретически не углубляя наши познания о природе человека, о явлениях природы, она — постулат, допущение нравственного Разума: если свобода невозможна в этом мире, раздираемом антагонизмами и противоречиями, необходимо верить в ее реальность в мире трансцендентальном, так же как необходимо верить в высшее благо при несклонности зла в этом мире. В. И. Ленин писал: «Кант принимает знание, чтобы очистить место вере» [24, 153].

Отсюда, по Канту, прекрасное, искусство лишь чувственно воспринимаемый символ нравственно доброго, чувственный прототип по аналогии с миром, истинно сущим, чувственная проекция в мир трансцендентальной свободы. В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин писал по поводу символов: «Условный знак, символ,

иероглиф — суть понятия, вносящие совершенно не нужный элемент агностицизма» [25, 231].

Агностицизм Канта принципиальный. Метафизически противопоставив сознание материи, «вещи» вне нас, Кант абсолютизирует сознание, объявив его априорным, ни от какого опыта не зависящим. Кант пытается в структуре сознания воспроизвести его реальную целостность, рассматривая сознание как единство конкретно-чувственного и рационального, единство познавательных и духовных способностей человека а priori. Считая недостатком «всего предшествующего материализма» его созерцательность, рассматривание им «предмета, действительности, чувственности» только «в форме объекта», а не в форме «человеческой чувственной деятельности, практики», не субъективно, Маркс отмечал, что «деятельная сторона» разбивалась идеализмом. Однако он тут же добавляет: «...но только абстрактно, т. к. идеализм конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой [26, 1].

Особенно большую роль в этом синтезе И. Кант отводил эстетической способности суждения. Но Кант метафизичен и здесь. Эстетическая способность это духовная способность к воспроизведению прекрасного на основе чувства. Это высочайшее эмоциональное, духовное переживание, участвующее в самосовершенствовании человека, свидетельствующее о его совершенстве. Но переживая эстетически, эстетический субъект Канта созерцателен и пассивен.

Свобода — возможность, тенденция самой действительности, в реальном процессе человеческого познания превращается в реальность гуманистических идеалов, руководствуясь которыми человек преобразует мир, общественные отношения, неблагоприятные развитию человека. В этом процессе революционного преобразования участвует и искусство.

Примечания

¹ Кант И. Сочинения: В 6-ти т. — М., 1964, т. 4, ч. 1.

² Там же, т. 3.

³ Там же, т. 4, ч. 1.

⁴ Асмус В. Ф. Иммануил Кант. — М.: Наука, 1973.

⁵ Кант И. Соч., т. 5.

⁶ Там же, т. 3.

⁷ Там же, т. 5.

⁸ Там же, т. 3; т. 4, ч. 1, 2.

⁹ Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 4-х т. — М.: Искусство, 1968, т. 1.

¹⁰ Кант И. Соч., т. 5.

¹¹ Гегель Г. В. Ф. Эстетика. т. 1.

¹² Кант И. Соч., т. 5.

¹³ Асмус В. Ф. Указ. соч.

¹⁴ Кант И. Соч., т. 5.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Овсянников М. Ф. История эстетической мысли. — М., 1978.

¹⁸ Кант И. Соч., т. 5.

¹⁹ Гегель Г. В. Ф. Эстетика, т. 1.

²⁰ Кант И. Соч., т. 5.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

- ²⁴ Ленин В. И. Конспект «Науки логики». Учение о понятии. — Поли. собр. соч., т. 29.
- ²⁵ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — М.: Госполитиздат, 1969.
- ²⁶ Маркс К. Тезисы о Фейербахе. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3.

И. А. Рәхимова

КАНТ ФƏЛСƏФƏСИНДƏ ЕСТЕТИК ҺУМАНИЗМ ПРОБЛЕМИ

Мəғалəдə Кант фəлсəфəсиндə естетик вə этик, бəди и вə əхлағи чəхəтлəрни синтези-ни тəдғиг етмəјə тəшəббүс едилир, бу синтезин сəмərəлилийи вə фəјдалылығы кəстəрил-мəклə јанашы, һəм дə онун сەјрчи һуманизмə кəтириб чыхаран идеалист əсаслары ачы-лыб кəстəрилир.

Г. Г. КУЛИЕВ

КОМБИНАТОРНАЯ МОДЕЛЬ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

Понятие «творчество» занимает, несомненно, одно из первых мест в списке «частотных» терминов категориального аппарата методологии современного научного познания. Проблемы творчества находятся в центре внимания представителей гуманитарных и точных наук. Наше обращение к творчеству не продиктовано «капризами» научного жаргона, а вызвано потребностью критического освещения некорректностей традиционной схемы творческого процесса и обоснования правомерности комбинаторной интерпретации его сущности. Рассмотрим прежде всего негативные, с нашей точки зрения, аспекты традиционной модели творчества.

Традиционное понимание творчества «как деятельности, порождающей нечто новое» (данное определение закреплено словарем и энциклопедией в статусе семантического инварианта) нельзя считать достаточно корректным. Во-первых, в рамках такого подхода творчеством можно назвать любой акт продуцирования нового. Любой процесс, который сопровождается инновациями, выражающими имманентное его свойство, можно идентифицировать как творческий. Вовсе не случайно то, что в научной литературе вполне серьезно обсуждается вопрос о творчестве природы или творческом статусе почти любого акта жизнедеятельности. Так, в частности, Г. Гачев пишет, что «каждое мгновение жизни может быть творчеством» и даже процесс «езды в автобусе становится творческим состоянием» [1, 49]. Подобные взгляды являются, по нашему мнению, своеобразными методологическими казусами традиционной установки, когда любое состояние личности, если только оно сопровождается генерированием новизны, рассматривается как акт творческой деятельности. Другими словами творческий процесс объявляется «игрой в бисер»: поскольку любое мгновение жизни уникально, неповторимо, то и «езда в автобусе» как особое эмоционально-психическое состояние личности наделяется параметром творчества. Пермутационная модель творчества, которую разрабатывает А. Моль на основе комбинаторных представлений, предусмотрительно ограждает себя от рассматриваемого методологического заблуждения тем, что рамки подлинно научной творческой деятельности ограничиваются требованиями научной значимости, оригинальности и социальной ценности продуцируемых результатов [2, 103—115]. Корректная модель творчества действительно должна акцентировать внимание на «роде деятельности» и «типе новизны», характеризующих творческий процесс.

Во-вторых, в традиционном подходе внимание в основном обращается на генезис нового, то есть творчество «жестко» коррелируется с фазой рождения нового (открытием). В традиционных моделях «постинсайтные» фазы развития нового знания интерпретиру-

инкубации. Любая новая идея требует, соответственно, разработки и новой (творческой) процедуры верификации.

Поскольку попытки «вместить» творческий процесс в жесткую схему линейной последовательности стадий не содействует удовлетворительной интерпретации сущности творчества, следует, естественно, обратить внимание на иные подходы. Не подлежит сомнению, что творчество — это динамичный, постоянно прогрессирующий процесс, и поэтому разрабатываемые модели творчества должны прежде всего каким-то образом отражать эту его особенность. Нам кажется, что рациональная «схематизация» творчества, т. е. построение жесткой модели несостоятельно. Творчество как постоянно прогрессирующий процесс в этом смысле неисчерпаемо. С каждым шагом «вглубь» творчества происходит прогрессирующее изменение творческой природы человека, обогащение его творческих возможностей новыми параметрами. Если до недавнего времени «фантазия» признавалась помехой на пути научного исследования, а сегодня необходимым имманентным свойством научного творчества, то неизвестно, какие аспекты творчества будут выявлены дальнейшими исследованиями. Адекватность понимания сущности творчества связана тесно с прогрессирующим характером его развития (на основе такого понимания и должны разрабатываться модели) — адекватно лишь то понимание, которое способствует расширению творческих возможностей человека. Другими словами модели творческого процесса должны представлять собой динамический процесс. Этому условию лучше всего отвечают комбинаторные интерпретации механизма творчества. Ученые, интроспективно анализируя «свои» акты творческой деятельности, чаще всего подчеркивают, что творчество имеет комбинаторную основу. К такому выводу приходили А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, А. Моля и др. Рассматривая творчество в контексте особой разновидности комбинаторной игры, Пуанкаре пишет: «Творчество состоит как раз в том, чтобы не создавать бесполезных комбинаций, а строить такие, которые оказываются полезными» [4, 312]. А. Эйнштейн в письме Ж. Адамару писал, что в его «механизме мышления» явно просвечивается доминирующая роль смутной игры элементов мышления и «эта комбинаторная игра является существенной чертой продуктивного мышления» [5, 80].

В приведенном высказывании Эйнштейна заслуживают внимания три тезиса. Во-первых, он подчеркивает, что речь идет о «моем механизме мышления» — имплицитно присутствует мысль о возможности иных механизмов мышления. Во-вторых, четко проступает мысль о наличии качественно различных «элементов мышления», и в этом случае подразумевается, что у другого ученого возможна иная динамика другого набора элементов мышления. Наконец, в-третьих, признается, что комбинаторная игра элементов мышления является «существенной чертой» творчества. Поражает, прежде всего, точность расстановки акцентов. Эйнштейн корректно и с предельной осторожностью «пробирается» по лабиринтам довольно сложной проблемы. Он интуитивно осознал «сюрпризы» комбинаторного механизма творческого процесса и потому особо отмечает, что «в моем механизме мышления» существенную роль играют неязыковые элементы мышления. А. Пуанкаре в статье «Математическое творчество» представляет комбинаторный механизм творчества следующим образом.

Сферу мыслительной деятельности ученого он представляет в виде «вместилища» элементов мышления. В момент бездействия ума эти элементы неподвижны, как если бы они были подвешены в хаотическом беспорядке на стену данного «вместилища». Как только «запускается» механизм мышления ученого, элементы приходят в беспорядочное движение, и в процессе комбинаторной игры элементов возникают всевозможные сцепления — бессмысленные и полезные комбинации творческих актов.

Комбинаторный подход, как видно из анализа модели Пуанкаре, основывается на допущении, что творчество — динамичная система. Системное рассмотрение творчества переводит, т. е. проецирует проблематику на плоскость плодотворного принципа «упорядочения». При таком подходе можно одновременно говорить и о форме упорядоченности элементов определенной структуры (статический инвариантный аспект системы), и о характере упорядоченности стадий (динамический аспект системы). Отмеченные аспекты принципа упорядоченности адекватно отражаются понятием «система процесса творчества». Научное творчество, таким образом, можно анализировать и как структурное образование (структура — инвариант системы), и как динамическую систему, т. е. в контексте диалектического единства устойчивости и изменчивости.

Для адекватного отображения характера упорядоченности элементов внутреннего содержания творческого процесса целесообразно ввести понятие «творческий акт». Термин «акт» употребляется нами в общепринятом словарном смысле — единичное явление, действие. В понятии творческий акт следует выделить два момента: с одной стороны, данное понятие можно интерпретировать в качестве элемента структуры творческого процесса, а с другой стороны, как стадию (этап, фаза) динамики развития продуктивного мышления. Творческие акты (озарение, воображение, вербализация, догадка и т. д.) — это и элементы структуры творчества, и стадии развертывания процесса творчества. Творчество, в целом, представляет собой совокупность (систему, семейство) творческих актов с разными «модусами» упорядочения внутреннего содержания. Отличительной чертой творческих актов является, на наш взгляд, то, что они представляют «свернутые» формы системы научного творчества. В каждом творческом акте «виртуально» присутствуют другие акты (по аналогии с принципом «всё во всем» в теории элементарных частиц). Творческие акты наделены имманентным свойством «развертываться» при наличии определенных условий в полноценный творческий процесс с актуализацией других актов. Эту особенность можно также передать принципом *pars pro toto* (часть вместо целого). Творчество при такой интерпретации творческих актов является своеобразной «вегетативной системой», когда из любого фрагмента подобной системы «вырастает» при подходящих условиях вся система. Другой чертой данной системы следует признать «комбинаторность» механизма упорядочения, что составляет сущность творческого процесса. Рассмотрим творчество более подробно в аспекте комбинаторики творческих актов. Постараемся выявить достоинства данного подхода.

Творчество, как было отмечено, не есть жесткая система с «застывшей на все времена» внутренней организацией. В каждом конкретном случае в силу действия комбинаторного механизма «развер-

Ф. С. СУЛЕЙМАНОВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ИМАДЕДДИНА НАСИМИ

Политические взгляды одного из идеологов антимоңгольского, антифеодального идеологического течения — хуруфизма — Имадеддина Насими, формировавшиеся в эпоху острой классовой и освободительной борьбы азербайджанского народа против иноземных захватчиков, выражали надежды и чаяния широких народных масс.

Наблюдая окружающую его действительность, Насими понял, что мир, в котором он живет, то есть феодальное общество — это общество жестокого произвола и насилия, социальных несправедливостей, где массы трудящихся гибнут в условиях непосильного труда, чудовищной нужды, нравственного убожества.

Мыслитель не может оставаться пассивным наблюдателем пороков современного ему общества, свидетелем угнетения народных масс. Тяжелая несправедливая жизнь азербайджанского народа под тимуридским игом, жестокая средневековая феодальная эксплуатация вызывают у него чувство протеста против существующего правопорядка, вылившееся в обличительную критику феодального общественного и государственного строя.

С глубоким возмущением говорит Насими о рабском положении простых тружеников, нищенских условиях, в которых живет народ в этом обществе. Обличая феодально-религиозное общество, в котором «забыты добрые законы», процветают алчность, жадность, коварство, подлость, лицемерие, раболепие, мыслитель называет его «больным», «гнилым».

Не ограничиваясь разоблачающей критикой пороков феодального общества, Насими пытается разобраться в корнях социального неравенства в этом обществе:

Почему один все время знает лишь печаль, а другой
не зная горя в радости живет?

Насими, скажи всем, что ты ведаешь о том,
почему тому достаток, а тому — лишь гнет [1, 57].

Раскрывая корни социального неравенства в феодальном обществе, Насими приходит к пониманию расслоения этого общества на имущественно неравные группы — «высшие» (султаны, эмиры, ханы, феодалы, высшие духовные лица) и «бедный народ» (крестьяне, ремесленники и весь остальной бедный люд).

Исходя из идеи равенства людей от природы, мыслитель возмущается тем, что «богачи надменные», ведя паразитический образ жизни, не занимаясь полезным для общества трудом, живут в роскоши и пользуются привилегиями, тогда как «бедные», трудясь всю жизнь, терпят нужду и голод, влачат несправедливое существование.

Материальные блага, считает Насими, должны принадлежать тем, кто их создает. А так как создают их простые труженики, народ, то и принадлежать они должны народу. И общество, в котором трудовой народ лишен их (материальных благ), мыслитель называет «несправедливым».

В угнетенном, несправедливом положении народа мыслитель обвиняет теократическое правление. Критика средневековых правителей-деспотов занимает значительное место в политических взглядах Насими. Мыслитель не называет в своих произведениях конкретных имен шахов, султанов, царей. Тем самым он высказал отрицательное отношение не к определенному деспоту, а к деспотической форме правления вообще. Таким образом, критика эта может быть отнесена, в частности, и к современному ему тимуридскому деспотизму.

В представлении Насими деспот — это жестокий насильник, «погрязший в злых делах». Пользуясь своей неограниченной властью, он присваивает результаты честного труда простых тружеников, обманывает, эксплуатирует их. Атрибутом деспотизма для мыслителя является насилие, произвол по отношению к народу, незаконные.

Критическое отношение мыслителя к деспотам не случайно. Оно связано с пониманием роли, в какой деспоты выступали по отношению к народу, — роли угнетателей, тиранов.

Ставя вопрос об угнетении в целом, Насими выступает тем самым против всяческого угнетения, эксплуатации. Для Насими основа всего — человек, его благо. Добро обеспечивает благо человека, зло делает его существование невыносимым. Отсюда и роль носителя власти — это слуга народа, защитник его прав.

Правитель, в понимании Насими, должен быть просвещенным, гуманным, свобододолюбивым, придерживаться разума, моральных правил. Чтобы управлять страной, правитель должен знать нужды своего народа. «Не может царствовать тот шах, который не был бедняком», — считает мыслитель.

Полагая, что в основе всякого насилия, угнетения лежит стремление к власти, богатству, Насими напоминает корыстным, алчным средневековым правителям, пекущимся о личном обогащении, что «земные блага — суета», а истинное «богатство на земле — талант и знание». Мыслитель советует им заботиться о благополучии всего народа, о процветании страны. Золотая корона (власть), наставляет Насими, не стоит того, чтобы ради нее «терять голову» [2, 11], как это делали борющиеся за власть современные ему властители. Жестоким средневековым правителям, ведущим нескончаемые разорительные войны, мыслитель советует «ничто не разорять» и полагаться в решении дел не на силу оружия, а на силу разума, не превращать насилие, войну в свое ремесло.

Советы и наставления, предостережения правителям, встречающиеся в произведениях Насими, позволяют заключить, что в определенный период творчества он приходил к мысли о преимуществах правления просвещенного монарха перед деспотом, что политическим идеалом мыслителя была просвещенная монархия. Известны также исторически имевшие место попытки хуруфитов, убедить современных им правителей в правоте выдвигаемых хуруфизмом требо-

ваний и положений. Однако особых надежд на такой путь улучшения положения народа Насими, видимо, не возлагал.

Поняв бесполезность обращения к монархам с наставлениями и советами об улучшении положения народа, устранении несправедливости, мыслитель пишет:

Сам исходи, сам обыщи все страны в двух мирах.
Навряд ли край такой найдешь, где правит мудрый шах,
Который был бы милосерд не только на словах [3, 71].

Уверенный в том, что притеснение, гнет не могут оставаться безнаказанными, Насими не ограничивается более наставлениями правителям. Он грозно предупреждает их о том, что «приходит предвестие мессии» (Махди), «раздастся скоро судный глас, на страшный суд сзывая». Учение о Махди, занимавшее основное место в идеологии антифеодальных народных движений, за установление общественной справедливости «служило осуществлению социальных идеалов и хуруфизма, о чем свидетельствует вся политическая деятельность движения хуруфитов» [4, 234]. Определенное место они занимают и в социальных взглядах Насими.

Убедившись в бессмысленности взывания к разуму и совести средневековых правителей, мыслитель обращается непосредственно к народу. Раскрывая пороки феодального общества, Насими призывает массы «восстать ото сна» и «встать на единственно верный путь» — на путь хуруфитов. Он призывает их объединиться под знаменем хуруфизма, который в ту эпоху «был одним из идеологических опор для борющихся против феодального и иноземного гнета масс» [5, 228].

Согласно хуруфизму, народные массы терпят рабскую жизнь, подчиняются деспоту потому, что в их умах господствует суеверие и фанатизм. Если преодолеть их (суеверие и фанатизм), то народные массы начнут задумываться над своим бесправным положением, поймут несправедливость существующих отношений, придут неизбежно к выводу о необходимости их изменения и создания нового справедливого общества. Размышляя над самим собой, человек дойдет до понимания того, что для устранения социальных несправедливостей необходимо действовать практически. В этом и состояла общественная сущность, революционное качество хуруфизма [6, 13].

«История хуруфизма — это история постоянных выступлений против господствующей власти» [7, 234], против ненавистного тимуридского гнета, олицетворявшего все зло эпохи. Согласно хуруфизму, просвещение народа, распространение знаний, помощь в ликвидации в массах суеверия и фанатизма, посеянных религией, способствуют уничтожению религии и означают в то же время уничтожение деспотизма. Громадную роль в деле распространения в народе свободлюбивых идей хуруфиты отводили руководителю, вождю (мюршиду) примером чему служил обожествляемый ими Фазл (Фазуллах Наими, создатель учения хуруфизма).

Благородной задаче «возглашения людям Вечной правды», распространению среди народа идей хуруфизма посвятил свою жизнь Насими. Исходя из этого просветительство Насими следует рассматривать в какой-то мере как практическое осуществление задач хуруфизма по переустройству общества.

Выступления мыслителя с позицией хуруфизма за религиозное раскрепощение человеческого сознания, разума, воли, поведения сталкивались, прежде всего, с господствующим средневековым общественным сознанием, в частности с исламской религиозной идеологией.

Для человека незаурядных знаний, наблюдательного, пытливого ума, задумывающегося над причинами и следствиями происходящих в мире событий, прекрасно разбиравшемуся во всех догматах ислама, его истории, — такого, как Насими, — не остались незамеченными беспочвенность исламской религии, бессмысленность ее догм о могущественном, справедливом, карающем Аллахе и царящие вокруг (в разоблачении исламских духовных лиц — этих «злых факихов», «неверных», «лицемерных», «святош» и «ханжей», иначе говоря, борьба против религии (церкви) — этого «наиболее общего синтеза и становится одним из главных направлений просветительской деятельности мыслителя.

Здравый смысл, глубокий аналитический ум не позволяют Насими верить в призрачное учение об аде и рае. Называя вымыслы о загробных благах «нелепым бредом», он пытается разъяснить народу, что за «пустые обещанья мир земной отдать нельзя», что во власти человека только земная реальная жизнь и потому нужно — «здесь слабых кормить, замерзших обогреть» [9, 232]. Высказывая критическое отношение к догмам ислама, он беспощадно клеймит фанатизм исламского духовенства, которое, как считает мыслитель, пользуясь невежеством масс, распространяет в народе «жалкие», «убогие» мысли, отсталые, «засохшие» идеи. Все эти муджахиды, шейхи, имамы, факихи и прочие проповедники ислама, отмечает Насими, «мошенники», «обманщики», «шарлатаны». Очень метко и выразительно характеризует мыслитель служителей ислама обобщающим словом «захид» (так в средние века называли духовных лиц, превративших религию в источник дохода). Следует отметить, что «...критика несоответствия этического учения ислама практическому выполнению его моральных норм теми, кто должен был стоять на страже религии, в первую очередь, исламскими властителями и духовенством, будучи рациональна и исторически целесообразна, нашла широкое отражение в произведениях представителей прогрессивной идеологии средневекового исламского Востока и Насими в том числе» [10, 48—49].

Разоблачение исламского духовенства подводит Насими к мысли, что духовенство сеет в массах фанатизм и суеверие, чтобы держать народ в повиновении правителям, всему господствующему классу «высших». Критика ислама наводит Насими на мысль об одинаковой роли и назначении всех религий. Поняв реакционную роль исламского духовенства (религии), место его в укреплении феодального общественного строя, мыслитель правильно решает, в основном, вопрос о взаимоотношении светской и духовной властей в феодальном обществе. Он понимает, что связь эта основана на общности их интересов.

Беспощадная критика исламского духовенства, приводя в ужас служителей ислама, подвергавших Насими бесконечным гонениям,

Своим гневным протестом против жестокого феодального гнета, против господствующей исламской идеологии, Насими, веривший, что «скоро конец будет бедам», объективно призывал к борьбе за переустройство современного ему «несовершенного» общества. Уверенность мыслителя в необходимости и возможности построения нового общества помогала ему отойти от пустых стенаний и выдвинуть идею о необходимости активной борьбы за переустройство общества, при- зывать каждого принять участие в этом переустройстве:

Ты корень мира, вырвав прочь, по-своему согни [12, 74].

Залогом построения нового общества являлась глубокая вера мыслителя в творческие, созидательные силы обожествляемого им «мудрого», «здорового» человека, целью жизни которого, в противовес средневековой теологической трактовке человека, являлось осмысление себя, защита своих человеческих прав, борьба с социальным неравенством. Отношение Насими к человеку, трактовка им человека «...дают основание причислять его к плеяде замечательных представителей гуманистической идеологии XIV—XVI вв., в центре которой стоял человек, отличавшийся своей целеустремленной деятельностью, героизмом, человек-мыслитель, человек-творец» [14, 19].

Политические идеалы Насими (и хуруфитов), отличающиеся своей оппозиционностью существующему строю и демократической направленностью, были ограничены историческими условиями средневековья. Будучи продолжением демократической идеологии азербайджанских мыслителей, они явились в то же время новой страницей в истории идеологической мысли не только Азербайджана, но и всего исламского Востока.

112

545-8

И. А. АЛИЕВ

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС ВЕРХОВНОГО СОВЕТА НАХИЧЕВАНСКОЙ АССР

Конституционный статус Верховного Совета Нахичеванской АССР вытекает из конституционного статуса автономной республики, который в свою очередь обуславливается обладанием автономной республикой комплексом основных признаков государства. Советской автономной республике свойственны такие государственно-правовые признаки, характерные для государства, как наличие своей конституции, высших органов государственной власти и управления, осуществление законодательной деятельности, территориальное верховенство, гражданство. Гражданин автономной республики является гражданином союзной республики, в состав которой входит АССР, и Союза ССР.

В советской литературе по государственному праву прошлых лет некоторые авторы оспаривали государственно-правовую природу советской автономной республики, считали ее не государством, а лишь административно-территориальной частью союзной республики, осуществляющей в пределах, определенных союзной республикой, самоуправление [1]. Такой взгляд на автономную республику еще в тот период не соответствовал конституционному статусу автономной республики, а сегодня, когда действующее советское конституционное законодательство четко характеризует автономную республику как советское социалистическое государство в составе союзной республики, является совершенно неприемлемой, противоречащей юридической природе АССР [2].

На современном этапе развития единого советского многонационального государства широко раскрылись государственно-правовые качества советской автономной республики как социалистического государства. И как совершенно правильно отмечает Б. Л. Железнов, «...статус АССР как государства, установленный конституционным законодательством, — это объективная правовая реальность, поскольку и сама Советская Конституция представляет собой правовой эквивалент реальной действительности фактических отношений в обществе» [3, 33—34].

Другим исходным положением при исследовании конституционного статуса автономной республики, а следовательно и ее высшего представительного органа государственной власти является то, что автономная республика, будучи социалистическим государством, существует не обособленно, а находится в составе союзной республики и через нее входит в Союз ССР — единое союзное многонациональное государство.

Именно наличием двух начал в статусе автономной республики: государственной природы в целом и специфики государства, находя-

щегося в составе союзной республики, а через нее в составе Союза ССР объясняется то, что основы правового положения автономных республик определяются Конституцией СССР, а на ее основе — более развернуто — в конституциях союзных республик, в состав которых входят автономные республики, и подробно — в конституции самой автономной республики. В Конституции СССР автономной республике посвящена отдельная глава (глава 10, ст. 82—84). Соответствующая ей глава 8 (ст. 79—82) Конституции Азербайджанской ССР называется «Нахичеванская Автономная Советская Социалистическая Республика», поскольку это единственная автономная республика в составе Азербайджанской ССР.

Характерно, что в нормах союзной Конституции фиксируются вхождение автономных республик в состав союзной республики, пределы ее самостоятельности в решении вопросов ведения автономной республики, гарантии ее автономного статуса, перечисляются все автономные республики, входящие в каждую из союзных республик. И поскольку автономная республика входит в состав союзной республики, то именно поэтому конституция союзной республики закрепляет ее статус как социалистического государства. «Нахичеванская АССР, — говорится в статье 79 Конституции Азербайджанской ССР, — есть советское социалистическое государство в составе Азербайджанской ССР».

На современном этапе существенно расширились конституционное регулирование статуса автономной республики, значительно усовершенствована система самой конституции автономной республики. В ней полнее регулируются наиболее важные внутригосударственные отношения.

Принципиально важным для характеристики Нахичеванской АССР как социалистического государства является закрепление в Конституции СССР, а в соответствии с ней в Конституции Азербайджанской ССР и Конституции Нахичеванской АССР положения о том, что Нахичеванская АССР вне пределов прав Союза ССР и Азербайджанской ССР самостоятельно решает вопросы, относящиеся к ее ведению. Это конституционное положение существенно развивает государственно-правовую природу автономной республики, придает ей качественную определенность. Оно подчеркивает, что автономная республика в установленных пределах осуществляет государственную власть самостоятельно, а не началах самоуправления. Самоуправление, как известно, осуществляется в пределах и обычных административно-территориальных образований.

Вопросы ведения автономной республики представляют собой комплекс ее полномочий во всех сферах государственной и общественной жизни. И важно отметить, что все вопросы, подлежащие ведению автономной республики в лице их высших органов государственной власти и управления, определяются самой автономной республикой в ее конституции.

Вопросы ведения Нахичеванской АССР, охватывающие широкий круг полномочий в области государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, подробно зафиксированы в главе 6 Конституции Нахичеванской АССР. Среди этих полномочий можно выделить такие, которые обеспечивают статус автономной республики как советского государства: право территориального вер-

ховенства Нахичеванской АССР, право принимать и изменять свою Конституцию, осуществлять контроль за ее соблюдением, право осуществлять законодательство, право устанавливать порядок организации и деятельности республиканских и местных органов государственной власти и управления. Эти полномочия, характеризующие государственно-правовую природу автономной республики, по нашему мнению, не могут быть изъяты из ее компетенции.

К ведению Нахичеванской АССР ее Конституция относит широкий перечень прав в области руководства народным хозяйством и социально-культурным строительством. Причем, в отличие от предыдущей, ныне действующая Конституция Нахичеванской АССР предусматривает помимо этого перечня решение и «других вопросов республиканского значения», что существенно расширяет содержание компетенции АССР.

Для характеристики государственно-правовой природы автономной республики вообще, и Нахичеванской АССР в частности, важное значение имеет закрепленное в Конституции СССР (ст. 83), Конституции Азербайджанской ССР (ст. 80) и Конституции Нахичеванской АССР (ст. 65) положение об участии Нахичеванской АССР в решении вопросов, отнесенных к ведению СССР и Азербайджанской ССР, в Верховном Совете СССР, в высших органах государственной власти и управления Азербайджанской ССР, а также в других органах Азербайджанской ССР. Это положение, являющееся ярким выражением развития социалистической демократии в области национально-государственного строительства, способствует, во-первых, всестороннему учету союзными и республиканскими (союзной республики) органами специфических запросов и интересов автономной республики, во-вторых, привлечению автономной республики к постоянному участию в делах Союза ССР и союзной республики. Этой же цели служат зафиксированные в указанных статьях конституций положения о том, что АССР обеспечивает комплексное экономическое и социальное развитие на своей территории, способствует осуществлению на этой территории полномочий СССР и союзной республики, проводит в жизнь решения их высших органов государственной власти и управления. Здесь же закреплены контрольные и координационные полномочия АССР по вопросам, относящимся к ее ведению, в отношении деятельности находящихся на ее территории предприятий, учреждений и организаций союзного и республиканского (союзной республики) подчинения.

Таким образом, действующие советские конституции (СССР, союзной республики, АССР) более полно, чем прежние, закрепляют государственный статус автономной республики и возросшую самостоятельность автономной республики в его реализации, что отражает повышение роли автономных республик в функционировании единого советского многонационального государства, развитие ленинских принципов федерации и автономии в советском национально-государственном строительстве. На примере Нахичеванской АССР и всех других автономных республик жизнь наглядно подтвердила гениальную ленинскую идею о том, что «такая автономия несколько не противоречит демократическому централизму, напротив, лишь посредством автономии областей в большом и пестром по национальному

составу государстве можно осуществить действительно демократический централизм» [4, 71].

Конституция Нахичеванской АССР, определяя вопросы ее ведения (ст. 68), указывает на то, что они осуществляются высшими органами государственной власти и управления автономной республики. Именно эти органы непосредственно реализуют компетенцию автономной области, решают в пределах этой компетенции все вопросы республиканского (АССР) значения.

Особая роль в осуществлении компетенции автономной республики принадлежит ее высшему представительному органу государственной власти — Верховному Совету Нахичеванской АССР. Это обусловлено, прежде всего, тем, что Верховный Совет Нахичеванской АССР является составным звеном единой системы представительных государственных органов — Советов народных депутатов, составляющих политическую основу СССР, через которые народ осуществляет принадлежащую ему государственную власть.

Советы народных депутатов — главная форма осуществления социалистического народовластия в нашей стране, сущность которого состоит в том, что народ вручает всю полноту государственной власти своим выборным представителям, являющимся ответственными перед ним, подконтрольными ему, осуществляющим от имени народа как единственного субъекта государственного властвования государственную волю народа, обеспечивающего ее проведение в функции верховного государственного руководства, формирующего жизнь на основе принципа демократического централизма, составляющего основу всего государственного механизма. Советы народных депутатов «как прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли» [5, 381], являются «постоянной и единственной основой всей государственной власти» [6, 500].

Единство системы Советов не означает отсутствия различий между ее отдельными звеньями. По специфике своего правового статуса, по месту в этой системе, по роли в осуществлении функций государства, по объему компетенции, по территории действия системы Советов народных депутатов подразделяется на две группы — высшие и местные органы государственной власти. Система высших органов государственной власти строится с учетом федеративной природы единого советского союзного многонационального государства и наличия в ряде союзных республик автономных государств. Все высшие органы государственной власти — Верховные Советы — это общегосударственные органы, действующие в масштабе всего соответствующего государства — Союза ССР, союзной, автономной республики. Все они обладают верховенством в пределах соответствующего государства; им как представительным органам всего народа данного государства присуща полнота власти; они выражают общегосударственную волю, осуществляют законодательную деятельность [7].

Высшим органом государственной власти Нахичеванской АССР — социалистического общенародного государства — является Верховный Совет Нахичеванской АССР. Правовое положение Верховного Совета Нахичеванской АССР определяется в основных чертах в Конституции СССР (гл. 18, ст. 143—144), в Конституции Азербай-

джанской ССР (гл. 15, ст. 131—132) и более подробно — в Конституции Нахичеванской АССР.

Верховный Совет Нахичеванской АССР возглавляет всю систему государственных органов автономной республики, в том числе и ее важнейшую часть — представительные органы государственной власти — Советы народных депутатов, через которые народ республики осуществляет принадлежащую ему государственную власть. Верховный Совет Нахичеванской АССР в пределах своих полномочий при необходимости может вносить изменения в систему государственных органов автономной республики. Он объединяет и направляет деятельность всей системы органов государственной власти АССР.

Являясь высшим органом народного правительства автономной республики, Верховный Совет Нахичеванской АССР выступает выразителем государственной воли народа республики, его полновластия. Избирая его, народ автономной республики вручает ему высшую государственную власть, обеспечивая Верховному Совету верховенство над всеми другими органами АССР [8, 10].

Природа Верховного Совета Нахичеванской АССР как высшего органа подлинно народного представительства выражается в порядке его формирования, в его составе, принципах деятельности, подотчетности народу. Он избирается народом республики самым демократическим путем на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. В нем представлены все социальные группы населения республики. Из 110 депутатов Верховного Совета Нахичеванской АССР последнего созыва, избранного 24 февраля 1985 г., рабочие составляют 39,1 процента, колхозники — 13,6 процента, члены и кандидаты в члены КПСС — 62,7 процента, беспартийные — 37,3 процента, женщины — 48,2 процента. Депутатов в возрасте до 30 лет избрано 33,6 процента. Состав депутатов обновился на 65,4 процента [9].

Избранный народом автономной республики из представителей народа. Верховный Совет Нахичеванской АССР обладает всей полнотой власти в решении вопросов государственной, экономической и социально-культурной жизни республики, отнесенных к ведению автономной республики Конституцией СССР, Конституцией Азербайджанской ССР и Конституцией Нахичеванской АССР. Это принципиально важное для статуса Верховного Совета Нахичеванской АССР положение зафиксировано не только в Конституции автономной республики (ст. 92), но и в Конституции Азербайджанской ССР (ст. 131), что является высшей юридической гарантией верховенства Верховного Совета Нахичеванской АССР в системе государственных органов автономной республики. Оно обеспечивает Верховному Совету Нахичеванской АССР полномочия принять к своему рассмотрению и решать любой вопрос, отнесенный к компетенции подотчетных ему и других государственных органов автономной республики. Никакой другой орган Нахичеванской АССР не обладает такими полномочиями.

Весьма важным является установление в указанных статьях Конституции Азербайджанской ССР и Нахичеванской АССР исключительных полномочий Верховного Совета автономной республики, в которых также проявляется полнота власти высшего органа АССР.

Это — принятие Конституции Нахичеванской АССР, внесение в нее изменений [10]; утверждение государственных планов экономического и социального развития, государственного бюджета Нахичеванской АССР и отчетов об их выполнении; образование подотчетных ему органов.

Как видно, исключительные полномочия высшего органа государственной власти Нахичеванской АССР охватывают решение исключительно важных государственных и социально-экономических вопросов. При этом следует отметить, что содержание исключительных полномочий Верховного Совета Нахичеванской АССР, определенных в статье 92 Конституции Нахичеванской АССР, определяется в ряде других ее статей, в частности в ст. 108 (образование Комитета народного контроля АССР), ст. 111 (образование Совета Министров АССР), ст. 137, 140, 141 (утверждение государственного бюджета АССР и отчетов об их выполнении (ст. 144), избрание Верховного суда АССР. Верховный Совет Нахичеванской АССР не только формирует подотчетные ему государственные органы, но и определяет их компетенцию как актом принятия Конституции — основного закона АССР, так и путем издания соответствующих обычных законов.

Анализ конституционных норм и сложившейся практики деятельности Верховного Совета показывает, на наш взгляд, что определенный Конституцией перечень вопросов исключительной компетенции Верховного Совета Нахичеванской АССР нуждается в дополнении. Представляется, что установление порядка выборов в Верховный Совет, принятие Регламента Верховного Совета Нахичеванской АССР, решения по запросам его депутатов следует отнести к исключительному ведению Верховного Совета. Думается также, что закрепленное в ст. 108 Конституции Азербайджанской ССР право законодательной инициативы Нахичеванской АССР в Верховном Совете Азербайджанской ССР принадлежит исключительно Верховному Совету Нахичеванской АССР, являющемуся единственным высшим органом государственной власти автономной республики.

Важнейшей конституционной гарантией полноты власти Верховного Совета Нахичеванской АССР является его полномочие осуществлять законодательство автономной республики. Согласно ст. 92 Конституции Нахичеванской АССР законы Нахичеванской АССР принимаются Верховным Советом АССР. Выделение в советских конституциях функции издания законов как прерогативы исключительно высших органов народного представительства вытекает из ленинского принципа «...только выборные могут говорить государственным языком» [11, 109]. В законах, принимаемых Верховным Советом АССР, находит свое выражение государственная воля народа автономной республики, что и определяет их высшую юридическую силу, верховенство в системе всех правовых актов, издаваемых высшими органами государственной власти и управления АССР.

Законодательство является одной из основных форм и направлений деятельности Верховного Совета. Путем издания законов — высшей нормотворческой деятельности — Верховный Совет Нахичеванской АССР осуществляет верховное государственное руководство и управление автономной республикой, обеспечивая стабильное пра-

новое регулирование важнейших общественных отношений. Законы Нахичеванской АССР, как и законы СССР и Азербайджанской ССР, обязательны на территории автономной республики (ст. 67, 92 Конституции Нахичеванской АССР).

Вопросы, по которым законодательствует Верховный Совет Нахичеванской АССР, конституционно не установлены. Представляется, что в пределах ведения автономной республики Верховный Совет может принять закон по любому вопросу, требующему законодательного решения. Принятый Верховным Советом Нахичеванской АССР и закон не подлежит утверждению органами Азербайджанской ССР и не может быть ими аннулирован. С принятием новых конституций законодательная деятельность Верховного Совета Нахичеванской АССР значительно расширилась. Им приняты законы о выборах в Верховный Совет, о порядке отзыва депутата Верховного Совета Нахичеванской АССР, регламент Верховного Совета Нахичеванской АССР, о Совете Министров Нахичеванской АССР и др. Законами Нахичеванской АССР утверждаются государственный план экономического и социального развития и государственный бюджет автономной республики.

Верховное руководство и управление автономной республикой Верховный Совет Нахичеванской АССР осуществляет не только посредством принимаемых им законов, но и путем рассмотрения и решения наиболее важных вопросов управления экономическим и социально-культурным строительством. Анализ деятельности высшего представительства органа власти автономной республики показывает, что в последние годы им все больше рассматриваются вопросы, связанные с развитием различных отраслей экономики, улучшением дела охраны и рационального использования природных ресурсов, культурного и бытового обслуживания населения и многие другие.

Широкими полномочиями обладает Верховный Совет Нахичеванской АССР в осуществлении контроля за деятельностью государственных органов автономной республики, что нашло свое закрепление в ст. 108 Конституции АССР, положения которой получили развитие в специальной главе Регламента Верховного Совета АССР. В ней определяется, что Верховный Совет Нахичеванской АССР непосредственно и через создаваемые им органы осуществляет контроль за соблюдением и проведением в жизнь государственными и общественными организациями Конституций СССР, Азербайджанской ССР и Нахичеванской АССР, законов и иных решений высших представительных органов государственной власти СССР, Азербайджанской ССР и Нахичеванской АССР, за выполнением государственных планов экономического и социального развития и государственного бюджета Нахичеванской АССР, за деятельностью всех подотчетных Верховному Совету Нахичеванской АССР государственных органов.

Кроме того, как это следует из ст. 83 Конституции СССР, ст. 80 Конституции Азербайджанской ССР и ст. 65, 92 Конституции Нахичеванской АССР, Верховный Совет Нахичеванской АССР полномочен по вопросам, относящимся к ведению автономной республики, контролировать деятельность расположенных на территории АССР учреждений и организаций союзного и республиканского (Азербайджанской ССР) подчинения.

Деятельность Верховного Совета Нахичеванской АССР по формированию высших государственных органов АССР, по рассмотрению и решению конкретных вопросов хозяйственного и культурного строительства, равно как и его контрольная деятельность находят свое выражение в издании постановлений, которые по своим юридическим свойствам бывают нормативными актами и ненормативными. При дической силой и являются важнейшими в системе правовых актов автономной республики [12, 557].

Таким образом, конституционный статус Верховного Совета Нахичеванской АССР, характеризуя его как неотъемлемую органическую часть единой системы Советов народных депутатов, определяет ведущую роль высшего представительного органа государственной власти автономной республики в реализации компетенции Нахичеванской АССР — социалистического государства, входящего в состав Азербайджанской ССР в единое союзное многонациональное государство — СССР.

Примечания

¹ См.: *Левин И. Д.* Советская федерация — государственно-правовая форма разрешения национального вопроса в СССР. — В сб.: *Вопросы советского государства и права, 1917—1957 гг.* М.: Изд-во АН СССР, 1957; с. 244; *Златопольский Д. Л.* Государственное устройство СССР. — М., 1960, с. 216.

² Не являясь правовой реальностью и имевшиеся в литературе суждения об обладании АССР государственного суверенитета.

³ *Железнов Б. Л.* АССР — высшая форма Советской автономии. — Казань, 1984.

⁴ *Ленин В. И.* К вопросу о национальной политике. — Полн. собр. соч., т. 25.

⁵ *Ленин В. И.* К истории вопроса о диктатуре. — Полн. собр. соч., т. 41.

⁶ *Ленин В. И.* I Конгресс Коммунистического Интернационала. — Полн. собр. соч., т. 37.

⁷ См.: *Советское государственное право.* — М., 1978, с. 293, 295; *Советское государственное право.* — М., 1980, с. 401.

⁸ *Кутафин О. Е.* Верховные Советы автономных республик. — М., 1973.

⁹ См.: *Бакинский рабочий*, 1985, 1 марта.

¹⁰ Принятие и изменение Конституции Нахичеванской АССР производится без последующего утверждения Верховным Советом Азербайджанской ССР, как это предусматривалось в ранее действовавших конституциях Азербайджанской ССР и Нахичеванской АССР, что свидетельствует о развитии государственного статуса Нахичеванской АССР.

¹¹ *Ленин В. И.* Доклад о праве отзыва на заседании ВЦИК 21 ноября (4 декабря) 1917 г. — Полн. собр. соч., т. 35.

¹² *Советское право.* — М., 1980.

И. А. Әлијев

НАХЧЫВАН МССР АЛИ СОВЕТИНИН КОНСТИТУСИЈА СТАТУСУ

Магаләдә гүвәдә олан Конститусија ганунверичилијини тәһлили эсасында Нахчыван МССР дәвләт-һүгүт маһијәти, Нахчыван МССР Али Советинин өлкәмиздәки халг депутатлары Советләринин ваһид системиндә тутдуғу јери һаггында бәһс едилир. Бурада Нахчыван МССР Али Советинин Мухтар республика сәләһијјәтинин һәјата кечирилмәсиндәки апарычы ролуна бәјүк диггәт јетирилир. Муәллиф Нахчыван МССР Али Советинин мустәсна сәләһијјәти мәсәләләрини тәдғиг едәрәк бу сәләһијјәтин аһа-тә даирәсинин артырымасы барәсиндә бир сыра тәклифләр ирәли сүрүр. Али Советин сәләһијјәтинин һәјата кечирилмәсиндә, онун ганунверичилик һәмчинин она һесабат верән органларын ишинә рәһбәрлик вә нәзарәт етмәк сәһәсиндә фәалијјәтинин хүсуси ролу гејд олунур.

ӘБҮЛФӘЗ РӘҺИМОВ

МӘҮЛҮМАТ

АЗЭРБАЙҶАН АЛИМ ВӘ ШАИРЛӘРИНИН ӘСЭРЛӘРИ САРАЈЕВО КИТАБХАНАЛАРЫНДА

1985-чи илин ахырларында АзәрбајҶан ССР ЕА академики З. М. Бүнјадов бизә билдирди ки, проф. Е. Бирнбаум өз мәҗаләләринин бириндә Фүзулинин өлүмүндән 2 ил әввәл үзү көчүрүлмүш диванынын Сарајево шәһәриндәки Газы Хосров бәј (1480—1541) китабханасында, Нәсим күллијатынын исә Скопје университетинин китабханасында сахланылдығыны јазмышдыр.

Фүзулинин сағлығында 1552-чи илдә үзү көчүрүлмүш Маниса нүсхәси истисна олмағла¹, һәтта өлүмүндән бир нечә ил сонра үзү көчүрүлмүш диванынын әлјазма нүсхәләри елм әләминә мәҮлум дејилди. Белә бир әлјазма нүсхәси шаирин лирик ше’рләринин елми-тәнғиди мәтнинин һазырланмасында мүстәсна әһәмијјәтә малик ола биләрди². Нәмчинин әлјазмаларын мұһафизә едилдији дүнја китабханаларында Нәсими диванынын әлјазма нүсхәләринин сахланылдығы мәҮлум иди. Күллијатларда исә шаирин бүтүн әсәрләри топландығындан белә әлјазма нүсхәләри һәр һансы бир шаирин, о чүмләдән дә Нәсиминин һәјат вә јарадычылығыны даһа әтрафлы өјрәнмәк үчүн олдуғча ғијмәтлидир.

Канаданын Торонто университетинин профессору Е. Бирнбаум илә (түрк әдәбијјаты тарихи үзрә мүтәхәссидир) мәктублашдығымыз вә китаб мұбадиләси етдијимиз үчүн проф. Е. Бирнбаума мәктуб јазарағ, түркдилли әлјазмалардан бәһс едән мәҗаләләрини бизә көндөрмәсини хаһиш етдик. Аз мүддәтдән сонра 5 мәҗаләсини алдым. Нәмин мәҗаләләрдә ССРИ, Иран, Түркіјә, Һиндистан, Мачарыстан, Инкилтәрә, Франса вә с. өлкәләрин китабханаларында сахланылан түркдилли әсәрләрин әлјазмалары һағгында үмуми мәҮлумат верилирди. Мәҗаләләрин бириндә Југославија, Болгарыстан вә Румынија китабханаларында сахланылан әлјазмалардан бәһс олунаркән һәгигәтән Фүзулинин өлүмүндән 2 ил әввәл үзү көчүрүлмүш бир әлјазманын Сарајево шәһәриндәки Газы Хосров бәј китабханасында сахланылдығы јазылмышды. Фүзулинин 963/1566-чы (мәтбәә хәтәсыдыр, 1556 олмалыдыр) илдә вәфат етдијини көстәрән мұәллиф чыхарышда 2506 №-ли әлјазманын 1068/1657—58-чи илдә көчүрүлдүјүнү гејд етмишди.³ Нә исә бир аңлашылмазлығ вар иди.

Республикамызда харичи өлкәләрә елми е’зәмијјәтә көндөрилмәјин чәтинлијини нәзәрә аларағ, турист кими Југославијаја кетмәји гәрара алдым... 8 јул 1986-чы илдә ахшам Сарајево шәһәринә кәлдик. Бир күн Сарајевода ғалмалы, сонра исә башға шәһәрә кетмәли идик. Ијулун 9-да әввәлчә Газы Хосров бәј китабханасына кејдиб өзүмү тәғдим етдим. 1966—1986-чы илләрдә Москванын «Наука» нәшријјатында чап етдирдијим АзәрбајҶан шаир вә тарихчиси Хачә Зејналабидин Әли Әбди бәјин (1515—1580) 10 поемасыны вә Бәдр Ширванинин (1387—1450) диваныны китабханаја бағышладым. Китабханаја кәлмәјимин сәбәбини билдир-

дим вә проф. Е. Бирнбаумун мәҗаләсиндә гејд едилән 2506 №-ли Фүзули диванынын әлјазмасыны мәнә көстәрмәләрини хаһиш етдим. Китаб-III вәрәгдән ибарәт олан әлјазманын әввәлиндә Фүзулинин ана дилиндә јаздығы гәзәлләр, сонунда, исә рүбаиләр о гәдәр дә көзәл олмајан, бә’зәп шикәстә хәттилә, ғарышығ нәстә’лиғ хәттилә көчүрүлмүшдү. Әлјазманын сонунда онун 1068/1657—58-чи илдә көчүрүлдүјү гејд едилмишди. Әлсәһифәнин һашијәсиндә хәтат бир бејт фарсча (тәрчүмәси—сатычы мүштәридән ғијмәтиндән артығ тәләб едәр, катиб баханлардан дуа тәләб едәр) вә бир бејт дә өзү илә әлағәдар јазмышдыр:

Хәттимн ашүфтә көрсән еј бәјим, ејб ејләмә,
Қим зәманә кәрдишиндән хатирим хүррәм дејил.

Еһтимал едирик ки, проф. Е. Бирнбаум әлјазманын Фүзулинин вәфатындан 102 ил сонра көчүрүлдүјүнү јазмыш, ја мәтбәә хәтәсы, ја да мишдир. Әлбәттә, бу барәдә һөрмәтли профессор нөвбәти мәктубумуз-бунда бу һағда јазмышдыр:

«2506 №-ли Фүзули «Диван»ы әлјазмасынын истинсах тарихи 1068 олдуғу дипнотда гејд етмишдим. Буна ғаршылығ үсгәки текстдә бу әлјазма «Фүзули [ки—963—970 вәфат етмиш]нин вәфатындан 2 сәнә әввәл истинсах едилмиш» дејә гејд едилир. Тәбии текстдәки бу сөзләр мүтләғә мә’насыздырлар! Затән бамбашға бир мұәллифин бу әлјазмасына анд! Охучулардан үзүр дилерим».

Скопједәки «Нәсими күллијјаты». 1980-дә бу китабханада јаздығым гејдләримә бахдым:

«Т II 99. Нәсими күллијјаты. Истинсах тарихи вә јери јохмуш. 319 вәрәғи вар».

2506 №-ли әлјазманын Фүзулинин вәфатындан 102 ил сонра көчүрүлдүјү вә фүзулишүнаслығда о гәдәр дә бөјүк әһәмијјәтә малик олмалығыны нәзәрә аларағ, онун анчағ илк вә сон сәһифәләринин сурәтләрини чыхартдырдым.

Газы Хосров бәј китабханасындакы әдәби вә тарихи әсәрләрин каталоғу чап олунамадығы үчүн хаһиш етдим ки, нәмин әлјазмаларын картотекаларыны версинләр бахым. Китабхананын дикәр ишчиси Сүләјман лүтфкарлығла хәһишимизи јеринә јетирди. 1062 нөмрәси алтында Нәсими диванынын сахланылдығы гејд едилмишди. Әлјазманын кәтирилмәсини хаһиш етдим. 157 вәрәгдән ибарәт олан әлјазмада, әсасән, шаирин ана дилиндә јаздығы ше’рләр топланылмышды. Әлјазма сәлиғәсиз вә нисбәтән кобуд нәстә’лиғ хәттилә Сарај (Сарајево) шәһәри сақини Әли ибн Чәфәр тәрәфиндән 1167 (1753—54-чү илдә көчүрүлмүшдүр. Илк таһышлығдан әлјазмада олан рүбаиләрин (тујуғларын) Нәсиминин чап олунамуш тујуғларындан чоһ олдуғуну вә әлјазманын Сарајевода көчүрүлдүјүнү нәзәрә аларағ, онун ксеросурәтинин чыхарылмасыны хаһиш етдим. Ксеросурәт чыхаран Зејнил (биздә Зејнал адынын ејндир) бөјүк лүтфкарлығла Нәсими диванынын сурәтини чыхарыб бизә бағышлады.

Скопјә (кечмиш Үскүб) кетмәдијимиз үчүн проф. Е. Бирнбаумун гејд етдији Нәсими күллијјатыны көрә билмәдим. Анчағ Мустафа Јаһич-

дән хәһиш етдим ки, һәмни әлјазманын сурәтнин чыхартдырыб бизим үчүн көндәрсин.

Газы Хосров бәј китабханасында 50 минә гәдәр сәнәд, әлјазма, китаб, журнал вә с. сахланылыр. Китабхананын әсасыны 1521-чи илдә Боснијанын валиси олмуш Газы Хосров бәј гојмушдур. Үзәриндә онун тәрәфиндән вәғф едилмәсән барәдә шәхси гејдләри олан әлјазмалар инди да китабханада сахланылмагдадыр.⁴

Сарајево һазырда Босније вә Герсеговина Сосиалист республикасынын пајтахтыдыр. Бақы илә гардашланмыш шәһәрди. 1979-чу илдә АДҮ илә Сарајево университети арасында әмәкдашлыг барәдә програмимзаланмышдыр.⁵

Кичик бир гәсәбә олан Вһробосна 1436-чы илдә түркләр тәрәфиндән ишғал едилдикдән сонра оранын илк һакими Исһаг бәј оғлу Газы Иса бәјин (1463—1470) бурада тикдирдији сарајла әлагәдар олараг Сарај бәјин (1463—1470) бурада тикдирдији сарајла әлагәдар олараг Сарај адланмышдыр. Шәһәрин иккишафы кенишләнмәсән вә тарихи абидәләрдә зәнкилләшмәсән Газы Хосров бәјин ады илә бағлыдыр. Хосров бәј тәхминән 1480-чи илдә анадан олмушдур. Атасы Фәһһад бәј Герсег вә Требинјанын кнјазы Радивојун гоһуму олмуш вә 1485-чи илдә мұһарибәдә өлдүрүлмүшдүр. Анасы Сәлчуг султан II Султан Бәјәзидин (1481—1512) гызы олмушдур. Сәлчуг султан II Бәјәзидин сағлыгында вәфат етмиш вә о, Истамбулда Бәјәзид мәсчиди јанында хусуси түрбәдә дәфн олунмушдур. Газы Хосров бәј султан сарајында бөјүјүб, мүкәммәл тәһсил алмышдыр. Дајысы шаһзадә Мәһәммәд Кәфәјә (Феодосијаја) 1503-чү илдә һаким тәјин едилдикдә, онунла бураја кәлмиш вә дајысынын елчиси сифәтилә Москваја көндәрилмишдир. О, Султан Сүләјманын (1520—1566) һәрби сәфәрләриндә иштирак етмиш бир сәркәрдә кими бир сыра шәһәр вә вилајәтләри Османлы империјасына гатмышдыр. 1521-чи илдә Боснија һакими тәјин едилән Хосров бәј 1541-чи илдә вәфат етмиш вә өзүнүн сағлыгында Сарајеводакы мәсчидинин јанында тикдирдији түрбәдә дәфн олунмушдур.

Газы Хосров бәјин мәдәнијјәт сәһәсиндәки фәалијјәти онун әскәри-сәркәрдәлик хидмәтләриндән даһа үстүн вә даһа мұһүмдүр. Елә буна көрә дә онун ады бу күнә гәдәр јашамагда вә һөрмәтлә чәкилмәкдәдир. О, чохла мәсчид, һамам, тәкјә, карвансара, мәдрәсә вә с. тикдирмишдир. 1537-чи илдә инша етдирдији мәдрәсә әсрләр боју тәдрис мүәссисәси олмуш, чохла алим вә шаир бурада тәһсил алмышдыр. Хосров бәј чох зәнкин бир әразини хејрхәһ ишләр үчүн вәғф етмишдир. 1541-чи илдә вәфат едәркән варидагы 800831 агча олмушдур. 1932—1933-чү илләрдә онун вәғфи 3 709 535 динар 55 пара (112 000 түрк лирәси) мигдарында имиш. 1531-чи илдә тикдирдији мәсчидин 400 иллији 1932-чи илдә тәнтәнә илә гејд едилмишдир.⁶

Газы Хосов бәј китабханасында 15 минә гәдәр әрәб, фарс вә түрк дилләриндә әсәр вардыр. Бунлардаан енциклопедија, «Гуран», «Гуран» елми, «Гуран»ын феһрестләри, фиғһ, фитва, фәраид (вәрәсәлик һүғуғи), һәдис, дуа вә саирәдән ибарәт 1957 әлјазманын икки чилддән ибарәт каталогу чап едилмишдир. 1963-чү илдә чап олунмуш биринчи чилдә 795, 1979-чу илдә чап олунмуш икинчи чилдә исә 1162 әлјазманын тәсвири верилмишдир. Һәр икки чилд Гасим Добрача тәрәфиндән тәртиб олунмуш вә о, һәр икки чилдә мүкәммәл мүғәддимә јазмышдыр. Биринчи чилдин елми редактору Һазим Шабанович, икинчи чилдин елми редактору исә Һәсән Калашидир. Биринчи чилдә Газы Хосров бәј китабханасынын директору Дәрвиш Таффо өн сөз јазмышдыр. Өн

сөз вә мүғәддимәләрин инкилис вә әрәб дилләриндә тәрчүмәләри дә верилмишдир. Һәр икки чилдин сонунда чох нәфис вә көзәл хәтлә үзү көчүрүлмүш әлјазмаларын илк вә сон сәһифәләринин фотосу верилмишдир. Олдугча көзәл вә елми шәкилдә чап едилмиш каталогларын сонунда адлар көстәричиләри вардыр.⁷

Һазырда китабханада олан әдәби, тарихи вә с. әлјазмаларын каталогу чапа һазырланыр.

Јухарыда адлары чәкилмиш каталогларда Азәрбајҗанын алим, шаир вә хәтәтләринин да әсәрләри вардыр. Нүмунә олараг ашағыдакылары көстәрә биләрик:

Чәмаләддин Мәһәммәд ибн Әбдүлғәни Әрдәбилнин (XIII әср)⁸ Зә-мәһшәринин «Унмузәч»инә јаздыгы шәрһ.

Мөвлана Әһмәд Бәрдәнин 850/1446-чы илдә Ширваншаһ Хәлилүллаһ (1417—1462) ибн Шејх Ибраһимә (1382—1417) итһаф етдији «Һашијәт әл-Бәрдән әл шәрһ әл-әғанд әл-һисфијјәтә әл-Тәфтәзани» әсәри.

Сирачәддин Маһмуд ибн Әбүбәкр Урмәвинин (вәф. 1283) мәнтигә аид «Мәтали әл-әнвар» әсәринә Давуд Ширванынын вәф. 1446) јаздыгы «Һашијәт әл-Давуд әла шәрһ әл-мәтали» әсәри.

Һәсән Дағыстанлы «Хүләсәт әл-фәванд фи елм әл-әғанд» әсәри. Әлјазманын үзү 1808-чи илдә көчүрүлмүшдүр.

Шејх Иззәддин Әбүлфәзәјил Ибраһим ибн Әбдүлваһһаб Зәнчанинин (вәф. 1267) әрәб дилинин грамматикасына аид «Иззи мәфһүм» әсәринин түрк дилинә тәрчүмәси. Тәрчүмә «Иззи», «Мәбади әл-тәсриф», ја-худ «Тәсриф әл-Зәнчани» дә адланыр. Әлјазманын үзү 1770-чи илдә көчүрүлмүшдүр.

Кәмаләддин Мәс'уд Ширванинин (вәф. 1499) Мәһәммәд Сәмәргәнди-нин «Рисаләји-Сәмәргәндијјә» әсәринә јаздыгы «Шәрһ әл-рисаләт әл-Сәмәргәндијјәтә фи адаб әл-бәһс вәл мәназирәт» әсәри.

Шејх Ибраһим Шәбүстәринин (вәф. 1511) 1494-чү илдә әрәб дили-нин синтаксисинә аид јаздыгы «Һиһәјәт әл-бәһчәт» әсәри.

«Вәлиәддин Әбу Абдуллаһ Мәһәммәд ибн Абдуллаһ Хәтиб Тәбризи-нин (вәф. 1342) «Мишкат әл мәсаһиб» вә «Әл-Икмал фи әсма әл-ричал». Биринчи әсәр XVIII—XIX әсрдә, икинчи әсәр исә 1785-чи илдә көчү-рүлмүшдүр.

Мәһәммәд ибн Чәмаләддин ибн Рамазан Ширванинин (вәф. 1613) «Һашијәт әш-Ширвани» әсәри. Бәјзавинин тәфсириңә јазылмыш шәрһ-дән ибарәтдир. XVII әсрдә үзү көчүрүлмүшдүр.

Газы Хосров бәј китабханасында икки нәфәр ширванлы хәтәтатын үзүнү көчүрдүју әлјазмалар да сахланылыр. Әбдүлмө'мин ибн Әбдүл-мәлик ибн Әбдүлләтиф Ширвани (XIV әср) вә Әбүбәкр ибн Рүстәм ибн Әһмәд ибн Маһмуд Ширвани (XVIII әср).

Китабхана XVI әсрдә тикилмиш икимәртәбәли көзәл бинада јерлә-шир. Әлјазмалар чох сәлигә вә саһманла сахланылыр. Китабханада әл-јазмаларын ксеросурәтнин чыхармаг үчүн хусуси машын вардыр. Китаб-хана хусуси буклет вә откриткалар чап етдирир. Бунларда китабхана-нын тарихи, әһәмијјәти көстәрилир, ән көзәл әлјазмалардан хәтт нүму-нәләри, миниатүрләр, нәфис сәһифәләр вә саирәнин рәнкли фотосу ве-рилир.

Проф. Е. Бирнбаумун мәғаләсиндә Сарајеводакы Шәргшүнаслыг Институтунун китабханасында да әрәб, фарс вә түркдилли әлјазмалар сахланылдыгы көстәрилдији үчүн, хәһиш етдим ки, мәһи ораја апарсын-лар. Јухарыда ады чәкилән Сүләјман мәһи института апарыб Чамал

still uncatalogued part 2: Jugoslavia, Bulgaria, Romania, Journal of the American Oriental Society, 103, 3 (1983).

4. The Ghazi Khusrav beg Library Sarajevo, Sarajevo, 1982, p. 13—15.

5. Азербайжан Совет Энциклопедијасы, VIII чилд, с. 294.

6. Ислам ансиклопедиси, V чилд, I ниссә.—Истамбул, 1977, с. 601—605.

7. *Dobraca Kasim*. Katalog Arapskih, Turskih i Perzijskih rukopisa, Tome 1, Sarajevo, 1963; Tome II, Sarajevo, 1979.

8. Магаләдәки бүтүн тарихләр каталогларда јазыланлара әсәсән верилмишдир. Бә'зиләри сәһвдир.

9. Сејид Јәһја һаггында кениш мә'лумат үчүн бах: *Бакыханов А.* «Кулүстани-Ирәм», —Баку, 1951, с. 217; *Ашурбейли Сара.* Очерки истории средневекового Баку.—Баку, 1964, с. 162—164; *Сејидов Ф.* Азербайжанын көркәмли хадимләри, Азербайжан ССР ЕА Хәбәрләри, 1946, № 9, с. 96—97; *Бунятов Д. З.* *Искендеров Д. А.* Биографии двух известных Азербайджанских суфиев в сочинении Ибн-ал-Имада ал-Ханбали. Азербайжан ССР ЕА-нын мә'рузәләри, 1979, № 3; с. 79—81; *Ates Anmed.* Istanbul kütüphanelerinde farsça manzum eserler, I cilt, Istanbul, 1968, s. 368—371.

10. *Čebajić Džemal.* Derviski redovi u Jugoslovenskim zemljama, Sarajevo, 1986.

11. *Trako Salin.* Katalog Perzijskih rukopisa Oriental instituta u Sarajevu, Sarajevo, 1986.

АЗӘРБАЈҶАН ССР ЕЛМЛӘР АКАДЕМИЈАСЫНЫН ХӘБӘРЛӘРИ
Тарих, фәлсәфә вә һүгүг сәријасы, 1987, № 2

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Серия истории, философии и права, 1987, № 2

СООБЩЕНИЕ

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ТЮРКСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Во Фрунзе закончила свою работу первая всесоюзная конференция по ономастике тюркских народов Советского Союза. В столицу Киргизии съехались ученые из Москвы, Ленинграда, Чебоксар, Кишинева, Тбилиси, Орджоникидзе, Ташкента, Ашхабада, Алма-Аты, Нукуса, Оша, Кызыла и других городов нашей Родины. Организаторы конференции — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Институт языка и литературы АН Киргизской ССР, а также Республиканское географическое общество.

Конференцию открыла академик АН Киргизской ССР Б. О. Орузбаева. На пленарном заседании выступил лауреат Ленинской премии доктор географических наук Э. М. Мурзаев. Почетный член Международного комитета ономастических наук при ЮНЕСКО, руководитель группы ономастов Института этнографии АН СССР В. А. Никонов сделал доклад «За чистоту марксистско-ленинских принципов в ономастике». Доктор филологических наук Т. Дж. Джанузаков познакомил присутствующих с докладом о состоянии исследований и перспективах развития тюркской ономастики, а старший научный сотрудник ленинградского отделения Института востоковедения С. Г. Кляшторный рассказал участникам конференции об этнониме кипчак. На пленарном заседании выступил известный писатель, Герой Социалистического Труда Чингиз Айтматов. От имени Союза писателей он приветствовал участников конференции.

Дальнейшая работа конференции проходила в секциях этнонимии, антропонимии, топонимии. В трех других секциях обсуждались проблемы космонимии, зоонимии и теонимии. Работали также секции по собственным именам в художественной литературе и общим вопросам ономастики.

Представители науки Азербайджана выступили с большим количеством

докладов. Так, сообщение кандидата филологических наук доцента АГУ Т. Ахмедова было посвящено вопросу о типах азербайджанских топонимов. Ученый говорил о трех функционально-структурных типах географических имен. Младший научный сотрудник Института востоковедения АН АзССР Ч. Мирзаде познакомила участников конференции с этимологией топонима «Шамхор». Доклад «Тюркские этнонимы Апшеронского полуострова» (в соавторстве с Р. Юзбашевым) был прочитан младшим научным сотрудником Института географии АН АзССР М. Аббасовой. Научный сотрудник того же института С. Керимов познакомил присутствующих с тюркскими сельскохозяйственными терминами в топонимии Азербайджана.

Были также выступления по этнонимике. Так, доктор исторических наук профессор Ю. Юсифов (АПИ им. В. И. Ленина) прочитал доклад о древней этнонимии Азербайджана, а также выступил на заключительном пленарном заседании с предложениями, принятыми оргкомитетом конференции. Доклад, посвященный важному вопросу отражения этногенетических контактов народов Кавказа в этнонимии Азербайджана, сделала ведущая кафедра общего и русского языкознания доцент Л. Гулиева. Старший научный сотрудник Института истории АН АзССР К. Алиев выступил с докладом «Гаргары: этнонимические параллели».

Сообщения по другим областям ономастики также представляют большой интерес. Антропонимическим категориям на азербайджанском материале посвятил свое выступление доктор филологических наук Ш. Саадиев (Ин-т языкознания АН АзССР), а кандидат филологических наук доцент АГУ В. Марданов познакомил слушателей с докладом о правописании азербайджанских личных имен в связи с особенностями фонетических закономерностей русского и азербайджанского

языков. Титулатуре в азербайджанском языке был посвящен доклад А. М. Пашаева (диссертант АГУ им. С. М. Кирова). Кандидат филологических наук доцент АГУ Г. Алиев познакомил аудиторию с докладом «Антропоним становится символом». Докладчик обратил внимание на вопросы графической передачи азербайджанских антропонимов в русском языке. Выступление младшего научного сотрудника Института языкознания АН АзССР Ч. Гусейнзаде было посвящено структуре древнетюркских антропонимов в средневековых арабских письменных источниках.

Интересны названия представителей животного мира. В этом отношении примечателен доклад кандидата географических наук старшего научного сотрудника Института географии АН АзССР Э. Нуриева о зоонимии в топонимике Азербайджана. Зоонимии Бабекского района Нахичеванской АССР было посвящено выступление доцента Нахичеванского пединститута И. Гаджиева. Были зачитаны доклады Н. Мамедова «Некоторые закономерности образования оронимии Азербайджана» и С. Мирмахмудовой «Азербайджанские этнонимы на территории Армянской ССР».

В работе конференции приняли участие ученые из других республик. Так, с докладом о тюркоязычных ойконимах Квенокартли (на востоке Грузии) выступил кандидат филологических наук, доцент Тбилисского государственного педагогического института М. Чобанов. Кандидат географических наук старший преподаватель Государ-

ственного пединститута Тувинской АССР (г. Кызыл) Х. Л. Ханмагомедов познакомил участников конференции с докладом «Сравнительная характеристика тюркской топонимии Дагестанской и Тувинской АССР». Большая часть докладов затронула кардинальные вопросы тюркской ономастики.

На заключительном пленарном заседании были прочитаны доклады об итогах и перспективах киргизской ономастики (кандидат географических наук С. У. Умурзаков), о способах выражения теонимических представлений и понятий у казахов (академик АН Казахской ССР А. Т. Кайдаров), а также о взаимодействии иранской и тюркской этнонимии Северного Причерноморья (доктор филологических наук проф. Московского государственного пединститута им. В. И. Ленина И. Г. Добролюбов). На заседании было также уделено внимание проблемам ономастики (кандидат филологических наук сотрудник института языка и литературы АН Узбекской ССР Э. Негматов) и тюркским названиям лекарств (академик АН Киргизской А. Алатмышев).

В работе конференции приняли участие народный писатель Киргизии Т. Салыкбеков, известные языковеды, историки и географы республики. Участники конференции совершили увлекательное путешествие на озеро Иссык-Куль. Работа первой всесоюзной конференции по тюркской ономастике прошла на высоком научном уровне.

Кемал Алиев

АЗЕРБАЙДЖАН ССР ЕЛМЛЭР АКАДЕМИЈАСЫНЫН ХЭБЭРЛЭРИ
Тарих, фәлсәфə və һүгүг серијасы, 1987, № 2
ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Серия истории, философии и права, 1987, № 2

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ ИНТЕРЕСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ПОЛИТИКЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ТУРЦИИ

Среди основных социально-экономических проблем современной Турции далеко не последнее место по важности занимает проблема диспропорциональности территориального распределения производительных сил: в этой стране более четверти всего населения проживает в отсталых районах Восточной Анатолии, где средний доход на душу населения не превышает 50—60% средненационального показателя. Хотя проблема отсталого Востока существует давно, однако до сих пор она не привлекала специального внимания советских ученых-туркологов и пока затрагивалась в самой общей форме. Рецензируемая книга практически первая публикация, всецело посвященная анализу вопросов неравномерности регионального развития современной Турции.

Работа написана на базе привлечения очень большого фактического материала, почерпнуто главным образом из турецкой научной литературы и периодики, а также личных наблюдений и впечатлений автора книги, который неоднократно посещал изучаемую им страну. Хотя монография посвящена анализу современного положения, но в ней содержатся и многочисленные экскурсы в прошлое, что позволяет лучше уяснить суть исследуемой проблемы, т. е. причины возникновения и углубления неравномерности территориального размещения производительных сил.

Книга начинается с констатации того положения, что политические партии и организации правящих классов Турции в погоне за голосами избирателей постоянно декларируют свою готовность ликвидировать существующую диспропорциональность развития различных

районов страны, в частности, преодолеть экономическую, социальную и культурную отсталость восточных районов Турции. В работе приводятся соответствующие выдержки из программ многих правительственных кабинетов и делается вывод, что в своей практической деятельности буржуазные правители не влияли сколь-нибудь положительно на преодоление неравномерности регионального развития.

Серьезный и целенаправленный подход к этой важной проблеме национального развития проявляли политические партии и организации трудящихся, что в книге показано на примере подхода к указанной проблеме Рабочей партии Турции (РПТ) — партии турецкого легального социализма, функционировавшей с 1961 по 1971 гг. и с 1975 по 1980 гг. В работе подчеркивается, что РПТ, несмотря на всевозможные репрессии и гонения властей, отстаивала в вопросах подъема «бедствующих восточных вилайетов страны» четко сформулированный прогрессивный курс, который предусматривал плановое развитие и рациональную организацию народного хозяйства страны (с. 12—21).

При анализе причин наметившегося отставания восточных районов констатируется, что это результат не только действия закона неравномерности социально-экономического развития при капитализме, но и шовинистической политики господствующих классов в областях страны, населенных курдами, армянами и другими национальными меньшинствами. Поэтому уже в период Османской империи наблюдались поразительные контрасты в географическом размещении производительных сил: относительно развитому Западу противостоял отсталый Центр и особенно Восток империи. Автор подчеркивает, что это положение предопределялось целым комплексом причин, «главенствующей из которых являлось традиционно пренебрежительное отношение «блистательной» Порты к нуждам и запросам

* Комахидзе Н. В. Проблемы преодоления социально-экономической отсталости Востока Турции в программных установках буржуазных политических партий страны (к вопросу о теории и практике). — Тбилиси, 1985. — 92 с.

жителей восточных вилайетов» (с. 26).

Серьезной причиной отставания восточных районов империи явилась осуществлявшаяся султанским правительством политика задабривания вождей курдских и арабских кочевых и полукочевых племен, на которых оно рассчитывало как на стражей восточных и юго-восточных рубежей империи против шиизма и шиитского Ирана (с. 35—37). Но и после провозглашения республики центральная власть фактически гарантировала феодалам Востока невмешательство в их дела по эксплуатации подчиненного им населения племен. И потому законы анкарских властей имели силу в этих районах лишь тогда, когда они способствовали укреплению власти феодалов и удержанию подвластного населения в полном подчинении (с. 31—33).

Касаясь особенностей участия восточных районов в общественном разделении труда в годы республики, автор обращает внимание на экономическую замкнутость этих районов, так как они располагали ограниченными возможностями производства промышленной продукции, превращения продукции земледелия и животноводства в товар.

В монографии специально подчеркивается, что для Турции преодоление региональной неравномерности не только экономическая, но и важная социально-политическая проблема. Когда в этой стране приступили с начала 60-х годов к разработке долгосрочных планов национального развития, то проблема нивелирования региональных различий официально заняла в этих планах одно из первых мест. Однако при подведении итогов реализации очередных планов отмечалась, как правило, безуспешность намеченных в этой области мероприятий и потому вновь составляемые планы практически полностью копировали старые, неэффективность которых была заведомо известна.

Специальное внимание фиксируется в книге на роли Восточной Турции в милитаристских планах НАТО. Поскольку Турция с 1952 г. является членом Североатлантического союза, то ее восточные провинции, граничащие с Советским Союзом, считаются одним из важнейших участков юго-восточного фланга этого агрессивного блока.

Безусловно, как и во всяком другом научном исследовании, в монографии

Н. В. Комахидзе имеются отдельные спорные и противоречивые суждения, явные неточности и другие мелкие дефекты. Так, представляется весьма спорным утверждение автора о том, что товарно-денежные отношения в экономическом организме султанской Турции складывались под влиянием требований не внутреннего, а внешних рынков (с. 23). По нашему мнению, социально-экономические процессы повсеместно, включая и развивающиеся страны, определяются в конечном счете внутренней динамикой данной страны, а не тем, что она получает извне. Главные импульсы своего развития. Между прочим, и сам автор далее совершенно резонно отмечает, что, например, чифтлики — крупные предпринимательские хозяйства — возникали не только в результате заинтересованности зарубежных стран в турецкой сельскохозяйственной продукции, но и «внутреннего спроса, вызванного ростом городского населения, созданием регулярной армии и т. д.» (с. 24).

Анализ особенностей участия восточных районов в общественном разделении труда за годы республики ведется почти исключительно на фактическом материале 30-х годов. Между тем именно после 30-х годов происходили наиболее важные явления в территориальном размещении производительных сил и обострялись региональные диспропорции.

На страницах книги содержится довольно много материала, не имеющего прямого отношения к рассматриваемой проблеме. Это, например, сообщения о попытках турецких правящих кругов превратить свою страну в банковский центр Ближнего и Среднего Востока, о планах строительства нефтепровода Иран—Турция, о введении платы за обучение в турецких вузах и т. п. В работе встречаются повторы и отдельные нарушения стройности изложения материала.

Вызывает возражение и название книги — очень многословное и явно избыточное. Нам представляется, что заголовок «Политические партии Турции о проблемах регионального развития» был бы намного короче, а главное, точнее отразил бы всю проблематику данного научного сочинения. Ведь речь в нем идет о программных установках не только буржуазных, но и левых демократических партий Турции.

В целом, книга Н. В. Комахидзе на примере одной развивающейся страны дает довольно четкое представление о

неравномерности территориального распределения производительных сил, о дальнейшем обострении этой проблемы вопреки декларативным заявлениям правящих кругов о взятии ее под свой

контроль и нивелировать уровень развития различных частей страны. Как первая работа на данную тему она, несомненно, представит значительный интерес для широкого круга читателей.

П. П. Мусеев, А. К. Керимов.

ТӘНГИД ВӘ БИБЛИОГРАФИЈА

ДОКТОР ФЕТНІ ТӘВӘТОҒЛУНУН «НӘМДУЛЛАҺ СУБҺИ ТАНРЫӨВӘР» ӘСЭРИ НАГГЫНДА*

Мүасир түрк тарихшүнаслыгында кәңч нәслин идеја-сијасы вә әдәби-естетик тәрбијәсиндә мүнһүм хидмәтләри олан биографик әсәрләрин јазылмасына хууси диггәт верилир. Милли вәтәнпәрвәрлик руһунда јазылмыш һәмни әсәрләрин әсас гәјәси илк нөвбәдә Түркиянин социал-интисади вә сијаси инкишаф тарихиндә синлимәз из бурахан ајры-ајры шәхсијәтләрин һәјат вә фәалијәтләрини тәблиг етмәкдән ибарәтдир. Лакин бунунла белә биографик әсәрләр кејфијәтчә гејд етдијимиз чәрчивәдә мәһдудлашмыр вә тарихшүнаслыг бахымындан онларын елми тәдгигат иши кими практик әһәмијјәти чох бөјүкдүр.

Һазырда түрк тарихчиләри арасында биографик мөвзулара тез-тез мұрачнәт едән мұәллифләрән бири доктор Фетнә Тәвәтоғлудур. Онун нөвбәти тәдгигат иши дә гејд етдијимиз әсәрләр силсиләсиндән олуб, М. К. Ататүркүн мүасири, 1918—1922-чи илләрдә түрк халгынын милли-азадлыг һәрәкатында јахындан иштирак етмиш танымыш әдиб вә сијаси хадим Н. С. Танрыөвәрин (1885—1966) һәјат вә фәалијәтини әһатә едир.

Маарифпәрвәр бир аиләдә** анадан олан Н. С. Танрыөвәр зиддијәтли бир һәјат јолу кечмишдир. Кәңчлик илләри Османлы империјасынын дәрин социал-интисади вә сијаси сарсынтыларла долу бир дөврүнә тәсадүф едән Н. С. Танрыөвәрин әдәби вә ичтиман-сијаси дүнја-көрүшүнүн формалашмасында XX әсрнин әввәлләриндә мејдана кәлән түркчүлүк вә түрк миллијәтчилијни кими чәрәјанлар һалләдичи рол ојнамышлар:

* Н. С. Танрыөвәрин бабасы Әбдүрраһман Сами паша тәнзимат дөврүндә Османлы империјасынын илк маариф назирли олмуш, јени османлылар јахын олан атасы Әбдүлләтиф Сүбһи паша исә бу һәрәкатын лидерләриндән Намыг Камалы султан II Әбдүлһәмидин гаплы пәнчәсиндән хилас етмишдир. Кәңч түрк-

ләрин идеја-сијаси көрүшләри олан түркчүлүк вә түрк миллијәтчилијни принципләрини мәннисәмәш Н. С. Танрыөвәр түркчүлүјүн тәблигат мәркәзи олан «Түрк очағлары» дәријини јараданлардан биридир. Ф. Тәвәтоғлу әсәрдә Н. С. Танрыөвәрин бу сәһәдәки хидмәтләрини гејд едәрәк јазыр ки, османлы чәмијјәтиндә түрк миллијәтчилијини социал бир һәрәкат вә әдәби чәрәјан кими формалашмасы мәнз онун ады илә бағлыдыр. Лакин әсәрин мұәллифи Н. С. Танрыөвәрин хидмәтләрини «мүнһүм» бир тәрәфини гејд етмәји «нәзәрдән гачырыб». Бу да ондан ибарәтдир ки, Н. С. Танрыөвәр «Түрк очағлары» дәријини Османлы империјасынын мәнвинә сәбәб олан «Иттиһад вә Тәрәғги» партијасынын пантүркист башчыларынын авантюрист идејаларынын тәблигат мәркәзинә чевирмишди.

Әсәрдә Н. С. Танрыөвәрин республика дөврүндәки әдәби вә ичтиман-сијаси фәалијәти даһа кениш әксини тапыб. Бу дөврдә бир сыра дөвләт вә партија вәзифәләри тутмуш Н. С. Танрыөвәр 20—30-чу илләрдә Түркиянин социал-интисади, мәдәни вә сијаси һәјатында һәјатә кечирилән буржуа ислаһатларында јахындан иштирак етмишдир. Лакин бунунла белә о. Ататүрк принципләринә үйгүн кәлмәјән пантүркист вә панисламист идејаларын тә'сириндән іаха гуртара билмәмишдир. Буну Н. С. Танрыөвәрин әсәрдә әксини тапымыш рәсми чыхышлары вә публицист мәгаләләриндән дә көрмәк олар.

Әсәр нә гәдәр тенденсијалы бир руһда јазылса да, елми дәјәр бахымындан онун әһәмијјәти аз дејил. Белә ки, әсәрдә XIX әсрнин соңу, XX әсрнин биринчи јарысында Түркиянин социал-сијаси һәјатында баш вермиш һадисәләри әһатә едән вә тарихи әдәбијәтдә чох зәиф әксини тапыл кифајәт гәдәр фактики материаллар раст кәлишир.

Јашар Мәсимов

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЈА

ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ ДРУЖБЫ И БРАТСТВА НАРОДОВ СССР

Проблема укрепления братской дружбы советских народов всегда была и остается одной из актуальных. Она привлекала внимание исследователей на всех этапах развития советской историографии. К настоящему времени опубликовано большое количество монографий, брошюр и статей разных профилей и жанров по вопросам национальных отношений, по различным аспектам и периодам развития дружбы и сотрудничества советских республик. Этой же проблеме посвящена и рецензируемая книга Г. Н. Топузлу*.

Опираясь на труды В. И. Ленина, документы КПСС и Советского государства, автор умело обобщает опыт Коммунистической партии по осуществлению ленинской национальной политики. Несмотря на традиционность многих рассмотренных вопросов, ему удалось написать интересную и оригинальную работу.

В книге ярко отражены истоки братской солидарности и зарождавшейся дружбы народов России, в частности молдавского и русского народов в дореволюционный период и в первые годы Советской власти. Г. Н. Топузлу ссылаясь на факты, почерпнутые им из документов партии и правительства, раскрывает роль объединительного движения народов за образование союзного государства, процесса создания СССР, Молдавской АССР, а затем и Молдавской ССР. Автор убедительно показал правильность ленинского предвидения о том, что «вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима» [1, 288]. Приведенные многочисленные факты, свидетельствующие о достигнутых успехах

добровольно объединившихся республик в социалистическом строительстве, подтверждают глубокий реализм ленинской национальной политики партии, всемирно-историческое значение национально-государственного строительства в СССР, опыта КПСС по формированию интернационалистского сознания широких масс трудящихся нашей страны.

Суровой проверкой верности ленинской национальной политики явилась героическая борьба трудящихся СССР, Молдавской ССР против немецко-фашистских захватчиков. Факты, приведенные автором в книге, свидетельствуют о том, как ярко проявились советский патриотизм, тесное межнациональное сотрудничество не только в дни борьбы с захватчиками, но и в дни мирного созидательного труда, и как многонациональный состав страны впервые в истории из источника ее слабости превратился в источник ее силы. Автор, ссылаясь на большое количество фактического материала, показал неоценимую помощь оказанную Молдавии братскими республиками сразу же после войны, оборудованием, машинами, материалами, кадрами и т. д. Благодаря такой помощи уже к началу 50-х годов многие отрасли народного хозяйства МССР значительно превзошли по производству продукции предвоенный уровень, а в целом, валовая продукция промышленности республики удвоилась по сравнению с 1940 г. (с. 56), а сельское хозяйство республики уже в 1948 г. достигло довоенного уровня и к 1950 г. была завершена коллективизация в правобережных районах Молдавии (с. 104).

Специальное выделение роли братского сотрудничества и взаимопомощи советских народов в индустриальном развитии Молдавии дало возможность показать, как благодаря братской помощи бывшая аграрная окраина превратилась в регион с мощной современной промышленностью. Автор убедительно показал путь края от относи-

* Топузлу Г. Н. Сотрудничество Молдавской ССР с братскими республиками. — Кишинев: Картия Молдовеняскэ, 1986. — 190 с.

тельно недалекого прошлого, когда промышленным достижением считалось производство черепицы и гвоздей для розничной продажи, до современного состояния развитой промышленности, на долю которого приходится почти две трети всей валовой продукции народного хозяйства МССР. На конкретных фактах показано значение создания материально-технической базы социализма в СССР в ускоренном развитии освобожденных районов Бессарабии, которые могли целиком и полностью опираться на всю экономическую мощь страны и не повторять все те этапы, которые пришлось пройти в автономной республике. Это относится и к темпам коллективизации и развития сельского хозяйства республики, увеличения ее удельного веса в аграрно-промышленном комплексе страны. В главе, раскрывающей эти вопросы, показаны качественные перемены, произошедшие в сельском хозяйстве республики, и роль межреспубликанского сотрудничества в этом процессе. Себя оправдало выделение автором вопросов индустриализации и коллективизации в самостоятельные главы. Это дало возможность конкретизировать и обобщать, сделать аргументированные выводы о растущем значении экономических связей республик в укреплении единого народнохозяйственного комплекса СССР, интернационального единства трудящихся, однородности советского общества, образовании новой социальной и интернациональной общности людей — советского народа.

Автор правильно связывает высокие темпы развития промышленности и сельского хозяйства, всей экономики Молдавии с широкой помощью братских республик, союзного государства, наличием общесоюзного народнохозяйственного комплекса. В книге приводятся факты, подтверждающие это положение, анализируются данные межотраслевых балансов за 1966, 1977 гг. (с. 66—67; 122—123), показывается вес и место МССР в общесоюзных заготовках сельскохозяйственной продукции (с. 126), положительное влияние процессов межреспубликанской специализации и кооперации на развитие ее экономики. Здесь следует отметить, что глава, посвященная межреспубликанскому сотрудничеству в области сельского хозяйства, написана более обстоятельно и у автора больше конкретных и обобщающих данных, выводы и обобщения носят более аргументированный характер.

В книге на конкретном историческом материале освещаются взаимодействие

братских культур, интернационализация духовной жизни советских народов. Г. Н. Топузу справедливо связывает высокие темпы культурного строительства в Молдавии с широкой помощью, оказанной союзным правительством в проведении культурных преобразований в республике. В книге анализируются такие формы помощи, как выделение значительных ассигнований на нужды просвещения, предоставление мест молдавской молодежи в вузах страны и т. д. В 1924 г. на нужды народного образования МАССР израсходовали 30% всего бюджета республики. И это тогда, когда в крае еще не были преодолены разруха, голод, безработица, материальное положение рабочих и крестьян оставалось крайне тяжелым. «Такого не знала в своей истории ни одна страна мира», — делает вывод автор (с. 149). А в 1940 г. ассигнования на социально-культурные мероприятия по сравнению с 1924 г. увеличились в 76 раз (с. 149). В 1983 г. государственные ассигнования на развитие только здравоохранения и физической культуры республики в расчете на душу населения превзошли уровень 1940 г. в 44 раза (с. 175). Эти данные, приведенные автором дают представление о достигнутых успехах в культурном строительстве Молдавии. Автор, опираясь на факты показывает устоявшиеся формы межреспубликанского сотрудничества в области развития различных сфер духовной культуры и их значения для укрепления дружбы и братства народов.

Надо отметить, что при всем разнообразии рассматриваемых вопросов, автор сумел выделить то общее, что объединяет все четыре главы книги — деятельность коммунистической партии по укреплению дружбы и сотрудничества народов. Большое количество фактического материала, изложенного и проанализированного в исторической последовательности и умело обобщенного автором, приводит читателя к убеждению, что дружба и братство народов, бескорыстная помощь, взаимопомощь и сотрудничество между ними возможны только в условиях реального социализма.

Однако не все в равной мере удалось автору. На наш взгляд, можно было бы избежать некоторых достаточно известных, общих положений, повторений. Хотелось бы, чтобы затронутые вопросы им рассматривались одинаково обстоятельно. Вопросы межреспубликанского соревнования, обмена производственным опытом, кадрами,

научными достижениями не получили достаточно широкого освещения. Сотрудничество Молдавской ССР с братскими республиками в области культуры (взаимопереводы, театральные поездки, радио, телевидение и т. д.) дается очень фрагментарно, без достаточно богатой документальной базы и т. д.

Несмотря на отмеченные недостатки, в целом, книга Г. Н. Топузу представляется полезной и актуальной. Она восполняет пробелы как в общесоюзной, так и молдавской историографии и будет способствовать воспитанию трудящихся, особенно молодого поколения, в духе советского патриотизма, дружбы народов и социалистического интернационализма, позволит использовать ее в практике идеологической работы, на что нацеливает январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС, в котором подчеркнута необходимость

«уберечь от разлагающего влияния национализма подрастающее поколение» [2]. Рецензируемая книга, несомненно, поможет широкому кругу читателей понять огромное значение и жизненную силу ленинской интернациональной политики в СССР и правильно оценить измышления идеологов антикоммунизма, пытающихся опорочить ленинскую политику социалистического интернационализма, посеять среди трудящихся зарубежных стран недоверие к Советскому Союзу, ослабить притягательную силу советского опыта для развивающихся и угнетенных народов.

Примечания

¹ Ленин В. И. Третий Всероссийский съезд Советов Р., С и К. д. — Полн. собр. соч., т. 35.

² Правда, 1987. 28 янв.

Ф. Ахмедшина

МҮНДӘРИЧАТ

Ә. Ә. Зәркәров. Ленидәнгурма вә Азәрбајчан ичтимаијјатчыларынын мә- лүмәт потенциалы	3
Н. А. Ахундов. Бөјүк Октябр вә Совет харичи сijasәтинин тәблиғаты	11
И. Б. Мәһәррәмов. Азәрбајчан кәдинин сәсиал-мәдәни инкишафына фәһ- лә синфинин һамиллик көмәји (1971—1980-чи илләр)	21
А. А. Гасымов. Азәрбајчан ССР колхозларынын мадди-техники базасы- нын мөһкәмләндирилмәсинин колхозларын мәдәни-техники сәвијјәсинин јүксәл- дилмәсиндә ролу (1971—1980-чи илләр)	29
И. В. Әлибәјов. Етатизмин камалист принсипи: нәзәријјә вә тәчрүбә (би- ринчи мәғалә)	35
З. Ә. Әлизадә. Азәрбајчан дәвләт университетиңдә шәрг факултәсинин јаранмасы вә онун фәалијјәтә башламасы (1919—1941-чи илләр)	43
Г. Н. Исмајлова. XIX әсрдә вә XX әсрин әввәлләриндә Шуша шәһәри- нин әразиси, әһалиси вә инзибати идарә системи мәсәләсинә даир	50
И. Әлијев. Јени ерадан әввәл I миниллијин әввәли, II миниллијин со- нунда Ирандилли тајфаларын Азәрбајчан әразисинә кәлмәси	57
В. Г. Һачијев. Шимали Гағгаз халғларынын адәтләри	69
Г. Ч. Чәбијев. Дулусчулут сәнәтинин бә'зи мәсәләләри	77
Ј. В. Авласевич. Әлкәнин сәсиал-иғтисади инкишафында инчәсәнәтин ролу	82
И. А. Рәһимова. Кант фәлсәфәсиндә естетик һуманизм проблеми	91
Һ. Һ. Гулијев. Елми јарадычылыгын комбинатор модели	101
Ф. С. Сүлейманова. Имадәддин Нәсиминин сijasи көрүшләринин бә'зи мәсәләләри	108
И. А. Әлијев. Нахчыван МССР Али Советинин конституција статусу	114

Мә'лүмәт

Түрк ономастикасы үзрә биринчи конфранс	122
Әбүлфәз Рәһимов. Азәрбајчан алим вә шаирләринин әсәрләри Сарајев- китабханаларында	124

Тәңгид вә библиография

Түркијәдә рекнонал тәрәгги сijasәтинә даир марағлы тәдгигат	131
Јашар Мә'симов. Доктор Фетһи Тәвәтоғлуң «Һәмдуллаһ Сүбһи Тан- рыөвәр» әсәри һагғында	134
Ф. Ахмедшина. ССРИ халғларынын достлуг вә гардаңлыгында Ленин идејаларынын тәнтәнәси	135

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Заргаров. Перестройка и информационный потенциал общество- ведов Азербайджана	3
Н. А. Ахундов. Великий Октябрь и советская, внешнеполитическая пропаганда	11
И. Б. Магеррамов. Шефская помощь рабочего класса социально-куль- турному развитию Азербайджанской деревни (1971—1980 гг.)	21
А. А. Гасымов. Роль укрепления материально-технической базы колхо- зов Азербайджанской ССР в повышении культурно-технического уровня колхозников (1971—1980 гг.)	29
И. В. Алибеков. Кемалистский принцип этатизма: теория и практика	35
Занда Ализаде. Создание восточного факультета при азербайджан- ском государственном университете и начало его деятельности	43
Г. Н. Исмаилова. К вопросу о территории, населении, административной системе управления города Шуши в XIX—начале XX века	50
Иггар Алиев. О проникновении на территорию Азербайджана ирано- язычных племен в конце II—начале I тысячелетия до н. э.	57
В. Г. Гаджиев. Адаы народов Северного Кавказа (опыт источниковед- ческого анализа)	69
Г. Дж. Джабиев. Некоторые вопросы гонимого ремесла (I)	77
Е. В. Авласевич. Искусство — ускорению социально-экономического развития страны	82
И. А. Рагимова. Проблемы эстетического гуманизма в философии Канта	91
Г. Г. Кулиев. Комбинаторная модель научного творчества	101
Ф. С. Сулейманова. Некоторые вопросы политических взглядов Има- деддина Насими	108
И. А. Алиев. Конституционный статус Верховного Совета Нахичеван- ской АССР	114

Сообщения

А. Рагимов. Произведения азербайджанских ученых и поэтов в библио- теках Сараево	122
К. Алиев. Первая конференция по тюркской ономастике	129

Критика и библиография

И. П. Моисеев, А. К. Керимов. Интересное исследование о политике регионального развития в Турции	131
Я. Масимов. О произведении доктора Фетхи Таватогулу «Хамдуллах Суб- хи Танрыовер»	134
Ф. Ахмедшина. Торжество ленинских идей дружбы и братства наро- дов СССР	135

Сдано в набор 4.05.87. Подписано к печати 14.07.87.

ФГ 19604. Формат бумаги $70 \times 100^{1/16}$. Бумага типографская № 1.

Гарнитура шрифта литературная. Печать высокая. Усл. печ. лист. 11,37.

Усл. кр.-отт. 11,37. Уч.-изд. лист. 9,65. Тираж 1520. Заказ 545. Цена 80 коп.

Издательство «Элм».

370143 Баку-143, проспект Нариманова, 31, Академгородок, Главное здание.

Типография АН Азербайджанской ССР.

Баку, проспект Нариманова, 31.